

I. ТАБУРНО

ПРАВДА О ВОЙНѢ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕНО И ДОПОЛНЕНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1905

Типография А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ прошлаго года съ театра военныхъ дѣйствій приходили такіе разнорѣчивые слухи о положеніи нашей арміи, что разобратъся въ нихъ, а тѣмъ болѣе узнать что-либо объ истинномъ положеніи дѣлъ, было очень трудно. Въ половинѣ декабря прошлаго года я отправился на театръ войны, съ цѣлью познакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ нашихъ войскъ въ Манчжуріи и представить все въ истинномъ освѣщеніи. Разыгравшіяся событія заставили меня остаться тамъ гораздо больше времени, чѣмъ я предполагалъ, и быть свидѣтелемъ многихъ отрадныхъ и положительныхъ явленій, но, увы, еще больше

отрицательныхъ, при воспоминаніи о которыхъ становится тяжело на сердцѣ. Моя моральная обязанность—все, что я наблюдалъ и видѣлъ, представить русскому обществу. Можетъ быть я, какъ не военный, не специалистъ военнаго дѣла, буду грѣшнить въ нѣкоторыхъ выводахъ, но одно могу сказать: фактическую сторону я представлю такъ, какъ она есть, такою, какою я ее видѣлъ. Извиняюсь напередъ, что мое повѣствованіе не всегда будетъ строго согласовано съ хронологическимъ порядкомъ событій.

Можетъ быть, приводимыя мною данныя окажутся не достаточно полными: отчасти это потому, что многія свѣдѣнія нельзя еще сообщать, такъ какъ они могутъ быть полезны японцамъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАИ.
Предисловіе	v
I.—Въ пути до Мукдена	1
II.—Въ арміи	5
III.—Операція у Сандепу	9
IV.—Уходъ генерала Гриппенберга	17
V —Предположеніе о вторичномъ наступленіи на Сандепу	25
VI.—Дневникъ событіи у Мукдена	33
VII.—Паника въ обозѣ	70
VIII.—Перемѣна главнокомандующаго	89
IX.—Дѣла на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ	92
X.—Краткое резюме мукденскихъ операцій	101
XI.—Интендантство	109
XII.—Санитарная часть	116
XIII.—Желѣзная дорога и оставленіе Мукдена	130
XIV.—Военная цензура	147
XV.—Тылъ арміи	159
XVI.—Причина нашихъ неудачъ	167
XVII.—Стрѣльба	208
XVIII.—Послѣдствія сдачи Портъ-Артура	215
XIX.—Выноска раненыхъ съ поля сраженія	218
XX.—Русскій солдатъ	222
XXI.—Миръ или война	235

ОПЕЧАТКИ НА КАРТАХЪ.

<i>Напечатано.</i>	<i>Смѣдуетъ.</i>
Яцыпао	Яцаыпао.
Сяолипуза	Сяолапуза.
Пейтхоза	Патхоза.
Сентхайза	Сатхайза.
Туэлпу	Туэльпу.
Ланшаньпу	Ланшаньпу.
Лишинпу	Линшинпу.
Юхантунъ	Юхуантунъ.
Фансытунъ	Фансытунъ.
Ташангоу	Ташичао.
Сахепу	Сахэпу.
Ясытунъ	Янсытунъ.
Нюситунъ	Нюсинтунъ.
Исытай	Игсытай.
Таодятунъ	Паодаотунъ.
Цуанванчъ	Цуанванче.
Сяогоуза	Сяотоуза.
Сындафу	Саньдяфырть.
Саканза	Сахэдза.
Тахстунъ	Тахэнтунъ.
Сантайза	Сантайцза.
Тунгадза	Тунчандза.
Тхенитунъ	Тхэнитунъ.
Киузанъ	Киүзанъ.
Тасытунъ	Тасинтунъ.
Пухе	Пухэ.
Ст. Сантайцзы	Ст. Синьтайцзы.

I.

ВЪ ПУТИ ДО МУКДЕНА.

На всемъ пути отъ Самары до Харбина мнѣ встрѣчались отправляемые на театръ войны эшелоны войскъ и воинскіе грузы. Не могу сказать, чтобы, изъ всего здѣсь видѣннаго и слышаннаго мною, я вынесъ отрадное впечатлѣніе. Разказы о безпорядкахъ, производимыхъ войсковыми частями то на одной, то на другой станціи этого длиннаго пути, указывали на отсутствіе надлежащей дисциплины и на несовершенную постановку дѣла перевозки воинскихъ эшелоновъ. Войска, направляемая цѣлыми частями (ротами, батареями, эскадронами), слѣдовали въ порядкѣ. Не то было съ эшелонами, идущими на уком-

плектованіе частей, находящихся уже на театрѣ войны. Они производили безпорядки, пьянствовали, отказывались повиноваться начальникамъ и т. п. Удивляться этому, мнѣ кажется, особенно не слѣдуетъ. Вѣдь люди въ эти эшелоны брались прямо отъ сохи, обмундировывались и отправлялись съ такими же запасными офицерами, зачастую съ прапорщиками, терявшимися при малѣйшемъ осложненіи.

Чѣмъ дальше я двигался, тѣмъ рельефнѣе выступала передо мною картина несовершенства принятыхъ порядковъ. Темныхъ красокъ къ этой картинѣ подбавляло неисправное движеніе поѣздовъ, вслѣдствіе чего эшелоны вѣчно опаздывали прибывать на этапные пункты. Обѣдъ для войскъ готовится, на примѣръ, къ 11 час. утра, а, вслѣдствіе опозданія поѣзда, людямъ онъ дается въ 10 час. вечера, а то и позднѣе. Какой же это обѣдъ, да и что за ѣда въ такое время? Это обстоятельство не мало вліяло на настроеніе солдатъ. Трудно понять, почему войска не двигались вмѣстѣ съ нашими прекрасными походными кухнями (при обратномъ про-

ѣздѣ и видѣть, что нѣкоторыя части въ вагонахъ имѣли эти кухни и на нихъ готовили ѣду), необходимое число которыхъ должно бы быть приготовлено и для войскъ, идущихъ на укомплектованіе, т. е. перевозимыхъ безъ хозяйственныхъ частей.

Кульминаціоннымъ пунктомъ безпорядочнаго движенія была Забайкальская желѣзная дорога (въ настоящее время движеніе здѣсь несравненно лучше). По этому поводу со станціи Манчжурія я подалъ телеграмму въ «Новое Время», но она дошла до читателя въ неузнаваемомъ видѣ.

Мнѣ потомъ объяснили, что сообщать о передвиженіи войскъ ничего нельзя, въ виду того, что свѣдѣнія о способахъ нашего передвиженія могутъ дойти до непріятели. Но, мнѣ кажется, наивно предполагать, чтобы то, что могъ видѣть каждый, не исключая и иностранцевъ (въ поѣздѣ, въ которомъ я ѣхалъ, находились двое американцевъ, направлявшихся на какіе-то золотые пріиски для постановки драгъ), не было извѣстно непріятелю, разъ это его интересовало. Это уже — тайна полишинеля.

Харбинъ, этотъ, какъ сказать, главный тыловой пунктъ манчжурской арміи и центръ желѣзнодорожной и мѣстной администраціи, въ смыслѣ успѣшности колонизаторскихъ способностей русскаго человѣка, производитъ сильное впечатлѣніе. Шесть-семь лѣтъ тому назадъ здѣсь была пустыня. Теперь это—цвѣтущій городъ, центръ торговли съ большими оборотами, пароходствомъ, пароходными пристанями и съ кипучей коммерческой жизнью. Насколько отрадно видѣть здѣсь мощь русскаго человѣка, настолько обратное впечатлѣніе производитъ Харбинъ въ качествѣ тыла нашей арміи. Но объ этомъ будетъ сказано ниже.

II.

ВЪ АРМІИ.

По прибытіи въ Мукденъ и по полученіи соотвѣтственнаго разрѣшенія, я направился осматривать расположеніе частей нашихъ войскъ. Если быть справедливымъ, то нельзя не констатировать факта, что забота о солдатѣ здѣсь была большая. Наврядъ ли въ какую-нибудь другую войну было такъ много обращено вниманія на жизнь солдата: теплая одежда, обувь, теплое помѣщеніе, обильное и хорошаго качества продовольствіе. Въ мирное время, кажется, никогда такъ хорошо не довольствовался солдатъ, какъ въ настоящую войну: всегда и вездѣ горячая пища, даже во время сраженій. Русская по-

ходная кухня—неоцѣнимая вещь на войнѣ. Санитарное состояніе арміи такое, что лучшаго нельзя и требовать. Число больныхъ весьма ограничено.

Что же касается духа и пастроенія войскъ, то, хотя имъ нельзя было отказать въ бодрости, но, по моему мнѣнію, они все-таки не стояли на той высотѣ, которую необходимо имѣть войскамъ для славной побѣды. Не малая часть офицеровъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, не говоря уже о чиновникахъ и докторахъ, число которыхъ здѣсь очень велико, вовсе не была настроена въ пользу войны. Несочувствіе русскаго общества къ дальневосточнымъ операціямъ, недостаточное сознаніе необходимости русскаго господства на Дальнемъ Востокѣ давали сильно себя знать. Наконецъ, признаніе нѣкоторой правоты противника,—все это приводило въ пассивное настроеніе интеллигентную часть арміи и не могло вдохнуть въ нее той энергіи, которая необходима для побѣды.

Несомнѣнно, что настроеніе военной интеллигенціи передавалось и впжнимъ чинамъ. Правда, каждый офицеръ и солдатъ,

воспитанные военной дисциплиной, съ формулой безпрекословнаго повиновенія начальству, готовы были выполнить свой долгъ присяги. Но энтузіазмъ къ войнѣ отсутствовалъ, то есть не было того могучаго рычага, который даетъ побѣду и болѣе слабому войску, отсутствовало то разумное пониманіе цѣли и ея достиженія, которое служитъ и мощнымъ и сознательнымъ двигателемъ и, согласно характеристикъ японскаго генерала Нодзу,—основой дисциплины, что имъ высказано въ одномъ изъ своихъ приказовъ по арміи. Въ общемъ, я вынесъ такое впечатлѣніе, что войска безусловно будутъ отлично сражаться тамъ, гдѣ ихъ руководители будутъ стоять на должной высотѣ; но тамъ, гдѣ послѣдніе окажутся недостаточно сильными духомъ, войска, съ зародышемъ ослабленія дисциплины, безъ разумаго пониманія цѣли своей дѣятельности, легко могутъ сдать.

Уже 7-го января было извѣстно, что 12-го послѣдуетъ наступленіе нашего праваго фланга (армія Гриппенберга), а въ случаѣ удачи операціи—и по всему на-

шему фронту. Мнѣ посовѣтовали отпра-
виться въ армію ген. Каульбарса, которая
занимала центръ. Я такъ и сдѣлалъ. Къ
сожалѣнію, мнѣ не удалось быть свидѣ-
телемъ событій у Сандепу, такъ что я
сообщаю объ этомъ не какъ очевидецъ,
а по вполне достовѣрнымъ рассказамъ
другихъ.

III.

ОПЕРАЦІЯ У САНДЕПУ.

Наканунѣ операціи на нашемъ правомъ флангѣ положеніе было слѣдующее: въ ближайшихъ селеніяхъ на югѣ и западѣ отъ Сандепу находились небольшіе передовые отряды непріятеля, въ двѣ-три роты пѣхоты и по одному-два эскадрона кавалеріи, а далѣе,—верстахъ въ 20—25 (въ Тядусянпу и Сяобяхэ)—большіе разервы, и сравнительно мелкія части въ другихъ деревняхъ, вдоль рѣки Тайцзыхэ.

Въ это время наши войска были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: противъ Сандепу 8-й корпусъ; на востокъ отъ него 10-й, западнѣе 1-й Сибирскій корпусъ, еще далѣе на западъ—отрядъ генерала Мищенко (между Сифонятаемъ и рѣкою Ляхэ) и

въ резервъ — Сводно-стрѣлковый корпусъ. Общая численность всѣхъ силъ, которыми мы здѣсь располагали для наступленія, составляла около 84 тысячъ штыковъ и сабель *). (Смотри приложенную карту).

Вотъ, въ общихъ чертахъ, задача, которая была возложена на эти силы: 1-й корпусъ долженъ былъ обойти лѣвый флангъ непріятеля, овладѣвъ на пути селеніями до Суману, находящимися юго-западнѣе Сандепу (см. приложенную карту); по овладѣніи этими деревнями, отдѣлить одну бригаду и направить ее въ сторону деревни Датай, то есть почти въ тылъ Сандепу. Одна дивизія 8-го корпуса должна была атаковать Сандепу съ запада, а въ это время сказанная бригада, поступивъ въ распоряженіе командира 8-го корпуса, должна была сдѣлать то же самое съ юга. Другая дивизія 8-го корпуса и весь 10-й корпусъ въ это время должны были, оставаясь на позиціяхъ, от-

*) 8-й корпусъ—22 тыс. штыковъ, 1-й Сибирскій 18 тыс., Сводно-стрѣлковый 16 тыс., отрядъ генерала Мищенко около 6 тыс. штыковъ и сабель и 22 тыс. штыковъ 10-го корпуса, хотя онъ и не весь долженъ былъ участвовать въ наступленіи.

крыть огонь по неприятелю, чтобы отвлечь этой демонстраціей японцевъ и тѣмъ содѣйствовать атакующимъ, а, по овладѣніи Сандену, двинуться впередъ.

Отрядъ генерала Мищенко долженъ былъ демонстрировать въ тылу неприятеля.

Главные позиціи японцевъ по всему фронту были сильно укрѣплены. Передовыя позиціи были маскированы: поставлены фальшивыя заборы изъ гаоляна, сдѣлано проволочное огражденіе изъ бичевы, мѣстами поставлены фальшивыя деревянныя пупки.

Одна дивизія 8-го корпуса (кажется, 14-я), которая должна была атаковать Сандену, наканунѣ предположеннаго дѣйствія, находилась въ Ашитора, куда она была отправлена поддержать генерала Мищенко, тѣсняимаго японцами по возвращеніи его съ пресловутаго рейда на Инкоу. Поэтому атаку отложили до ея прихода. Она пришла ночью на 12-е января и, почти не отдыхая послѣ 30-ти-верстнаго перехода, 12-го утромъ двинулась въ бой и овладѣла рядомъ селеній на лѣвомъ берегу рѣки Хунхэ, въ 2—3 верстахъ западнѣе

Сандепу. 1-й Сибирскій корпусъ, ночью на 13-е января, занялъ селеніе Хэгоутай, послѣ чего завязался упорный бой у селенія Сумапу, куда прибыли подкрѣпленія изъ резерва, овладѣть которымъ ему такъ и не удалось. Занятіе Хэгоутая и бой у Сумапу стоили этому корпусу болѣе половины его состава: выбыло изъ строя около 10,000 человѣкъ. Бригада, которая должна была направиться на селеніе Даттай и оттуда двинуться одновременно съ 14-й дивизіей 8-го корпуса на Сандепу, подъ напоромъ непріятеля, не могла выполнить своей задачи и пошла не по назначенному ей направленію, а свернула на сѣверъ гораздо ранѣе Датала, стремясь отойти вообще изъ района, гдѣ она могла способствовать наступленію на Сандепу. Замѣтивъ движеніе этой бригады, командиръ 8-го корпуса воротилъ ее обратно и поставилъ на линію Маландань—Яцзыпао *). Такимъ образомъ бригада опоздала на нѣсколько часовъ, вслѣдствіе чего нужно было задержать наступленіе 14-й дивизіи, кото-

*) См. стр. VIII—опечатки на картѣ.

рая шла въ направленіи Сандепу, согласно диспозиціи. Но, осыпаемая огнемъ непріятеля, она не могла оставаться подъ нимъ безъ дѣйствія и двинулась одна атаковать Сандепу. Несмотря на сильное сопротивленіе противника, ей удалось овладѣть предместьями Сандепу — Баотайцзы, Сяосуза и Лыдзявопу, — которые, за отсутствіемъ точныхъ снимковъ, считались за самое Сандепу и были сильно укрѣплены. Вотъ почему начальникъ дивизіи и донесъ о взятіи Сандепу, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она взята не была. Оставляя предместья, японцы приготовили въ фанзахъ адскую штуку: вездѣ по стѣнамъ, на канкахъ*), гдѣ только было можно, они наложили и размѣстили разныхъ взрывчатыхъ предметовъ: гранатъ, шрапнели, динамиту и т. п., и въ послѣдній моментъ подожгли фанзы, такъ что, когда наши войска явились сюда, весь этотъ матеріалъ началъ взрываться, и мы понесли большія потери. Мнѣ рассказывали, что на столахъ

*) Вдоль стѣнъ, на высотѣ пояса человѣка, устроены изъ кирпича родъ сидѣній. Въ этихъ сидѣніяхъ есть ходы, которые отапливаются.

въ фанзахъ оставлены были мѣшочки, какъ будто съ деньгами: солдаты бросались къ нимъ, брали ихъ, и въ это время происходилъ взрывъ; оказалось, что, при хватаніи за мѣшокъ, происходило смыканіе электрическаго тока и взрывъ.

Слѣдовательно, еще предстояло взять Сандепу. Оно оказалось сильно укрѣпленнымъ всякаго рода приспособленіями, включительно до каменныхъ и бетонныхъ укрѣпленій. Войска 14-й дивизіи шли въ атаку замѣчательно стройно, такъ, какъ ихъ учили въ мирное время. Это было ихъ первое боевое крещеніе. Ихъ встрѣтилъ сильный огонь изъ пулеметовъ и ружей (въ этой операціи впервые дѣйствовали пулеметы). Здѣсь, передъ Сандепу, оказалось покрытое изломаннымъ льдомъ озеро, о величинѣ котораго не было ничего извѣстно, и даже показано на картѣ оно было не на томъ мѣстѣ. Вообще планъ Сандепу и его окрестностей въ дѣйствительности ничего общаго не имѣлъ съ тѣмъ планомъ, которымъ мы располагали. Непрiятель задержалъ наше наступленіе, и 14-я дивизія, не будучи въ состояніи удержать дольше занятыхъ

позицій, понеся большія потери, въ 2 часа ночи рѣшила отойти.

Въ этотъ же день Сводно-стрѣлковый корпусъ, бывшій въ резервъ, двинулся на помощь и два его полка еще разъ попытались атаковать Сандепу. Но попытка оказалась безрезультатной и стоила имъ большихъ жертвъ — въ 5-мъ полку осталось въ строю всего 300 человекъ.

Во время описанныхъ дѣйствій, японцы успѣли сосредоточить большія силы какъ въ центрѣ, такъ и въ окрестностяхъ Сандепу; здѣсь повели контръ-атаки, а въ центрѣ начали усиленно нажимать. Явилась опасность прорыва. Тогда главнокомандующій приказалъ отойти на прежнія позиціи и заняться ихъ укрѣпленіемъ. Въ этихъ дѣлахъ мы потеряли около 14 тыс. убитыми и ранеными и выпустили слишкомъ 67 тыс. снарядовъ, истощивъ почти весь запасъ, бывшій во 2-й арміи (осталось всего около 5 тыс.).

Такъ окончилась наша попытка овладѣть Сандепу и перейти здѣсь въ наступленіе. Впрочемъ, иначе она и не могла кончиться: непріятель сосредоточилъ здѣсь

около 100 тыс. войскъ, пришедшихъ пзъ-подъ Портъ-Артура. Вотъ когда сказалась преждевременная сдача Портъ - Артура: продержись эта крѣпость еще какую-нибудь недѣлю, дней десять, январскія операціи при Сяндепу безусловно увѣнчались бы успѣхомъ и, можетъ быть, его послѣдствія оказались бы роковыми для непріятеля. Можетъ быть, спросятъ, почему же Куропаткинъ не предпринялъ этой операціи дней на 10 раньше? Потому, что Сводно-стрѣлковый корпусъ въ то время еще не прибылъ изъ Россіи, а безъ него силъ у Гриппенберга было недостаточно; такъ, по крайней мѣрѣ, мы отвѣтили, когда я задалъ тотъ же вопросъ, и кромѣ того ген. Куропаткинъ не предполагалъ скорого паденія Портъ-Артура.

Въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ въ колѣно генералъ Мищенко и въ грудь начальникъ дивизіи генералъ Кондратовичъ, — одни изъ тѣхъ любящихъ родину генераловъ и истинныхъ русскихъ патріотовъ, которые твердо вѣрятъ въ силу и мощь русскаго народа и русскаго солдата.

IV.

УХОДЪ ГЕНЕРАЛА ГРИППЕНБЕРГА.

Послѣ того, какъ генералъ Куропаткинъ далъ приказъ возвратиться на позиціи и заняться ихъ укрѣпленіемъ, ген. Гриппенбергъ, не пожелавъ въ дальнѣйшемъ оставаться въ подчиненіи у генерала Куропаткина, уѣхалъ въ Петербургъ. Объяснить такой поступокъ командующаго второй арміей становится затруднительнымъ. Онъ не могъ не знать, что его уходъ будетъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія для войны. Если генералъ Гриппенбергъ, изъ дѣйствій генерала Куропаткина подъ Сандепу и вообще усмотрѣлъ, что послѣдній не есть тотъ человѣкъ, который долженъ стоять во главѣ манчжурской арміи, то съ его стороны было

бы гражданской доблестью сообщить свое мнѣніе Главѣ государства, хотя бы даже его предположенія и не были признаны доказанными и вполнѣ вѣрными, но, понятно, главное, если бы въ этомъ дѣяніи не скрывалось никакихъ личныхъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать инымъ путемъ, а не тѣмъ, который былъ имъ выбранъ. Онъ могъ послать надежнаго человѣка курьеромъ къ Государю съ подробнымъ донесеніемъ и, не покидая арміи, на своемъ посту дожидаться Царскаго рѣшенія, жертвуя временно своимъ самолюбіемъ.

Безусловно, уходя Гриппенберга выбраннымъ имъ способомъ имѣлъ роковыя послѣдствія. Ему непростительно было ихъ не предвидѣть, ибо не могъ же онъ быть увѣреннымъ, что непріятель не воспользуется этимъ событіемъ. Увы, его уходъ сыгралъ печальную роль въ исходѣ мукденскихъ сраженій. Неужели генералъ Гриппенбергъ не скорбѣлъ душою вмѣстѣ съ каждымъ русскимъ и любящимъ Россію человекомъ при извѣстіи о нашемъ пораженіи подъ Мукденомъ. Какъ бы не оправ-

далось предположеніе нѣкоторыхъ, что генераль Гриппенбергъ не столь скорбѣлъ объ этомъ прискорбномъ случаѣ, сколько не преминулъ воспользоваться имъ для подтвержденія своего мнѣнія, что другого отъ Куропаткина ждать было нельзя, и что ничего этого не случилось бы, будь на мѣстѣ Куропаткина кто-нибудь другой?!

Переходя, въ частности, къ самой январской операціи подъ Сандену, прежде всего я долженъ привести то мнѣніе, которое распространилъ генераль Гриппенбергъ въ публикѣ, черезъ свои интервью съ газетными сотрудниками, напечатанными въ нѣкоторыхъ органахъ.

Генераль разсказалъ, что съ тѣми силами, которыми онъ располагалъ, онъ могъ бы окружить непріятеля «железнымъ кольцомъ» и уничтожить. Я не хочу назвать этого хвастовствомъ, или даже самогнѣніемъ, а скажу лишь, что это просто незнаніе противника и увлеченіе. Почему же генераль Гриппенбергъ не могъ взять Сандену, когда у защищавшихъ его японцевъ было сравнительно небольшое число войскъ? А вѣдь взятіе Сандену было его главной

задачей. Какимъ же это образомъ онъ могъ выполнить всю операцію, когда силы непріятели, находившагося къ тому же въ сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ, увеличились, оставаясь самъ безъ всякаго прикрытія, такъ какъ сильный морозъ не давалъ окапываться? Утверждать, что онъ могъ бы окружить съ 60-ю тыс. стотысячную японскую армію, испытанную уже въ бояхъ подъ Портъ-Артуромъ, значитъ—не имѣть никакого понятія о непріятелѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что японцы продолжали бы усиливать свои войска въ окрестностяхъ Сандепу, а вѣдь воспрепятствовать этому мы могли лишь однимъ способомъ,—перейдя въ наступленіе по всему фронту. Но такая операція была бы равносильна самоубійству. Генералъ Гриппенбергъ, какъ командующій одной изъ армій, зналъ качества и степень укрѣпленности непріятельскихъ позицій, и ему поэтому должно было быть извѣстно, что наступать въ лобъ этихъ позицій значило—безрезультатно укладывать передъ ними свои войска, подобно тому, какъ онъ уложилъ бы всѣ свои 60 тысячъ, атакуя вдвое боль-

шія силы опытнаго противника въ укрѣпленныхъ позиціяхъ. 14 тысячъ было уже выбито изъ строя. Независимо отъ того, что наши войска могли быть уничтожены, непріятель могъ воспользоваться этимъ и по пятамъ разбитой 2-й манчжурской арміи двинуться впередъ, и тогда могъ бы дѣйствительно произойти погромъ всей нашей манчжурской арміи, и результаты были бы куда печальнѣе, чѣмъ тѣ, которые имѣли мѣсто подъ Мукденомъ спустя мѣсяцъ. Могъ ли это игнорировать главнокомандующій, могъ ли онъ поставить на карту исходъ всей войны, основываясь на весьма гадательныхъ доводахъ генерала Гриппенберга? Только самое крайнее положеніе нашей арміи могло бы заставить главнокомандующаго привести въ исполненіе планъ Гриппенберга, но въ то время русскія войска въ такомъ положеніи не находились.

Если даже признать, что генералъ Куропаткинъ былъ виноватъ всюду, то какъ разъ въ дѣлѣ подъ Сандепу онъ поступилъ правильно. Нѣсколько корпусныхъ командировъ, участвовавшихъ въ Сандепуской

исторіи, далеко не захищаючіе генерала Куропаткина, говорили миѣ, что здѣсь намъ ничего другого не оставалось, какъ отступить. Вообще, вся эта затѣя—исторія наступленія на Сандепу,—мало понятна. А вѣдь говорятъ, что на ней настаивалъ и ея иниціаторомъ былъ генералъ Гриппенбергъ.

Когда генералъ Куропаткинъ узналъ о рѣшеніи ген. Гриппенберга покинуть армію, онъ просилъ его поговорить съ нимъ по телефону, но ген. Гриппенбергъ, подъ предлогомъ болѣзни, отказался исполнить просьбу, предложивъ вести переговоры черезъ дежурнаго. Тогда ген. Куропаткинъ просилъ перенести телефонъ къ больному; но послѣдній не согласился и на это. Послѣ того ген. Куропаткинъ письменно уговаривалъ его отказаться отъ намѣренія оставить армію. Признавая пользу его дѣятельности въ качествѣ командующаго арміей, Куропаткинъ обращался къ чувству долга и любви къ Государю, войскамъ и родинѣ и ставилъ на видъ, что уходъ его можетъ имѣть большія, неблагоприятныя послѣдствія. Ничто, никакіе до-

воды не могли заставить генерала Гриппенберга измѣнить принятое рѣшеніе: самолюбіе взяло верхъ надъ долгомъ. Даже извиненіе главнокомандующаго и, пожалуй, униженіе его (онъ хотѣлъ было явиться просить лично, но зналъ, что его не примутъ) не могли смягчить обиду самолюбиваго генерала. Прямо какъ-то не вѣрится всему этому. Человѣкъ, облеченный громадною властью—властью диктатора—до права лишенія жизни, долженъ унижаться, уговаривая своего подчиненнаго, хотя и командующаго отдѣльной арміей, выполнить свой долгъ. Вотъ гдѣ сказываются послѣдствія,—достойные плоды бюрократическаго режима. Вотъ гдѣ наглядно выказалось его растлѣніе и крахъ!...

Я такъ долго останавливаюсь на этомъ инцидентѣ потому, что уходъ генерала Гриппенберга много комментировался не только въ Россіи, но и въ арміяхъ, какъ между офицерами, такъ и между солдатами, до которыхъ все слухи доходятъ въ самомъ извращенномъ видѣ. Солдатамъ было извѣстно, что ген. Гриппенбергъ отказался даже разговаривать съ главнокомандую-

щимъ. По комментаріямъ выходило, что генералъ Куропаткинъ совсѣмъ не хочетъ наступать и отступаетъ даже тамъ, гдѣ наши войска могутъ побѣдить непріятеля, и что это именно и заставило генерала Гриппенберга покинуть армію. Такимъ образомъ, эти комментаріи, съ одной стороны, указывали на нарушеніе субординаціи, а съ другой—вселяли въ войскахъ недовѣріе къ главному начальнику, т. е. подрывали тѣ два элемента, которые въ настоящей войнѣ являются единственными двигателями нашей арміи.

V.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ О ВТОРИЧНОМЪ НАСТУПЛЕНІИ НА САНДЕНУ.

Послѣ неудачной попытки обхода лѣваго фланга непріятеля наступило затишье. Мукденъ снова наполнился офицерами, покинувшими его на время вышеописанной операціи, опять закипѣла жизнь ближняго тыла съ ея сплетнями, дрызгами и попойками. На фронтѣ началась кипучая работа по укрѣпленію позицій. Наше вниманіе было, главнымъ образомъ, обращено на тотъ же нашъ правый флангъ. Спѣшно усиливались наши расположенія, было приступлено къ установкѣ орудій крупнаго калибра противъ Сандену. Но не дремалъ и непріятель: онъ тоже сталъ усиливать свои

позицій, особенно позицій центра, гдѣ имѣ были поставлены 11-ти-дюймовыя орудія, привезенныя изъ-подъ Портъ-Артура, что сдѣлало позицій почти неприступными и давало возможность вести ихъ обстрелу сравнительно небольшимъ числомъ войскъ.

Въ концѣ января уже стали поговаривать о новомъ нашемъ наступленіи все на тотъ же японскій лѣвый флангъ. Сначала неопредѣленный, слухъ этотъ все выяснялся и, наконецъ, въ Мукденѣ, а значитъ и японцамъ, сталъ извѣстенъ и день наступленія—12 февраля. По мѣрѣ приближенія къ этому дню, толки росли, вызывая самыя разнорѣчивыя предположенія: одни утверждали, что мы рѣшили добиться здѣсь успѣха во что бы то ни стало, другіе доказывали, что эта затѣя не приведетъ ни къ чему, кромѣ новыхъ потерь, что мы уложимъ безрезультатно еще нѣсколько десятковъ тысячъ людей. Я тоже присоединился къ послѣднему мнѣнію, такъ какъ было извѣстно, что японцы въ этомъ мѣстѣ сосредоточили около 110 тыс. человѣкъ.

Наступило 10-е февраля. Всѣми начало овладѣвать безпокойство за исходъ этого наступленія.

Мукденъ опустѣлъ, офицеры ушли въ свои части, доктора, остававшіеся безъ дѣла, тоже исчезли. Опустѣли вокзалъ и станціонная платформа, на которыхъ до сихъ поръ жизнь кипѣла, какъ въ муравейникѣ. Изъ госпиталей выносили послѣднихъ больныхъ и помѣщали ихъ въ вагоны для отправки на сѣверъ, а госпитали чистились и готовились къ принятію новыхъ жертвъ войны. Станціонные пути очищались и царящій здѣсь хаосъ сталъ замѣняться порядкомъ. Вообще, Мукденъ сталъ неузнаваемъ. Веселая, пожалуй, разнузданная жизнь смѣнилась серьезной сосредоточенностью. На лицахъ у всѣхъ появились забота и безпокойство. Китайцы таинственно молчали, а разные пріѣхавшіе изъ Россіи, Шанхая и Чифу торговцы-кавказцы, греки, французы, — неизбежное зло всякой арміи, какъ вороны или голодные собаки, слѣдующія за ней, имѣли озабоченный видъ и тихо перешептывались между собой. Но видимое спокойствіе русскихъ дѣй-

ствовало на нихъ ободряющимъ образомъ, и, только на минуту появившійся было слухъ объ обходномъ движеніи на Ляхэ, которому нашъ штабъ не придалъ вѣры, заставилъ многихъ нахмуриться. Я все время думалъ о возможности успѣха этого обходнаго движенія, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что одинъ изъ нашихъ тайныхъ агентовъ прислалъ китайца съ извѣстіемъ о готовящемся обходѣ. Но завѣдывающій развѣдочной службой генералъ Ухачъ-Ограновичъ прогналъ его, не повѣривъ извѣстію и даже не уплативъ ему условленной съ агентомъ платы. Кромѣ того, объ этомъ обходѣ говорилъ мнѣ одинъ китаецъ, и все это было еще въ первыхъ числахъ февраля.

11-го утромъ я направился въ штабъ 2-й арміи. На площади, по дорогѣ къ вокзалу, была полная тишина и лишь время отъ времени кто-нибудь спѣшно, какъ и я, пробирался на поѣздъ, уходящій на югъ.

По пріѣздѣ въ районъ второй арміи я увидѣлъ кипучую дѣятельность. Войска стояли уже на позиціяхъ. Устроена ставка для командующаго арміей, генерала Кауль-

барса. Завтра, или послѣзавтра, по приказанію, долженъ начаться жестокой бой, который унесетъ еще не одинъ десятокъ тысячъ лучшихъ гражданъ двухъ государствъ...

Духъ войскъ бодрый, всѣ рады наступленію, всѣ готовы умереть, лишь бы двинуться впередъ, а не назадъ—«все равно умирать, по крайней мѣрѣ, умремъ наступая, а не отступая, какъ это было до сихъ поръ»,—слышится въ рядахъ офицеровъ и солдатъ. Не любить отступать русскій солдатъ. Всѣ стремятся ринуться на врага, а тамъ—что Богъ дастъ и что счастье военное принесетъ. Здѣсь, среди этихъ бодрыхъ солдатъ, которые, не думая ни о чемъ, только по долгу присяги Царю и родинѣ, готовы сложить свои головы въ бою съ врагомъ, дѣлается спокойнѣе на душѣ, и малодушіе не имѣетъ мѣста.

Въ окрестностяхъ Сандепу, на нашемъ фронтѣ сосредоточилось большое число орудій. Имѣлось въ виду, при новомъ наступленіи, приготовить таковое артиллерійскимъ огнемъ, чего именно намъ такъ недоставало при январскихъ операціяхъ. Съ воз-

душнаго шара былъ снятъ планъ Сандепу. Это селеніе оказалось сплошнымъ укрѣпленіемъ: каменные редуты, блиндажи, проволочныя загражденія, волчьи ямы и др. День наступленія держался въ секретѣ, по крайней мѣрѣ думали, что это секретъ, хотя многіе открыто называли 12-е февраля. Послѣ ухода генерала Гриппенберга, 3-го февраля, командованіе надъ 2-ой арміей принялъ генералъ Каульбарсъ. Она была усилена одной сводной бригадой изъ лучшихъ людей 1-го Стрѣлковаго корпуса, которая и была размѣщена на правомъ берегу Хунхэ.

Передъ предполагаемымъ наступленіемъ 2-ая армія, долженствующая вести эту операцію, состояла изъ 8-го корпуса—32 батальона, 4 сотни и 152 орудія, расположеннаго противъ Сандепу; 10-го корпуса—32 батальона, 6 сотенъ и 138 орудій—расположеннаго слѣва (восточнѣе 8-го корпуса); Сводно-стрѣлковаго корпуса—32 батальона и 114 орудій, правѣе (западнѣе 8-го корпуса); далѣе на западъ Ляохетскій отрядъ—12 сотенъ и 16 орудій—еще западнѣе, отрядъ генерала Рен-

ненкампа (бывшій Мищенко)—26 сотенъ, 32 орудія, и остатокъ Оренбургской дивизіи генерала Толмачова—около 3½ сотенъ. Въ резервъ 1-й Сибирскій корпусъ, уже подъ начальствомъ генерала Герингросса—30 батальоновъ, 6 эскадроновъ и 64 орудія. Общая численность всѣхъ силъ 2-й арміи составляла около 115 тыс. штыковъ и сабель и 516 орудій. Кромѣ этого, 2-я армія могла разсчитывать на поддержку изъ общаго стратегическаго резерва главнокомандующаго, около 15—20 тыс. штыковъ и 50 орудій. Слѣдовательно, могла возрасти до 130 тыс. штыковъ и сабель и 570 орудій,—сила довольно внушительная.

Согласно диспозиціи, составленной 9-го или 10-го февраля, 8-й корпусъ долженъ былъ, послѣ артиллерійской подготовки, овладѣть Сандепу, 10-й корпусъ—овладѣть нѣкоторыми селеніями, находящимися восточнѣе Сандепу, и ждать результатовъ дѣйствій 8-го корпуса, оказывая ему при этомъ содѣйствіе; Сводно-стрѣлковый корпусъ долженъ былъ обезпечить занятіе Сандепу; на обязанности кавалерійскихъ отрядовъ лежало наблюденіе и обезпече-

ніе праваго фланга. Вотъ въ общихъ чертахъ задача, которую предстояло выполнить 2-й арміи. Приведенная диспозиція не была сообщена въ армію заранѣе, а изъ предосторожности должна была поступить въ послѣднюю минуту, вмѣстѣ съ приказомъ о днѣ наступленія.

Но къ вечеру 11-го феврала выяснилось: 1) что японцамъ извѣстна наша диспозиція до мельчайшихъ подробностей; 2) что противъ нашей 2-й арміи непріятель сосредоточилъ болѣе ста двадцати тысячъ; 3) что обнаружено наступленіе японцевъ противъ 10-го корпуса и восточнѣе его, и 4) что большія непріятельскія силы атакуютъ и тѣснятъ нашъ лѣвый флангъ. Было рѣшено отмѣнить вторую операцію противъ Сандепу. 1-й Сибирскій корпусъ и генералъ Ренненкампфъ получили приказъ отправиться на лѣвый флангъ, въ 1-ю армію (ген. Ренненкампфъ двинулся немедленно, а первый корпусъ впоследствии). Ясно было, что на этотъ разъ разыграется большое дѣло. Но гдѣ?—въ томъ-то и былъ весь вопросъ.

VI.

ДНЕВНИКЪ СОБЫТІЙ У МУКДЕНА.

Дальнѣйшій ходъ событій въ окрестностяхъ Мукдена приведу въ видѣ дневника, какъ я его записалъ на мѣстѣ.

13-го февраля. Была ужасная погода, мятель. Предположено войсками 3-й арміи, занимавшей центръ, взять мостъ на р. Шахэ, другія части демонстрируютъ. Мостъ взяли, но на слѣдующій день непріятель взялъ его обратно.

Въ ночь съ 13-го на 14-е февраля войска 2-й арміи произвели атаку и заняли Баотайцзы (предмѣстье Сандепу), но удержаться не могли. Охотники тревожили непріятеля. Состоялось расформированіе Ляохетскаго отряда, наблюдавшаго за Ляохэ. Непонятно почему? Говорятъ, за уходомъ на лѣвый

флангъ ген. Ренненкамппа и болѣзною ген. Мищенко, некому было поручить начальство надъ этимъ отрядомъ. Какъ-то этому не вѣрится...

14-го и 15-го февраля. Атаки японцевъ по всему фронту. Ясно обнаружена обходная колонна. Генераль Виргеръ, съ одной бригадой пѣхоты, артиллеріей (должно быть три батареи) и конницей, форсированнымъ маршемъ отправился на Синминтинъ, чтобы занять его. Но, оказалось, поздно: онъ уже былъ занятъ японцами, еще до прибытія отряда, и Виргеру пришлось возвращаться обратно. Къ этому времени японцы заняли уже дорогу изъ Синминтина на Мукденъ; отрядъ пришлось раздѣлить на двѣ части: одна попала къ Императорскимъ могиламъ, другая—на станцію Хушитай, причемъ артиллерія потеряла свой обозъ.

16-го февраля. На правомъ флангѣ Сводно-стрѣлковый корпусъ долженъ былъ занять позицію 8-го корпуса, а послѣдній — отойти на сѣверъ, въ окрестности Мукдена. Но выполнить намѣченную задачу Сводно-стрѣлковый корпусъ оказалъ

ся не въ состояніи и, тѣснимый непріателемъ, отошелъ частью на лѣвый берегъ Хунхэ, частью на Пейтхоза, Шуанго и Матурань. Въ 6¹/₂ часовъ утра началась канонада, длившаяся до ночи. Непріатель нѣсколько разъ атаковалъ наши позиціи передъ Бейтайцзы*), но безуспѣшно. Около 3¹/₂ часовъ дня начались приготовленія къ отступленію. Приступили къ снятію артиллеріи, которая и была увезена 17-го феврала.

17-го феврала. 8-й корпусъ занялъ послѣдующія позиціи, и теперь онъ, вмѣсто Сводно-стрѣлковаго, долженъ былъ прикрывать отступленіе. Къ 7 час. утра обнаружено, что Сюолапуза занята войсками непріателя изъ трехъ родовъ оружія. Въ то же время японцы повели рѣшительныя атаки съ юга на 8-й корпусъ, и мало-по-малу началась атака и съ праваго берега Хунхэ — здѣсь дѣйствовала 9-я дивизія арміи Ноги и около четырехъ батарей, открывшихъ усиленный огонь. 8-му корпусу становилось трудно выдерживать наступленіе почти съ трехъ сто-

*) Не смѣшивать съ упомянутымъ ранѣе «Баотайцзы».

ронъ: съ юга, запада и частью съ тыла. Командиръ корпуса поѣхалъ въ Матуранъ къ командующему 2-й арміей, чтобы лично доложить о положеніи дѣлъ. Какъ разъ въ это время ген. Каульбарсъ провожалъ 1-й Сибирскій корпусъ, который долженъ былъ двинуться форсированнымъ маршемъ на нашъ лѣвый флангъ, въ армію ген. Линевича. Туда же была отправлена одна бригада 72-й дивизіи. На помощь 8-му корпусу ген. Каульбарсъ выслалъ изъ своего стратегическаго резерва двѣ батареи и два полка пѣхоты; они должны были расположиться въ залучинѣ рѣки, противъ Патхозы (показано на картѣ), дабы взять японцевъ во флангъ. Ихъ дѣйствія облегчили участь 8-го корпуса, — и японцы принуждены были отступить съ занятыхъ позицій. Послѣ неудачи здѣсь, непріятель началъ двигаться на сѣверъ и занялъ дер. Сатхайза. Къ вечеру была собрана сборная дивизія, которая, подъ командой ген. Голембатовскаго, перешла рѣку у Шуанго, чтобы атаковать непріятеля у Сатхайза. Японцы были выбиты изъ нея и даже оставили нѣсколько пулеметовъ. Эта удач-

ная атака остановила движеніе японцевъ на лѣвый берегъ Хунхэ, но не могла препятствовать движенію непріятеля на сѣверъ.

Генераль Каульбарсъ уѣхалъ въ Мукденъ, а командованіе 2-й арміей временно принялъ генераль Лаунницъ, — онъ и руководилъ отступленіемъ. Въ этотъ же день противникъ занялъ селеніе Салинпу, находящееся въ 16 верстахъ къ западу отъ станціи Мукденъ. Сюда нами была отправлена 25-я дивизія, которую въ 3 часа дня непріятель встрѣтилъ сильнымъ огнемъ. Наши атаки были отбиты, послѣ чего непріятель произвелъ рядъ контръ-атакъ, которыя намъ удалось отбить съ большимъ урономъ для противника. Потери съ обѣихъ сторонъ большія: наши—около двухъ тысячъ, японцевъ — еще больше. Бой продолжался до темной ночи.

Вслѣдствіе отступленія Сводно-стрѣлковаго корпуса, была выработана новая диспозиція, согласно которой отступленіе 2-ой арміи должно было происходить въ слѣдующемъ порядкѣ: 10-му корпусу на деревню Туэльпу, 8-му корпусу 14-ой дивизіи—на Татай, а 15-ой—идти въ арріергардъ! вдоль

лѣваго берега Хунхэ, прикрывая общее отступленіе 2-й арміи; колонна генерала Толмачова должна охранять правый флангъ, а колонна Голембатовскаго—слѣдовать по правому берегу Хунхэ, при чемъ она должна двигаться на одной высотѣ съ 15-ой дивизіей. Эта колонна, составляющая часть арріергарда, находилась почему-то въ распоряженіи не начальника арріергарда, прикрывающаго отступленіе, а кого-то другого, не оперирующаго здѣсь.

18-го февраля. Въ 2 часа ночи 2-ая армія получила приказаніе немедленно начать отступленіе. Когда генералъ Ивановъ, начальникъ 15-й дивизіи, подошелъ къ Даваньганьпу, то противоположный берегъ Хунхэ (деревня Шуанго) оказался занятымъ японцами, а Голембатовскаго здѣсь нигдѣ не находилось,—онъ, по чьему-то приказанію, отошелъ къ Мукдену. Этимъ, понятно, разстроился планъ отступленія. Ивановъ, продержавшись здѣсь нѣкоторое время, давъ отойти войскамъ, началъ отступать на Цянтапу, но, найдя его занятымъ войсками 10-го корпуса, которымъ полагалось дожидаться здѣсь его прибы-

тія, и взятый непріятелемъ во флангъ, онъ отошелъ къ дер. Татай, куда къ этому времени подошли войска 3-ей арміи. Такъ какъ непріятель сосредоточивалъ большія силы въ районѣ Салинпу, 2-ю армію приказано было стинуть на правый берегъ Хунхэ, а 3-й арміи—занять позиціи между рѣкою Хунхэ и мостомъ на Шахэ (Сухудяпу — Ланшаньпу — Линшинпу — Сахецу). Войска 2-й арміи направились на правый берегъ двумя колоннами, въ одной—пѣхота, въ другой—артиллерія и обозы. Какимъ-то образомъ обѣ колонны попали на одну переправу. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что у переправы на противоположномъ берегу расположилась бригада генерала Чурина, закупорившая движеніе, произошло нѣкоторое смятеніе, и порядокъ нарушился. По льду переправляться было трудно: ледъ подъ артиллеріей и тяжелыми фуражками проваливался, и переправа была совершена съ большимъ трудомъ, причемъ пѣхота всю ночь простояла подъ ружьемъ.

Часть раненыхъ оставалась въ Даваньганьпу. Ген. Мыловъ приказалъ санитарному

транспорту идти на рысяхъ въ Давань-ганьпу за ранеными, и они почти всѣ были счастливо вывезены, но многіе, не попавшіе на фѣуры, съ трудомъ шли всю ночь пѣшкомъ, пока не добрались до желѣзной дороги (угольный разъѣздъ), по которой и были отвезены въ Мукденъ. Склады провіанта и другихъ запасовъ частью сожжены, частью брошены такъ. Этой участи подверглась вся сѣтъ дековильевской ж. д., устроенная для обслуживания нашихъ позицій. Наконецъ, войска 2-й арміи переправились на правый берегъ, а войска 3-й арміи расположились между Хунхэ и Шахэ. Тутъ началось дробленіе цѣльныхъ частей. Предчувствуя, что обозы могутъ только мѣшать въ дальнѣйшемъ движеніи войскъ, командиры 10-го и 8-го корпусовъ отправили ихъ на сѣверъ къ Телину и, благодаря этой распорядительности, эти обозы оказались единственно уцѣлѣвшими. Утромъ, 18-го февраля, съ разсвѣтомъ, начался бой у деревни Салинпу, затихшій вчера при наступленіи ночи. Мы не могли выдержать натиска непріятеля и подались назадъ.

19-го февраля. Войска 2-й армии заняли позиции: Мадяпу—Юхуантунь—Фансытунь—Падяза. Произошло перемещение частей, но не случайно, а по особому распоряжению. Таким образом 8-й и Своднострелковые корпуса были расставлены вездѣ. Въ этотъ день на фронтѣ, къ западу отъ Мукдена, было тихо. Мы приводили въ порядокъ войска и занимали позиции, а японцы усиливали здѣсь свой фронтъ. Непріятельская колонна направилась по дорогѣ изъ Синминтина къ деревнѣ Ташичао. Отправленный на лѣвый флангъ, 1-й Сибирскій корпусъ былъ вновь потребованъ обратно и ему, такимъ образомъ, безъ отдыха приходилось вновь сдѣлать форсированнымъ маршемъ слишкомъ 60 верстъ. Непріятель къ разсвѣту занялъ селеніе Сухудяпу, на лѣвомъ берегу Хунхэ, а затѣмъ и селеніе Ланшаньпу, такъ что фронтъ 3-й армии немного подался на востокъ (Мадяпу—Худяпу—Эльтхайяза—Тасудяпу—Ланшаньпу—Сахэпу). Сѣвернѣе рѣки Хунхэ столкновений сегодня не было. Обнаружены сторожевыя части обходнаго отряда противника, въ 8-ми—9-ти верстахъ западнѣе

станціи Мукденъ, противъ деревни Юхунтунъ.

20-го февраля. Прибылъ съ лѣваго фланга 1-й Сибирскій корпусъ; люди сильно устали. Японцы перешли въ наступленіе въ районѣ Мадяпу—Улимбу—Янсытунъ по фронту около 5—6 верстъ; всѣ три упорныя атаки ихъ были отбиты. Генералъ Церпицкій, командующій здѣсь войсками, донесъ, что противъ него дѣйствуютъ три дивизіи японцевъ; я думаю, что это преувеличено, хотя прорывъ здѣсь для японцевъ былъ бы весьма важенъ, такъ какъ имъ они могли бы разрѣзать насъ на двѣ части, поэтому возможно, что сюда направлены большія силы. Наши войска заняли деревню Нюсинтунъ, а также Тинтянтунъ и Игсытай, послѣ слабаго боя. На лѣвомъ берегу Хунхэ противникъ сильно напиралъ на деревню Эльтхайяза, но всѣ его семь атакъ къ вечеру были отбиты съ большими потерями. Вечеромъ съ бою нами заняты деревни Падяза и Паодаотунъ. Вчера и сегодня, съвернѣе Хунхэ, наши войска дѣйствовали мало; если исключить отбитыя атаки въ районѣ Мадяпу—Янсытунъ,

никакихъ почти дѣлъ не было. Причинна этого заключалась въ томъ, что прежде всего необходимо было разобраться въ расположеніи частей. Но нужно ли было для этого такъ много времени? Все ли было сдѣлано для того, чтобы привести въ извѣстность расположеніе частей возможно скорѣе? Не было ли причиной такого медленнаго выясненія опять самолюбіе того или другого начальника или учрежденія? Во всякомъ случаѣ, это почти двухдневное бездѣйствіе на западномъ отъ Мукдена фронтѣ, когда непріятель былъ еще слабъ, имѣло роковыя послѣдствія. Къ вечеру наши войска на западномъ фронтѣ занимали слѣдующія позиціи: генералъ Церницкій съ 34 батальонами отъ Мадяпу до Юхуантуня; далѣе, генералъ Топорнинъ, съ 16 батальонами, примѣрно до Синминтинской дороги; далѣе, генералъ Герягроссъ, съ 49 батальонами; затѣмъ, небольшіе отряды полковниковъ Запольскаго, Цѣхановича, генерала Биргера, возвратившагося изъ-подъ Синминтина, и полковника Болховитинова. Въ резервѣ генералъ Ганенфельдъ, съ 4 батальонами. Всего на этомъ

фронтъ было примѣрно 120 батальоновъ и около 400—450 орудій. Эти войска занимали слѣдующее расположеніе: Мадяпу—Улиппу — Янсытунъ, Юхуантунъ, Нюситунъ, Тинтянтунъ, Игсытай, Фансытунъ, Падяза, Цаодаотунъ.

21-го февраля. Въ окрестностяхъ Улиппу—Янсытунъ японцы упорно атаковали наши позиціи; они, во что бы то ни стало, хотѣли выбить насъ отсюда, потому что, оттѣснивъ насъ здѣсь, могли легко добраться до желѣзной дороги и, захвативъ переправу черезъ Хунхэ, отрѣзать отступленіе нашей 3-ей арміи. Яростныя атаки—ихъ было навѣрное до 10—продолжались до наступленія ночи. Всѣ онѣ были отбиты съ громаднымъ урономъ для противника. Наши войска часто подпускали атакующихъ на 200—100 шаговъ и тогда открывали по нимъ сосредоточенный ружейный огонь, и непріятель отходилъ, оставляя буквально груды труповъ. Въ это время войска генерала Гернгросса успѣшно продолжали наступленіе; въ районѣ Синминтинской дороги они передвинулись впередъ и, послѣ упорнаго боя, заняли Цуан-

ванче, находящееся въ 4 верстахъ отъ Ташичао, овладѣніе которой было ихъ главной задачей. Здѣсь дѣйствовалъ 1-ый Е. В. Сибирскій полкъ.

Полкъ рѣдѣетъ... Потери большія, люди устали, изнурились, только что сдѣлавъ передъ этимъ переходъ форсированнымъ маршемъ въ 60 верстъ слишкомъ... Командиръ полка чувствуетъ, что ему не взять этого важнаго пункта; непріятель во что бы то ни стало постарается удержать его за собой... На свою просьбу о подкрѣпленіи, полковникъ Лешъ получаетъ въ отвѣтъ: «командующій войсками недоволенъ вашей медлительностью». Наступила ночь, а Ташичао все еще не было взято. Рѣшиться на ночную атаку командиръ полка былъ не въ состояніи. Солдаты падали и засыпали на ходу. За ночь непріятель увеличилъ свои силы, такъ что на слѣдующій день взять деревню уже не только съ однимъ 1-мъ Сибирскимъ полкомъ, а и съ большей силой оказалось совершенно невозможно.

Съ ранняго утра загремѣли сотни орудій, и тысячи людей двинулись другъ на друга.

Отчаянныя атаки японцевъ съ успѣхомъ отбивались нашими войсками. Путь наступленія былъ усыянъ трупами. Груды тѣлъ образовались передъ окопами. Наше сопротивленіе усиливало настойчивость японцевъ, и атака слѣдовала за атакой, одна упорѣе другой. Но результатъ получался тотъ же: сломить насъ не удавалось.

Японцамъ непремѣнно хотѣлось завладѣть деревней, лежащей въ 6—7 верстахъ отъ станціи Мукденъ. Послѣ огромныхъ потерь, имъ наконецъ удалось завладѣть ей. Но пунктъ былъ слишкомъ важенъ, чтобы его оставить въ рукахъ врага, и наши войска отчаянной контръ-атакой вернули его обратно. Усиленный подкрѣпленіемъ, непріятель вновь завладѣлъ имъ, и такимъ образомъ деревня четыре раза переходила изъ рукъ въ руки. Наконецъ, командиръ корпуса генералъ Церпицкій, чтобы окончательно закрѣпить ее за нами, повелъ въ атаку цѣлый полкъ. Какая это была величественная картина! Съ музыкой, съ развернутыми знаменами, во главѣ съ корпуснымъ командиромъ, шелъ въ бой полкъ. Выпрямившись во весь ростъ и какъ

бы ставъ еще выше, точно на парадѣ, смѣло подвигались впередъ солдаты, пренебрегая опасностью. Валились передніе ряды, ихъ мѣста заступали другіе. Казалось, ничто не сможетъ противостать этому титаническому натиску. И, дѣйствительно, непріятель не выдержалъ и обратился въ бѣгство, усыивая своими трупами путь отступленія. Деревня осталась за нами, и непріятель уже не пытался болѣе ее вернуть. Трудно представить себѣ картину ужаснѣе и въ то же время величественнѣе этого боя. Невозмутимость и храбрость нашихъ войскъ были прямо изумительны.

Страшное зрѣлище представляла изъ себя занятая деревня. Улицы, дворы, фанзы были переполнены трупами и ранеными. Нельзя было ступить шагу внѣ человѣческихъ тѣлъ. Четыре раза деревню занимали то мы, то непріятель, и трупы лежали слоями. Видъ ранъ былъ ужасенъ: вѣдь каждый разъ дѣло кончалось штыковымъ ударомъ. Фанзы наполнялись ранеными, которые еще могли выбраться изъ-подъ лежащихъ на нихъ труповъ. Тутъ были и японцы и наши, но теперь

они являлись уже не врагами, — общая участь ихъ сближала и они ложились рядомъ и помогали другъ другу какъ-нибудь перевязать свои окровавленные, изуродованные члены. Куда дѣвались прежнія злость, ненависть, желаніе истребить другъ друга. Пространство западнѣе деревни устлано японскими тѣлами, а восточнѣе — нашими, т. е. съ той стороны, съ которой каждый наступалъ и отступалъ.

Я думаю, что за обладаніе этой деревней легло съ обѣихъ сторонъ не менѣе 3—4 тысячъ человѣкъ.

Подобныя дѣла можно считать десятками въ настоящей войнѣ.

А дѣло Зарайскаго полка? Непріятель большими силами повелъ наступленіе на деревню, занятую этимъ полкомъ. Японцы открываютъ огонь, но имъ не отвѣчаютъ; не прекращая огня, они передвигаются дальше, не встрѣчая сопротивленія. Но знаютъ по опыту, что русскіе не оставляютъ безъ боя позицій и что всякій ихъ успѣхъ дорого имъ дается. До деревни оставалось всего какихъ-нибудь 150 шаговъ, какъ вдругъ грянулъ залпъ, перед-

ніе ряды легли, ихъ мѣста заняли другіе, но и ихъ постигла та же участь; третьи, четвертые уже залегли за своими трупами и убійственнымъ огнемъ хотятъ остановить огонь зарайцевъ, но, наконецъ, не выдерживаютъ ихъ мѣткой стрѣльбы и бѣгутъ назадъ, однако мало кому удалось достигнуть своихъ позицій. Трупы здѣсь образовали буквально цѣлыя горы. Издалека казалось, что наваленъ на большомъ пространствѣ домашній скарбъ. Душу раздирающіе стоны неслысь изъ этихъ грудъ человѣческихъ тѣлъ, а на западъ тянулася лента другихъ трүповъ, густая въ началѣ и рѣдѣющая по мѣрѣ удаленія. Становилось невмоготу при видѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, этихъ мертвыхъ тѣлъ, изъ которыхъ дѣлалн, кладя ихъ поперекъ, на сотни саженой брустверы, чтобы, за защитою этихъ уже безжизненныхъ, послать смерть живымъ. А эти стопы, выходящіе изъ грудъ человѣческихъ тѣлъ!... Изъ души вырывались крики отчаянія: довольно! ради Бога довольно этой бойни! остановитесь! Вѣдь вы не звѣри, вы — люди, принадлежащіе къ цивилизованнымъ народамъ! Но, заглу-

шаемый криками «ура» и «банзай», этот гуманный призыв замиралъ, никѣмъ не услышанный. Чувство гуманности подавлялось соображеніями практическаго характера, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ интересъ государства, а не гибель этихъ сотенъ тысячъ людей. Благодарное потомство заживетъ на ихъ могилахъ лучшей жпзнью, будетъ ихъ оплакивать, а воздвигнутые имъ памятники будутъ служить вѣчнымъ воспоминаніемъ о ихъ славной смерти.

Но, сознавая всѣ эти ужасы, сознавая, что, по закону Божескому, никто не въ правѣ убивать, въ то же время восторгаешься дѣйствіями этихъ богатырей, наносящихъ смертельные удары своему врагу. Таковъ ужъ замѣчательный складъ человѣческой натуры...

А атаки 1-го Сибирскаго полка? Что это за войска! Они способны увлечь самаго хладнокровнаго человѣка. Они какъ будто не видѣли передъ собою противника, не чувствовали его убійственной стрѣльбы изъ пулеметовъ, не замѣчали непрерывнаго полета раскаленнаго металла. Они дѣлали свое дѣло, какъ бы производя парадное

ученіе передъ начальникомъ. Со мною былъ корреспондентъ американской газеты «Daily Chicago News», участвовавшій, въ качествѣ корреспондента, во всѣхъ послѣднихъ войнахъ, и онъ говорилъ мнѣ и писалъ въ свою газету, что ничего подобного онъ нигдѣ не встрѣчалъ и что видѣть такія картины можно только разъ въ жизни.

Описанія героическихъ эпизодовъ нашихъ войскъ можно бы продолжать безъ конца.

Этотъ день былъ русскихъ, какъ сообщалъ тотъ же корреспондентъ въ свою газету.

22-го февраля. Съ утра японцы ожесточенно атакуютъ наши позиціи Ясыньтунъ—Юхуантунъ, но къ 10 часамъ, понеся большія потери, прекращаютъ атаки. Чувствуя, вѣроятно, что не смогутъ пробиться въ районъ Мадяпу—Ясыньтунъ, они днемъ пробуютъ атаковать деревню Юхуантунъ, предполагая послѣ этого двинуться на станцію Мукденъ по дорогѣ, на которой до самой станціи нѣтъ ни одной деревни. Непріятелю удалось занять это селеніе. Намъ грозила большая опасность и корпусный командиръ самъ повелъ въ атаку полкъ,

кажется, Минскій. Противникъ былъ отбитъ. Энергичныя атаки велись также японцами въ районѣ Ташичао и сѣвернѣе его. Здѣсь мы подались назадъ, покинувъ занятыя вчера деревни Цуанванче, Падяза и Паодаотунъ, сѣвернѣе Императорскихъ могилъ. Чувствовалось, что непріятель усиливается въ этомъ направленіи, имѣя стремленіе занять желѣзную дорогу, чтобы отрѣзать намъ путь отступленія. Непріятель приблизился на 4 версты отъ желѣзной дороги и началъ обстрѣливать проходящіе поѣзда. Одно время былъ испорченъ телеграфъ. Его подъ огнемъ возстановили желѣзнодорожные служащіе, подъ личнымъ наблюденіемъ контролера Преображенскаго. Необходимо было принять рѣшительныя мѣры, чтобы оттѣснить непріятеля. Съ этою цѣлью были двинуты Орскій и Оровайскій полки, съ двумя батальонами Инсарскаго полка, подъ начальствомъ полковника Борисова, который и занялъ селеніе Сяотоуза. Въ то же время непріятель былъ обнаруженъ и сѣвернѣе этого пункта, въ 10 верстахъ отъ желѣзной дороги, примѣрно на высотѣ станціи Хушитай. Въ

этомъ направленіи нашъ конный отрядъ еще вчера перехватилъ непріятеля, очевидно его передовыя части, и отгѣснилъ его. Усталость чувствуется сильная. Въ окрестностяхъ Мукдена четвертый день идетъ непрерывный бой...

23-го февраля. Въ этотъ день непріятель сильно напиралъ въ районъ Падяза—Паодаотунъ—Тхенитунъ. Здѣсь мы были немного отгѣснены и заняли слѣдующее расположеніе: Юхуантунъ—Сандяфыръ—Хоуха—Сахэдза—Тахэтунъ—Сантайцза—Сяотоуза—Цуэртунъ. Генераль Мыловъ принялъ командованіе у Сяотоуза надъ отрядомъ полковника Борисова, который долженъ былъ усилиться дивизіей генерала Артамонова и генерала Гершельмана съ 6 батальонами, всего около 25 батальоновъ. Полковникъ Борисовъ овладѣваетъ деревнями: Тунчапдза, Кусантунъ, но здѣсь его начинаютъ обстрѣливать съ фланга изъ деревни Тхенитунъ. Такъ какъ вчерашнія атаки непріятеля на Юхуантунъ, стоившія ему большихъ потерь, были безрезультатны, то сегодня онъ снова бросается на дер. Нюсинтунъ, но и эти атаки пости-

гаеть та же участь. Наши войска, преслѣдуя непріятеля, сами перешли въ наступленіе и взяли много плѣнныхъ.

1-я и 3-я арміи отступили на позиціи на лѣвомъ берегу Хунхэ; отступление происходило безъ боевыхъ столкновений. Нѣкоторыя части, отступая, подожгли склады и тѣмъ преждевременно обнаружили свое отступление.

24-го февраля. Сегодня разыгрался сильный тайфунъ. Все заволочлось сплошнымъ, безконечныхъ размѣровъ, облакомъ мельчайшей пыли, которая, гонимая порывистымъ вѣтромъ, проникаеть вездѣ и всюду. Ею наполняются уши, глаза, носъ, ротъ; дышать трудно, смотрѣть совершенно невозможно — ничего не видно въ нѣсколькихъ шагахъ. Людей, лежащихъ въ окопахъ, засыпаетъ она толстымъ слоемъ. Какой-то злой рокъ преслѣдуетъ насъ. Несмотря на это, наши войска отбиваютъ у непріятеля захваченную у насъ деревню Сантайцза. Непріятель во что бы то ни стало хочетъ занять здѣсь желѣзную дорогу, но наши войска съ упорствомъ отбиваютъ всѣ его атаки. Генераль Мыловъ

переходитъ въ наступленіе: полковникъ Борисовъ долженъ занять Госитунъ, а генераль Гершельманъ — Тхенитунъ. Атака назначена на 11^{1/2} час. утра, такъ какъ иначе непріятель можетъ самъ перейти въ наступленіе. Генераль Лауницъ, командующій войсками въ раіонѣ Хоуха—Тахэ-тунъ—Сантайцза, помочъ ген. Мылову не въ состояніи, такъ какъ непріятель стремительно атакуетъ его, желая пробиться. Въ это время пріѣзжаетъ главнокомандующій, съ цѣлью лично направить войска противъ Тхенитуня, заявляетъ генералу Мылову неудовольствіе за его яко бы преждевременную, безъ его приказанія, атаку и отправляется дальше на сѣверъ. Полковникъ Борисовъ занимаетъ Госитунъ, при чемъ самъ падаетъ, смертельно раненый. Несмотря на упорныя атаки, генералу Гершельману не удается овладѣть Тхенитунемъ, такъ какъ онъ оказывается занятымъ цѣлой дивизіей противника, но зато удается удержать наступленіе непріятеля. Къ 2 часамъ дня сюда возвращается Куропаткинъ и, разобравшись въ положеніи дѣлъ, одобряетъ принятое Мыловымъ

рѣшеніе, признавая своевременность принятой имъ операціи. Японцы сосредоточили въ этой части значительныя силы и продолжаютъ движеніе на сѣверъ.

Подъ вечеръ непріятель прорывается въ окрестностяхъ Кіузанъ. Въ то же время стало извѣстно, что отрядъ японцевъ занялъ селеніе Тасинтунъ, лежащее въ 10 верстахъ сѣверо-западнѣе станціи Хушитай. Выставить значительныя силы противъ непріятеля у Хушитай оказалось невозможнымъ. Пронесенный прорывъ въ центрѣ не былъ такъ опасенъ, такъ какъ тамъ непріятель имѣлъ сравнительно небольшія силы. Сдѣлано распоряженіе всѣмъ арміямъ отступать на Телинъ. Генералу Мылову приказано держаться на занятыхъ позиціяхъ и отражать натискъ непріятеля до тѣхъ поръ, пока 2-я и 3-я арміи не придутъ на мѣсто. Въ ночь съ 24 на 25 февраля началось отступленіе всѣхъ трехъ армій.

25-го февраля. Еще наканунѣ генераль Куропаткинъ сказалъ генералу Мылову, что онъ выставитъ одну бригаду для занятія деревни Тава на Мандаринской до-

рогѣ, чтобы помѣшать японцамъ зайти въ тылъ арріергарду. Но сегодня днемъ японцы начали обстрѣливать Цуэргунъ съ запада и востока и оказалось, что въ Таву бригада выставлена не была. Необходимо было во что бы то ни стало держаться, такъ какъ войска прошли еще далеко не все и арріергарду, всего изъ 25 батальоновъ, уже сильно порѣдѣвшихъ, пришлось вести бой на два фронта. Передъ вечеромъ проѣхалъ генералъ Каульбарсъ и повторилъ приказъ командующему арріергардомъ держаться здѣсь до прохода всѣхъ войскъ, до прохода генерала Лауница съ его отрядомъ. Становилось положительно невозможно выдерживать перекрестный огонь непріятеля. Начальникъ штаба, генералъ Мартосъ, пытается задержать нѣсколько отступающихъ батальоновъ, чтобы ввести ихъ въ бой, но они не слушаются его. Тогда является ген. Каульбарсъ и заставляетъ ихъ подчиниться. Введенные въ бой нѣсколько новыхъ батальоновъ помогаютъ отгнать немного непріятеля и узкій проходъ, обстрѣливаемый непріятельскимъ огнемъ, расширяется. Не введи въ дѣло

эти нѣсколько батальоновъ, арріергардъ былъ бы окруженъ японцами и истребленъ. Штабъ полагалъ, что если арріергардъ подъ начальствомъ генерала Мылова удачно пропуститъ всѣ наши войска мимо себя, то самому ему не миновать гибели. Молодецки держались эти войска, сознавая всю важность своей задачи, но были моменты, очень тревожные для начальниковъ. Напримѣръ, когда отступалъ отрядъ генерала Лауница съ юго-запада, нѣкоторыя части, проходя черезъ цѣпи арріергарда, увлекали общей отступательною волною и людей, стоящихъ въ цѣпи. Вотъ тутъ-то и нужно было авторитетное приказаніе, чтобы возвратить ихъ въ цѣпь. Слѣдуетъ отдать должное генералу Мылову за его мужественное и умѣлое задержаніе большихъ силъ непріятеля до прохода всѣхъ нашихъ войскъ, артиллеріи и обоза. Трудно повѣрить, чтобы горсть, сравнительно съ силами противника, людей могла задержать наступающую японскую армію. Кромѣ того, ген. Мылову приходилось нѣсколько разъ водворять порядокъ въ отступающихъ войскахъ, вызывая начальниковъ частей.

Остатокъ Модлинскаго полка, около одного батальона, находился въ рощѣ Императорскихъ могилъ, должно быть въ резервѣ. При отступленіи, модлинцамъ, очевидно, забыли сообщить приказъ отступать. При проходѣ отступающихъ войскъ, нѣкоторые солдаты попадали въ рощу, и такихъ набралось тамъ довольно много изъ разныхъ частей. Видя здѣсь цѣльную часть, они задерживались. Вдругъ непріятель сталъ осыпать ихъ огнемъ со всѣхъ сторонъ,—они оказались окруженными. Штабъ-офицеры всѣ погибли, оставалось всего два капитана: Ивановъ и еще другой, фамилію котораго я не помню. Солдаты, чужіе Модлинскому полку, начали волноваться; японцы требовали сдачи. Какимъ-то образомъ здѣсь, кромѣ знамени Модлинскаго полка, оказалось еще два. Всѣ были спасены, благодаря геройскому подвигу капитана Иванова. Онъ протиснулся между солдатъ и крикнулъ: «я командиръ Модлинскаго полка, всѣ должны подчиняться мнѣ» (онъ былъ въ курткѣ безъ погонъ, и потому нельзя было опредѣлить чинъ). Видя, что модлинцы его слушаютъ, солдаты другихъ

полковъ сталъ тоже собираться вокругъ него. Когда все собрались и были распредѣлены, Ивановъ снялъ съ себя икону, которую онъ носилъ на груди подъ одеждой, и, взявъ ее въ одну руку, другой высоко поднявъ пашку и съ крикомъ «за мной, братцы» бросился впередъ. Воодушевленные его примѣромъ, солдаты дружно ударили въ штыки и, опрокинувъ непріателя, пробились, не оставивъ ни одного знамени. Многие пали въ этомъ молодецкомъ бою. Вѣчная имъ память. Кажется, капитанъ Ивановъ представленъ къ Георгіевскому кресту.

Ночью, когда кончился проходъ войскъ, арріергардъ снялся съ позицій и началъ отходить вдоль желѣзной дороги. Солдаты отступали съ пѣснями. Согласно диспозиціи, войска должны были остановиться на рѣкѣ Пухэ, у пересѣченія ея желѣзной дорогой, и здѣсь задерживать дальнѣйшее наступленіе противника, если онъ подоспѣетъ сюда прежде, чѣмъ все наши части отойдутъ на должное разстояніе. По мѣрѣ отхода арріергарда, нужно было изслѣдовать путь вдоль желѣзной дороги, осво-

бождая его отъ застрявшихъ частей. Въ одномъ мѣстѣ дорога оказалась загражденной, или, вѣрнѣе, заваленной людьми, державшими отступленіе артиллеріи и обоза. На дорогѣ и около нея сплошной массой лежали люди, всюду виднѣлись костры. Здѣсь оказалось нѣсколько полковъ, которые отъ усталости не въ силахъ были двигаться дальше. Ген. Мыловъ быстро собралъ начальниковъ частей, распорядился, прежде всего, потушить костры, которые могли привлечь непріятеля, объяснилъ положеніе дѣлъ и отдалъ приказъ немедленно подняться и пройти еще хотя бы верстѣ десять. Скрѣпя сердце, начальники подняли солдатъ и двинули впередъ.

Ген. Мыловъ получилъ въ пути приказаніе командующаго 2-ой арміею составить диспозицію занятія слѣдующей позиціи, согласно которой правый флангъ на лѣвомъ берегу рѣки Пухэ долженъ былъ занять генералъ Артамоновъ, а центръ и лѣвый флангъ—генералъ Гершельманъ.

За поднявшимися полками потянулся обозъ и загромычала артиллерія. Отъ времени до времени какая-нибудь повозка

или орудіе перевертывались и задерживали движеніе. Время проходило, а нужно было до утра занять новыя позиціи, чтобы задержать наступленіе преслѣдующаго насъ непріятеля.

У переправы черезъ Пухэ происходитъ смятеніе: всякій хочетъ скорѣе выбратъся на другой берегъ — берега крутые, существующія двѣ дороги не могутъ пропустить скоро весь обозъ, артиллерію и людей. Начальникъ арріергада приказываетъ сдѣлать новые спуски, и, благодаря имъ, переправа быстро приходитъ къ концу.

26-го фѣвраля. Утромъ арріергардъ, согласно диспозиціи, занялъ позиціи на лѣвомъ берегу Пухэ. Скоро подошелъ непріятель и началъ обстрѣливать его артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Надо было опасаться фланговаго обхода, такъ какъ японцы находились какъ справа, такъ и слѣва, сѣвернѣе расположенія арріергарда. Слѣдуетъ отмѣтить происшедшій здѣсь прискорбный случай. Генераль Артамоновъ, занимавшій правый флангъ, не сообщивъ ничего, отступилъ на сѣверъ къ Телину. Пришлось быстро распредѣлить

оставленные Артамоновымъ позиціи между оставшимися частями.

Ночью арріергардъ продолжалъ отходить и достигъ станціи Синьтайцзы. Здѣсь была постигнута одна бригада Артамонова, именно бригада генерала Пестерова, другая же съ Артамоновымъ такъ и ушла въ Телинъ. Генералъ Каульбарсъ, который въ это время находился на станціи, сдѣлавъ выговоръ генералу Петереву, приказалъ ему и бригадѣ генерала Чурина оставаться въ арріергардѣ, смѣнивъ ген. Мылова и Гершельмана съ ихъ отрядами, изнуренными непрерывными боями и переходами въ продолженіе четырехъ дней, за которые люди почти не спали. У ген. Мылова, отъ крайнихъ физическихъ и умственныхъ напряженій, возобновилась, въ болѣе тяжелой формѣ, грыжа, случившаяся еще до войны вслѣдствіе паденія его вмѣстѣ съ лошадыо. Нѣкоторое время генералъ Каульбарсъ лично находился въ арріергардѣ. Отрядъ Мылова отходилъ со станціи Синьтайцзы, когда японцы заняли дер. Илу, находящуюся на Мандаринской дорогѣ, сѣвернѣе станціи, всего верстахъ

въ 3—4 къ востоку отъ желѣзной дороги.

27-го февраля. Отрядъ, бывшій въ арріергардѣ, прибывъ на рѣку Фанхэ, на-шелъ на переправѣ скопившіяся войска, обозы и артиллерію, и здѣсь пришлось сдѣлать новые спуски. Энергично работалъ бывшій здѣсь случайно саперный батальонъ. Скоро переправа была окончена.

Генералъ Каульбарсъ съ арріергардомъ медленно двинулся далѣе на сѣверъ, не преслѣдуемый непріателемъ.

28-го февраля. Арріергардъ занялъ позицію у рѣки Фанхэ. Подошедшія войска 1-ой арміи заняли позиціи на лѣвомъ флангѣ; генералъ Мищенко, еще не оправившись отъ раны, принялъ командованіе надъ своимъ отрядомъ и сталъ на правый флангъ.

1-го марта. Непріатель началъ наступленіе на Фанхэ, но былъ отброшенъ съ большимъ урономъ. Наши войска сами перешли въ наступленіе и стали тѣснить его, двигаясь впередъ по сотнямъ его же труповъ. Но дальнѣйшее наше наступленіе было задержано подошедшимъ къ непріа-

телю подкрѣпленіемъ. Медленно, въ полномъ порядкѣ, наши войска стали отходить на Телинъ.

Съ 25-го ночью войска начали подходить къ Телину. Они подходили группами, въ которыхъ перемѣшались люди разныхъ частей, строевыхъ и нестроевыхъ, и располагались въ долину. Такъ какъ они прибывали безъ офицеровъ, то и не могли получить довольствія. Почему-то предполагалось, разъ люди пришли въ разбродъ, ихъ можно преспокойно оставить голодать. Это обстоятельство не мало способствовало безпорядкамъ въ Телинѣ. Были случаи мародерства и разграбленія складовъ. Впрочемъ, они не приняли большихъ размѣровъ и скоро прекратились, хотя нѣсколько солдатъ были застрѣлены офицерами за непослушаніе. Нѣкоторые изъ солдатъ, почувствовавъ себя виновными въ нарушеніи дисциплины и боясь наказанія, шли далѣе на сѣверъ, увлекая за собою и другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Настроеніе людей было возбужденное, и они не могли дать себѣ точнаго отчета, куда и почему идутъ дальше. Отдѣ-

лившись отъ своихъ частей, они лишались продовольствія, и вотъ голодъ заставлялъ ихъ доставать его насиліемъ. Возможно, что кромѣ пищевыхъ припасовъ многіе брали и другіе предметы, попадавшіе подъ руку, но, какъ лишнюю тяжесть, ихъ сейчасъ же бросали. Ушедшихъ на сѣверъ отъ Телина было не болѣе 3—4 тысячъ.

Наконецъ начальники начали разбираться въ этой перемѣшанной массѣ разбредшихся солдатъ и распредѣлять ихъ по частямъ. Такихъ оказалось не болѣе 20 тыс. 1-го марта передъ Телиномъ уже никого не было, даже вокзалъ опустѣлъ. Все было очищено, войска распредѣлены по своимъ частямъ. Нельзя, попятно, сказать, чтобы возстановился уже полный порядокъ. Вѣдь разрушить его много легче, чѣмъ возстановить. Прошло еще не мало дней, пока все удалось упорядочить, тѣмъ болѣе, что это приходилось дѣлать при продолжающемся отступленіи.

Изъ разговоровъ съ нѣсколькими генералами я убѣдился, что порядокъ можно бы возстановить весьма быстро, перейдя въ наступленіе. Это такъ сильно озадачило

бы противника, что онъ отступилъ бы обратно. А наши войска безусловно были способны къ наступленію, но, увы, ощущался недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ и, главное, въ артиллерійскихъ.

При такихъ условіяхъ задерживаться на телинскихъ позиціяхъ было нельзя, и наши войска отступили далѣе на сѣверъ и остановились на позиціяхъ, находящихся въ окрестностяхъ ст. Сыпингай, расположенной въ 174 верст. отъ Мукдена и въ 332 верст. отъ Харбина.

Въ чемъ же состоялъ тотъ, протрубленный иностранной печатью и подхваченный нашей прессой, мукденскій погромъ? Морально, дѣйствительно, мы потерпѣли поражение. Мы потеряли престижъ въ глазахъ китайцевъ и тѣхъ народовъ, которые желаютъ видѣть погромъ въ каждой маленькой нашей неудачѣ, раздувая ее до размѣровъ погрома, чтобы хотя на время этимъ себя утѣшить; потеряли престижъ въ глазахъ нашихъ малодушныхъ друзей, а также въ глазахъ тѣхъ, еще болѣе малодушныхъ нашихъ гражданъ, которые не желаютъ, а можетъ быть даже и не

могутъ, разобратъся въ дѣйствительномъ положеніи дѣла, такъ какъ наши правительственныя сѣры вообще мало заботятся освѣдомлять общество, а въ данномъ случаѣ не ударили пальцемъ о палецъ, чтобы помочь намъ отыскать истину. Это пренебреженіе къ общественному мнѣнію несвоевременно, ибо его прекрасно эксплуатируютъ въ своихъ цѣляхъ всѣ, кому это нужно. Потери въ людяхъ у насъ меньше, чѣмъ у побѣдителя. Потеря какихъ-нибудь 30—40 орудій, нѣкоторой части подводъ и на 3—4 милліона руб. припасовъ, уже не такъ велика, чтобы изъ-за нея все дѣло можно было назвать погромомъ.

Мы, правда, не могли воспользоваться телинскими позиціями, считаеми спеціалистами гораздо болѣе сильными, чѣмъ тѣ, которые мы занимали на Шахэ. Но въ стратегическомъ отношеніи, мнѣ кажется, мы не проиграли. Наше теперешнее положеніе лучше, чѣмъ бывшее подъ Мукде-номъ. Нашъ правый флангъ теперь открытъ (передъ нимъ незаселенная пустыня), такъ что намъ видно каждое движеніе про-

тивника и мы можемъ судить о его силахъ съ большей достовѣрностью, чѣмъ это было подъ Мукденомъ, въ многочисленныхъ деревняхъ, обнесенныхъ глинобитными стѣнами. Лѣвый флангъ гористый, приспособленный къ оборонѣ, даже съ незначительными силами. Убыль въ войскахъ пополнена съ избыткомъ.

Всѣ слухи о нашемъ погромѣ произошли вслѣдствіе тенденціозныхъ свѣдѣній о порядкѣ нашего отступленія. Основаніемъ для нихъ послужилъ печальный случай въ обозѣ. Такое тенденціозное освѣщеніе подѣйствовало на нервное и безъ того общество и вызвало въ немъ преувеличенное пессимистическое настроеніе.

Вотъ этотъ печальный эпизодъ.

VII.

ПАНИКА ВЪ ОБОЗѢ.

Какъ я уже сказалъ, генераль Куропаткинъ 24-го февраля поѣхалъ на сѣверный фронтъ лично руководить операціями. Тогда уже чувствовалось, что время для нанесенія пораженія непріятелю упущено и что пожалуй остается приготовить отступление и употребить всѣ средства для сохраненія порядка при отступленіи. Съ этою цѣлью главнокомандующій, какъ говорятъ, приказалъ одному изъ ближайшихъ своихъ помощниковъ, утромъ 24-го февраля, приступить къ отправкѣ обозовъ на сѣверъ, начавъ съ обозовъ главнокомандующаго, его штаба и квартирмейстерской части (кстати сказать, этотъ

обозъ, по правиламъ, долженъ всегда находиться на разстояніи одного перегона отъ главной квартиры. Въ данномъ случаѣ этого соблюдено не было). Но, какъ только уѣхалъ главнокомандующій, къ этому помощнику явилась молодая жена, свиданія съ которой, благодаря приказу ген. Куропаткина, не допускающаго, даже на короткое время, пребыванія женъ подчиненныхъ офицеровъ ни въ своемъ поѣздѣ, ни въ поѣздѣ начальника штаба, были весьма рѣдки. Извращенному человѣку двадцатаго вѣка пріятно щекочутъ нервы ненормальные, извращенныя ощущенія. Можетъ быть въ данномъ случаѣ свиданіе съ женой, подъ грохотъ орудій и стоны тысячъ гибнущихъ лучшихъ сыновъ родины, въ то время, когда рѣшается судьба всей войны, вызывало особенное ощущеніе, приводило въ исключительный экстазъ и заставляло забывать обязанности. По какой-то случайности, поѣздъ, въ которомъ онъ помѣщался, оказался въ такую критическую минуту несоединеннымъ телефономъ. Только, когда подъ вечеръ явилась вѣсть о прорывѣ нашего центра, грозящемъ съ

минуту на минуту занятіемъ японцами станціи Мукденъ, онъ вспомнилъ о необходимости отступленія, и только въ восемь часовъ вечера былъ отданъ приказъ обозамъ отступать на сѣверъ по Мандаринской дорогѣ. Обозъ главнокомандующаго и квартирмейстерской части тронулся въ 11 часовъ съ минутами ночи 24-го февраля, тогда какъ къ этому времени онъ долженъ бы быть уже около Телина, и онъ именно главнымъ образомъ и пострадалъ.

Чтобы попасть на Мандаринскую дорогу, по которой должны были отступать обозы, нужно было или пройти черезъ Мукденъ, или же обойти его кругомъ, сдѣлавъ крюкъ около 12-ти верстъ. Пройти черезъ Мукденъ, да еще ночью, понятно, было нельзя. И вотъ обозъ тронулся въ путь. Трудно представить, что это былъ за громадный по величинѣ и ужасный по неподвижности обозъ. Непрерывной лентой, въ нѣсколько рядовъ, онъ растянулся почти на 60—70 верстъ. Къ нему присоединились артиллерійскіе парки и артиллерія, не долженствующая участвовать въ арріергардномъ бою, повозки съ имуществомъ

Китайскаго банка и его служащихъ и частныхъ лицъ, выѣхавшихъ вмѣстѣ съ чиновниками. Присутствіе этихъ, постороннихъ войскамъ, элементовъ отнюдь не способствовало порядку движенія. Застрянетъ одна повозка—остановится весь караванъ; проходитъ порядочно времени, пока ее освобождаютъ, а сзади напираютъ, особенно артиллерія, не знающая преградъ, и, понятно, беспорядокъ все увеличивается.

Только къ разсвѣту голова обоза вышла на Мандаринскую дорогу. По мѣрѣ движенія впередъ, къ обозу присоединялись разныя нестроевыя команды: хлѣбопеки, интендантскія команды и другія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ обозъ имѣлъ видъ тѣхъ фуръ, которыя столичные жители созерцаютъ при переѣздѣ на дачи и обратно въ городъ: столы, табуретки, разная домашняя утварь—все то, что домовитый денщикъ не захотѣлъ оставить на произволъ судьбы, чтобы не лишить своего офицера того комфорта, который возможенъ въ походной жизни. Когда главная часть обоза находилась между д. Тава и Пухэ, на вершинѣ одного изъ холмовъ внезапно пока-

зались нѣсколько непріятельскихъ горныхъ орудій, а можетъ быть и эскадронъ или два кавалеріи,—очевидно, изъ частей войскъ, прорвавшихся у Кіузанъ — и, пробравшись сюда, открыли огонь по отступающему обозу. Засвистѣла шрапнель, и зашипѣли шимозы. Вотъ одна шимоза попала и разорвалась въ центрѣ обоза, перевернула нѣсколько повозокъ, убила и ранила нѣсколько человѣкъ прислуги и лошадей; вотъ разорвалась шрапнель, и опять нѣсколько убитыхъ и раненыхъ людей и животныхъ. Лошади бѣснуются, неистово бьютъ ногами, повозки лѣзутъ другъ на друга, опрокидываются, раздаются крики, стоны—суматоха ужасная. Каждый стремится выбраться изъ обстрѣливаемой полосы и этимъ еще болѣе увеличиваетъ общій хаосъ и беспорядокъ. Нестроевыя команды, лишенныя всякой инициативы, безъ надлежащаго руководства, неспособны ни къ чему, а тутъ еще беспорядокъ увеличиваетъ присутствіе частныхъ лицъ, китайскихъ погонщиковъ, съ ихъ арбами и подводами. Все это кричитъ и безтолково бросается изъ стороны въ сто-

рону, а шрапнель продолжаетъ лопаться надъ головами, а шимозы съ ужаснымъ шипѣніемъ непрерывно падаютъ на землю, выбрасывая столбы черного, удушливаго дыма. Не привыкшая къ огню обозная прислуга растерялась и въ страхѣ начала искать спасенія, кто гдѣ можетъ. Кто бросался въ поле и безумно скакалъ по грядамъ гаоляна, кто застревалъ въ линіи обоза и всякими способами стремился освободить изъ упряжи лошадь, чтобы тоже спастись бѣгствомъ въ поле. Прислуга артиллерійскихъ парковъ и артиллеріи, хотя уже и бывавшая въ огнѣ, подѣ вліяніемъ общей паники, послѣдовала тому же примѣру; бросались парки и пушки, или же какое-нибудь орудіе, вырвавшись на свободу, бѣшено несло, опрокидывая все, что попадалось на его пути. Но, къ счастью, непріятельскій огонь скоро прекратился,—какъ потомъ оказалось, у него не хватило снарядовъ,—и порядокъ, относительный, разумѣется, мало-по-малу, возстановился. Но подобрать все оставленное имущество не было возможности, такъ какъ люди,

его бросившіе, взявъ лошадей изъ упряжи, ускакали далеко впередъ.

Неизвѣстно откуда, появился полковникъ генеральнаго штаба Тимофѣевъ. Видя ничтожность силъ непріятеля и думая, вѣроятно, что можно будетъ легко захватить у него даже орудія, и желая вообще возстановить порядокъ, особенно необходимый на случай повторенія подобнаго же внезапнаго нападенія, онъ подѣзжаетъ къ какимъ-то частямъ и пытается остановить ихъ. Люди всѣ въ полушубкахъ, и поэтому трудно сообразить, что это—стросвые части, или нестроевые команды, тѣмъ болѣе, что послѣднія тоже носятъ оружіе, хотя оно является для нихъ только лишней обузой. Но, несмотря на всѣ усилія, его угрозы не дѣйствуютъ. Тогда онъ выхватываетъ револьверъ и дѣлаетъ два выстрѣла, должно быть въ тѣхъ, которые отвѣчаютъ особенно грубо. Они падаютъ, а ихъ товарищи въ это время стрѣляютъ въ полковника. Пораженный нѣсколькими пулями, онъ падаетъ, тяжело раненый. Части разбѣгаются и слѣдъ ихъ пропадаетъ, должно быть навсегда. Правосудіе ихъ, помяну,

не сыщеть, да и какой смыслъ былъ бы въ наказаніи? Мученія совѣсти, которыми навѣрно почувствовалъ каждый изъ нихъ, какъ только прошли первые приступы безсознательнаго страха, и безъ того тяжелымъ гнетомъ лягутъ на ихъ души.

Въ то время, когда все несло, охваченное безсознательнымъ страхомъ, когда одна повозка опрокидывала другую, когда одинъ толталъ другого, думая только о своемъ спасеніи, въ глаза бросалась одна странная повозка.

Запряженная одной лошадыо, съ солдатиномъ на козлахъ, она ровнымъ шагомъ, исторопливо, подвигалась впередъ, какъ будто бы вокругъ нея не существовало этой ужасной суматохи и безпорядка, какъ будто все происходящее кругомъ нисколько ее не касалось. Вотъ скачетъ шестерка съ орудіемъ, и кажется, что сейчасъ она долетитъ до этой повозки и, подобно другимъ, опрокинетъ и сомнетъ ее. Но, не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ, шестерка почти бѣшенныхъ лошадей круто поворачиваетъ, искусно обходитъ повозку и уносится дальше.

Что же это за повозка? Что заставляет всѣхъ бояться наскочить на нее?

Солдатики, съ совершенно отупѣвшимъ отъ горя лицомъ, везетъ въ ней своего ротнаго командира, горячо любимаго всей ротой. Это былъ образцовый офицеръ, заботливый и любящій солдатъ начальникъ, грудью стоявшій за своихъ подчиненныхъ. Вся рота прямо боготворила его. Онъ умеръ геройскою смертию на полѣ сраженія, и вотъ теперь его денщикъ, все время ходившій за нимъ, какъ нянька, везетъ тѣло своего ротнаго. Вся его любовь и преданность перешли теперь на командиршу, которая ѣдетъ здѣсь же съ нимъ на повозкѣ. Время отъ времени онъ поворачивается и грустными, участливыми глазами смотритъ въ ея разстроенное лицо. Съ всклокоченными волосами, полнымъ ужаса взглядомъ, эта молодая, еще миловидная женщина, не отрываясь, смотритъ на трупъ горячо любимаго мужа, составлявшаго для нея всю радость жизни. Она, вѣроятно, уже не понимаетъ той драмы, которая разыгралась надъ любимымъ человѣкомъ, не сознаетъ, куда и зачѣмъ везутъ дорогое для нея

тѣло. Смотритъ на нее денщикъ и крупныя слезы текутъ по его запыленному лицу, оставляя на немъ, точно борозды, грязныя слѣды, которые поднимающаяся вокругъ мелкая пыль вновь заноситъ толстымъ слоемъ.

Мучимая какимъ-то предчувствіемъ въ роковую ночь, несчастная женщина отправилась на позиціи. Съ трудомъ разыскала роту мужа и обратилась съ разпросамъ къ солдатамъ. Но молчаніе было отвѣтомъ на ея вопросы. Ужасная мысль, какъ молнія, пронизала ея мозгъ и она захохотала какимъ-то ужаснымъ и страхъ наводящимъ хохотомъ, но скоро смѣхъ перешелъ въ отчаянныя рыданія. Съ нею зарыдала и вся рота. «Пойдемъ, барыня дорогамъ», сквозь слезы упрашиваетъ денщикъ, и они идутъ къ мѣсту сраженія. Влѣдняя утренняя заря слабо освѣтила мѣсто ужаснаго побоища. Поле усыяно трупами: одинъ лежитъ, вытянувши впередъ обѣ руки, какъ бы стремясь кого-то поймать, другой навзничъ спитъ спокойнымъ сномъ, вытянувшись во весь ростъ, а тамъ одинъ сидитъ на колѣняхъ, уткнув-

пнсь головою въ землю. Какія только положенія не принимаютъ эти несчастные люди, застигнутые мгновенной смертью! То тамъ, то здѣсь слышатся стоны неподбанныхъ за ночь раненыхъ... Къ ней возвращается сознаніе и надежда загорается въ ея душѣ. «Можетъ быть онъ здѣсь лежитъ раненый», говоритъ она, но денщикъ молчитъ: онъ знаетъ, что его командиръ упалъ, пораженный на-смерть, и что его трупъ, отнесенный солдатами въ сторону, лежитъ невдалекѣ. Повинуясь безотчетной волѣ, молодая женщина быстро приблизилась къ роковому мѣсту. Вотъ онъ лежитъ, какъ живой, — только маленькое пятно во лбу и капля засохшей уже крови — лежитъ навзничъ, съ протянутой въ сторону рукою. Она рухнула на дорогое бездыханное тѣло. Голова ея упала на распростертую руку мужа и, казалось, что они оба лежатъ рядомъ и, обнявшись, покоятся безмятежнымъ сномъ. Глубоко потрясенный этимъ зрѣлищемъ, безмолвно стоялъ денщикъ. Но вотъ она вышла изъ оцѣпенѣнія и въ отчаяніи на-

чала трясти тѣло мужа, какъ будто желая разбудить его отъ ужаснаго сна.

Когда солдаты положили тѣло въ повозку, она ни за что не захотѣла оставить его, и вотъ теперь денщикъ везетъ ихъ обоихъ на сѣверъ, на родину, не сознавая, когда кончится ихъ путешествіе.

Не лучше ли было этой несчастной жeninѣ остаться дома, чѣмъ присутствовать здѣсь при всѣхъ ужасахъ войны?... Чѣмъ она могла помочь здѣсь мужу?... Постоянно видя предъ собой эти ужасы, она только напрасно разстроила себѣ умъ и теперь уже, можетъ быть, на всю жизнь не освободится отъ болѣзненнаго состоянія...

Наконецъ порядокъ былъ болѣе или менее восстановленъ, и обозы двинулись впередъ. Большую часть брошенныхъ орудій подобрали, но нѣкоторыя попали въ суматохѣ въ овраги, откуда ихъ вытащить не было никакой возможности. Пришлось также бросить и часть повозокъ, такъ какъ не нашлось лошадей для замѣны погибшихъ и ускакавшихъ. Но, чтобы не оставлять сложенныхъ на нихъ вещей, солдаты стали разрывать чемоданы и пере-

таскивать все, что было возможно, на другіе возы. Невзятое разбрасывалось по дорогѣ. Все пространство, которое занималъ обозъ, имѣло видъ словно послѣ погрома: всюду разбросанное бѣлье, разныя вещи, бумаги, опрокинутыя сломанныя повозки.

Вдоль желѣзной дороги, по обѣимъ сторонамъ ея, отступали войска, не участвовавшія въ арріергардныхъ бояхъ. Сборнымъ пунктомъ назначенъ Телипъ. Люди, грязные, запыленные, въ своихъ папахахъ, прикрытыхъ сѣрыми чехлами, чтобы не были замѣтны въ бою, и похожихъ на монашескія шапки, имѣли утомленный и весьма невзрачный видъ.

Идутъ они въ порядкѣ, при офицерахъ, имъ предстоитъ переходъ пѣшкомъ около 50 верстъ. Съ завистью смотрятъ они на проходящіе мимо поѣзда съ ранеными. Но вотъ нѣсколько смѣльчаковъ, на разѣздѣ, гдѣ останавливаются поѣзда, вскакиваютъ на площадки вагоновъ, за ними другіе, и скоро всѣ площадки, крыши вагоновъ, подножки, тендеры и даже паровозы заполняются людьми. Офицеры кричатъ, пробуя остановить ихъ, но, видя, что ничего

не помогаетъ, машутъ рукой. Желѣзнодорожный персоналъ относится тоже снисходительно къ этимъ неожиданнымъ пассажирамъ, отлично понимая, что значить усталость,—и поѣздъ медленно, чтобы не свалить кое-какъ пристроившихся солдатъ, идетъ далѣе.

Поѣзда безостановочно слѣдуютъ другъ за другомъ и такимъ же образомъ наполняются солдатами. Части разстроились... Солдаты отдѣлились отъ своихъ офицеровъ... Ряды оставшихся тоже разстраиваются, и отступленіе становится безпорядочнымъ.

Вечеромъ 28-го февраля, вмѣстѣ съ полковникомъ Оболеневымъ, инженеромъ Михайловскимъ, однимъ изъ докторовъ и «дѣдушкою генерала Мищенко», черногорцемъ Пламенацъ, и отправился по линіи подбирать раненыхъ. Платформа Саньтайцзы была вся наполнена ранеными, частью еще не перевязанными. Одинъ изъ летучихъ отрядовъ (кажется, Петербургскій) сталъ дѣлать на станціи перевязки, и мы начали переноску раненыхъ въ прибывшіе съ нами вагоны.

Солнце уже зашло, быстро приближалась ночь. Въ полѣ, недалекомъ отъ станціи, слышится шумъ, говоръ и ржаніе лошадей—это остановился на отдыхъ обозъ. Повозки, парки, орудія и поѣзда съ ранеными и людьми, устѣявшими площадки и крыши вагоновъ, все прибываютъ. Вдругъ, гдѣ-то въ сторонѣ, раздался залпъ. Послышались крики: «японцы, японская кавалерія». Все пришло въ смятеніе. Крики людей смѣшались съ ржаніемъ лошадей и стукомъ опрокидывающихся повозокъ, со всѣхъ сторонъ началась ружейная пальба. Стрѣлялъ всякій, у кого имѣлось ружье, не разбирая цѣли. Стоны, вой тысячъ людей; ружейная трескотня неслись отовсюду. Комендантъ, имѣвшій, очевидно, приказаніе на случай появленія японцевъ, вѣроятно полагая, что непріятель уже здѣсь, приказалъ поджечь склады,—и скоро огромное зарево освѣтило ужасную картину смерти отъ рукъ своихъ же собственныхъ братьевъ солдатъ. Мимо станціи по платформѣ мчится артиллерія, опрокидывая все на своемъ пути; люди, лошади—всѣ бѣгутъ, охваченные паникой.

Два-три смѣльчака становятся поперекъ платформы и пробуютъ уговаривать бѣгущихъ. «Сойте, сойте, никакихъ японцевъ нѣтъ». Люди на минуту останавливаются, но потомъ, не повѣривъ сообщенію, еще быстрѣе несутся далѣе. А вокругъ свистятъ пули, ударяясь о стѣны станціи; то здѣсь, то тамъ слышатся стоны раненыхъ.

Наконецъ, ружейная пальба начинаетъ стихать, и все мало-по-малу успокаивается.

Изъ зданія вокзала многіе выходятъ сконфуженные.

«Я начальникъ обороны станціи!!» кричитъ, откуда-то появившись, полковникъ.

Въ эту ночь на этой станціи ночевалъ въ товарномъ вагонѣ генералъ Куропаткинъ. За нѣсколько дней, въ которые я его не видѣлъ, онъ сильно осунулся, поблѣднѣлъ, взглядъ его сдѣлался лихорадочно блестящимъ.

Трудно, понятно, найти какое-либо оправданіе такому безпорядочному отступленію, но не слѣдуетъ быть особенно строгими къ этимъ людямъ. Войдите въ ихъ душевное состояніе, вникните въ ихъ психоло-

гію и многое вамъ станетъ понятно. Вспомните, что это тѣ самые люди, которые еще вчера, третьяго дня, съ такимъ мужествомъ, съ такой изумительной стойкостью, отбивали атаки противника и шли на приступъ непріятельскихъ укрѣпленій. 12 дней кряду дрались они, нанося огромный уронъ непріятелю. 12 дней и ночей провели они въ кровавыхъ бояхъ, не смыкая глазъ. 12 сутокъ мужественно переносили и холодъ и голодъ (вѣдь въ бою трудно удовлетворить всѣ части)—и ни одно слово ропота не пронеслось по ихъ рядамъ. Каждая часть выполнила свою задачу, не зная общаго хода дѣла, считаясь только съ собственнымъ результатомъ. Налпцо у всѣхъ былъ рядъ геройски отбитыхъ атакъ. И, вдругъ, въ самый разгаръ боя, на позиціяхъ получается приказъ отступить,—печальный приказъ, повторяющійся уже не разъ за время этой войны. У всѣхъ въ памяти всталъ недавній инцидентъ съ генераломъ Гриппенбергомъ, его уходъ, якобы изъ за того, что главнокомандующій велѣлъ отступить, когда надо было продолжать сраженіе, чтобы окончательно раз-

бить противника, отголоски его приёма въ Петербургѣ. — «Начальники ссорятся», — говорили въ войскахъ, «а мы должны гибнуть изъ-за ихъ ссоръ; — что это мы за пушечное мясо?...» Мудрено ли, что, при такихъ условіяхъ, люди не поняли этого приказа, можно ли удивляться, что послышался ропотъ, поколебалась вѣра въ начальниковъ и ослабѣлъ духъ дисциплины. Результаты всего этого налицо. Но на кого же должна пасть отвѣтственность?

Не всѣ части удачно попали на Мандаринскую дорогу, по которой шло отступление: нѣкоторыя были настигнуты неприятелемъ, отбивались и отступали тамъ, гдѣ могли пробиться, по гористой мѣстности, къ востоку отъ желѣзной дороги, и на мѣсто назначенія приходили съ большимъ опозданіемъ. Многіе попали въ плѣнъ, частью ранены. Во время прохода черезъ Мукденъ, войскамъ было разрѣшено брать изъ складовъ продовольствіе и другіе предметы, напримѣръ подарки, присланные изъ Россіи. Но, къ несчастію, нѣкоторые солдаты нападали на спиртъ, напивались и тутъ же ложились,

не будучи въ состояніи идти дальше,—такъ, какъ говорятъ, понало въ плѣнь 2—3 тысячъ.

Дальѣйшее отступленіе нашихъ войскъ происходило въ полномъ порядкѣ, медленно, безъ суеты, при небольшихъ арріергардныхъ бояхъ, не имѣющихъ существеннаго значенія.

VIII.

ПЕРЕМѢНА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

4-го марта генераль Куропаткинъ сдалъ командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими противъ Японіи, генералу Линевичу и уѣхалъ. Отозваніе Куропаткина никого не удивило: всѣ чувствовали, что перемѣна главнокомандующаго должна произойти, но никто не зналъ, кѣмъ именно онъ будетъ замѣненъ, и всѣ съ тревогой ждали новаго вождя. Назначеніе Линевича, хорошо знакомаго съ войсками и съ военными пріемами японцевъ, ободрило армію и всѣми было встрѣчено съ большимъ энтузіазмомъ. Всѣ знали, что это храбрый, рѣшительный генералъ, и были увѣрены, что онъ сумѣетъ

заставить непрекословно исполнять свои приказанія.

Нѣкоторые говорятъ, что онъ не выдающійся стратегъ,—я этого не знаю: можетъ быть и такъ, а можетъ быть и нѣтъ. Несомнѣнно одно, что это человѣкъ съ искрой Божіей, а этимъ ужъ много можно сдѣлать. Можетъ быть того «мудрствованія лукаваго», которымъ отличаются наши стратеги, здѣсь вовсе и не нужно, можетъ быть простыя дѣйствія, руководимыя этою искрою Божіею, и есть то, что требуется, что нужно при настоящей необычайно развившейся военной техники. Будущее покажетъ, кто правъ. Всѣ распоряженія, сдѣланныя Линевичемъ, какъ главнокомандующимъ всѣми арміями, въ послѣдніе дни моего пребыванія на театрѣ войны, въ высшей степени раціональны и сдѣланы рѣшительнымъ, не допускающимъ разсужденій тономъ. Это уже много значитъ и показываетъ тотъ способъ, котораго главнокомандующій будетъ держаться. Дай ему Богъ силъ и здоровья и пусть не угасаетъ въ немъ искра Божія, которая, можетъ быть, приведетъ насъ къ побѣдѣ.

Благодаря желѣзной волѣ новаго главнокомандующаго, удалось столь быстро возстановить въ арміяхъ порядокъ.

Черезъ три, кажется, дня стало извѣстно, что генералъ Куропаткинъ назначенъ командующимъ 1-ю манчжурскою арміею, и что это назначеніе произошло по его собственной просьбѣ Государю. Этотъ фактъ произвелъ хорошее впечатлѣніе въ арміи. Я видѣлъ, когда генералъ Куропаткинъ представлялся генералу Линевичу въ качествѣ его подчиненнаго. Взявъ подъ козырекъ, стоя во фронтъ, генералъ Куропаткинъ доложилъ о своемъ прибытіи. Линевичь, также держа руку подъ козырекъ, сосредоточенно выслушалъ представленіе своего бывшаго начальника, теперь уже подчиненнаго. Оба генерала сразу вошли въ новыя роли. Какъ иногда судьба играетъ человѣкомъ!..

ІХ.

ДѢЛА НА ЛѢВОМЪ ФЛАНГѢ И ВЪ ЦЕНТРѢ.

До сихъ поръ я, послѣдовательно, по днямъ, привелъ дѣйствія нашихъ войскъ въ окрестностяхъ Мукдена, т. е. на фронтахъ западнѣе и сѣвернѣе этого города, ни словомъ не упомянувъ о дѣйствіяхъ на нашемъ южномъ фронтѣ — въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ. Это я сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы читатель имѣлъ общее непрерывное впечатлѣніе о происшедшихъ у Мукдена событіяхъ, гдѣ главнымъ образомъ разыгралась февральская драма, имѣвшая рѣшающее значеніе для перваго періода настоящей кампаніи.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ оперировали отряды Мандрыкина, дальше на Во-

стокъ—отряды генераловъ: Маслова, Ренненкампа, Алексѣева и Данилова, а затѣмъ шли сибирскіе корпуса. Силы непріятеля были очень значительны, и онъ началъ тѣснить насъ.

Еще 8-го февраля стало извѣстно стремленіе японцевъ перейти въ наступленіе. Самыя передовыя части непріятеля начали дѣйствовать противъ нашего крайняго лѣваго фланга—противъ цынхепченскаго отряда. Въ слѣдующіе два дня наступленіе дѣлается все болѣе интенсивнымъ, а 11-го и 12-го февраля атаки начались уже силами, превосходившими наши, и, несмотря на наше упорное сопротивленіе и большія потери непріятеля, мы принуждены отойти отъ занятыхъ позицій. Наши войска съ большой неохотой покидаютъ укрѣпленныя мѣста,—атаки доходятъ до штыкового боя, непріятель нѣсколько разъ отступаетъ, оставляя сотни труповъ, но, подкрѣпленный, вновь бросается впередъ. Были части, которыя не хотѣли отходить, требуя письменнаго приказа. Офицеровъ приходилось силою выводить съ занимаемыхъ позицій. 13-го и 14-го японцы повели настойчивое

наступление на весь фронтъ нашего лѣваго фланга. Послѣ упорныхъ боевъ, наши войска оставили позиціи Далинскаго перевала. Въ общемъ, результатъ послѣднихъ дней былъ таковъ, что мы, оставивъ прежнія позиціи, выпрямили свой фронтъ, выдвинувшись нашимъ лѣвымъ флангомъ далеко на югъ. Взятіе японцами Далинскаго перевала какъ бы открывало имъ путь на Фушунъ и Телинъ. Но крѣпко засѣвшая здѣсь армія Ляневича не дала ни шагу двинуться далѣе.

Въ центрѣ ежедневно происходили атаки и артиллерійскіе бои, но результатъ ихъ былъ одинъ: всѣ они отбивались нами съ громадными потерями для непріятеля. Путиловская и Новгородская сопки обстрѣливаются непрерывнымъ огнемъ изъ 11-тидюймовыхъ орудій. Чесоданы, какъ называютъ солдаты 11-ти-дюймовые снаряды, со страшнымъ шумомъ прорѣзываютъ воздухъ, а ихъ осколки, вращаясь въ воздухѣ въ видѣ какихъ-то безформенныхъ предметовъ, издають особенно непріятный, свистящій звукъ. Эти звуки крайне раздражительно дѣйствуютъ на нервы, не да-

вая возможности свыкнуться съ ними, заставляя всегда быть на-сторожѣ, и наши солдатики такъ удачно принаравливаются къ полету этихъ снарядовъ, что потери въ людяхъ отъ нихъ ничтожны. Но укрѣпленія дѣйствительно сильно страдаютъ. 15-го, 16-го и 17-го, японцы, во что бы то ни стало, стремятся прорвать гдѣ-нибудь наше расположеніе; но всѣ ихъ усилія остаются тщетными, хотя намъ это стоятъ громаднхъ жертвъ; у непріятеля потери еще больше. Непріятельская гвардія, численностью до 20-ти тысячъ, атакуетъ корпусъ генерала Засулича, но всѣ атаки отбиваются. 13 атакъ въ теченіе двухъ дней стоили непріятелю почти двухъ третей его состава. Здѣсь генералу Засуличу удалось отомстить той гвардіи, которая нанесла ему пораженіе подъ Тюренченомъ...

Можно считать, что японцы уже 18-го—19-го февраля поняли, что имъ не удастся прорваться на лѣвомъ флангѣ и выбить отсюда армію Линевиича, обороняющуюся съ такимъ необыкновеннымъ упорствомъ. Потери непріятеля были здѣсь

такъ велики, что его армія прямо таяла у насъ на глазахъ. Считая здѣсь дѣло проиграннымъ, японцы устремляются сначала на фронтъ, но и здѣсь всѣ ихъ усилія разбиваются о стойкость нашихъ защитниковъ. Тогда они идутъ далѣе и, наконецъ, обрушиваются на нашъ правый флангъ.

13-го февраля армія Линевича покинула позиціи, которыя съ такимъ упорствомъ отстаивала отъ яростныхъ натисковъ противника. Потери здѣсь съ обѣихъ сторонъ были не менѣе 50—60 тыс. (мы, въ качествѣ обороняющихся, потеряли около 21 тыс.). 24-го она занимаетъ новыя позиціи у р. Хунхэ, но уже 25-го двигается далѣе на сѣверъ къ Телину.

Отступление этой арміи прошло въ полномъ порядкѣ: ни одной повозки, ни одного ружья не оставила она въ добычу непріятелю, хотя и здѣсь немало повозокъ имѣли тотъ же видъ дачныхъ фуръ. Рассказываютъ, что генераль Ренненкампфъ, остановившись на одномъ перевалѣ, развелъ костеръ и пропускалъ мимо себя обозы. Вотъ одна повозка останавливается; уста-

лая лошадь не въ состояніи втащить се на перевалъ, не меньше скотныи уставшіи возница-солдатъ пзъ всѣхъ силъ старается помочь ей, но дѣло не подвигается впередъ.—Повозка, наполненная всякимъ домашнимъ скарбомъ, оказывается очень тяжелой.

— Чьи это вещи? спрашиваетъ Ренненкампфъ у возницы.

— Ротнаго, ваше превосходительство, отвѣчаетъ тотъ.

— Ну, голубчикъ, сваливай ихъ въ костеръ.

Солдатикъ смотритъ въ недоумѣніи на генерала. Какъ же это добро ротнаго въ костеръ?—думаетъ онъ про себя. Вѣдь сколько труда положилъ онъ съ денщикомъ, чтобы собрать и довести до этого мѣста, не желая ничего оставить японцу.

— Ничего, ничего, братецъ, сваливай, ужъ я отвѣчать буду.

Вещи сваливаются въ костеръ, и лошадка легко втаскиваетъ фѹру. И немало такого рода повозокъ постигла та же участь.

Изъ дѣйствій главнокомандующаго слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что еще 17-го февраля онъ предполагалъ, что главный ударъ будетъ нанесенъ ему именно на лѣвомъ флангѣ и что обходное движеніе непріятеля и дѣйствія на правомъ флангѣ есть лишь большая демонстрація,— иначе нельзя себѣ объяснить отправку 1-го Сибирскаго корпуса съ одной бригадой на лѣвый флангъ, въ то время, когда обходная колонна не только ясно обнаружилась, но и пришла въ соприкосновеніе съ нашими войсками. Очевидно, онъ боялся, что японцы, овладѣвъ Далипскимъ и другими перевалами и опрокинувъ здѣсь наши войска, могутъ двинуться на Фушунъ и далѣе на Телинъ, чтобы зайти съ этой стороны намъ въ тылъ. Очень можетъ быть, что такой именно планъ и существовалъ у японцевъ, но разыгравшіяся, вопреки ихъ желаніямъ, событія заставили ихъ примѣняться къ складывавшимся обстоятельствамъ: они, по мѣрѣ хода дѣла, измѣняли и свой планъ. Возможно, что послѣдующія событія заставили ихъ, вмѣсто главнаго удара на нашъ лѣ-

выйй флангъ, нанести таковой на правомъ флангѣ и закончить дѣло подѣ Мукденомъ, пожалуй, съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ при удачномъ выполненіи движенія на Фушунъ — Телинъ. Понятно, теперь трудно говорить о томъ, что предполагалъ непріятель. Это выяснится послѣ войны, если японцы будутъ искренни. Въ настоящее же время приходится ограничиться лишь вѣроятными предположеніями, тѣмъ болѣе, что нельзя придавать вѣры сообщеніямъ изъ Токио, даже о давно происшедшихъ событіяхъ, такъ какъ японцы наврядъ ли имѣютъ стремленіе открывать всѣмъ способы своей тактики и приемы сраженія.

Повторяю, весьма возможно, что японцы стремились опрокинуть ген. Линевича и двинуться далѣе, въ обходъ остальныхъ двухъ нашихъ армій. Если же это была демонстрація, какъ нѣкоторые твердятъ, то настолько сильная, что, не будь такого упорнаго сопротивленія арміи Линевича, она бы достигла такихъ результатовъ, которые превосходятъ задачи какой бы то не было по величинѣ демонстраціи. Къ такому за-

ключенію приводить то обстоятельство, что на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, до 19-го и даже 20-го февраля, японцы вели ожесточенныя атаки большими силами, въ то время, когда на правомъ флангѣ успѣхъ ихъ былъ сомнителенъ; только послѣ 20-го февраля атаки ихъ здѣсь начали ослабѣвать, — очевидно, они передвинули отсюда часть силъ противъ нашего праваго фланга, что дало возможность ген. Линевичу самому перейти въ наступленіе. Можно думать, что японцы, не имѣя возможности успѣшно выполнить намѣченный ими планъ дѣйствій на востокъ отъ Мукдена, найдя въ послѣдствіи нашъ правый флангъ болѣе слабымъ, перенесли свои рѣшительныя операціи на западъ отъ Мукдена.

Х.

КРАТКОЕ РЕЗЮМЭ МУКДЕНСКИХЪ ОПЕРАЦІЙ.

Резюмируя ходъ событій, мы видимъ, что съ 11-го февраля японцы напрягаютъ свои силы, чтобы опрокинуть лѣвый флангъ арміи Линевича и въ то же время ведутъ усиленныя атаки на ея правомъ флангѣ, чтобы этимъ не дать возможности Линевичу усилить своими частями лѣвый флангъ. Такъ же упорно наступаютъ они на нашъ правый флангъ и направляютъ по долину Ляохэ отрядъ для обхода насъ съ запада. Всѣ эти операціи имѣли цѣлью или помѣшати намъ въ посылкѣ подкрѣпленія на лѣвый флангъ, черезъ который они, при удачномъ исходѣ атакъ, направились бы на Фушунъ и далѣе въ обходъ съ востока,

оставивъ въ Фушунѣ сильный заслонъ, или это была сильная демонстрація на лѣвомъ флангѣ, для отвлеченія насъ отъ посылки подкрѣплений на правый флангъ. Но упорное сопротивленіе арміи генерала Линевича и понесенныя японцами большія потери (потери арміи Линевича доходили до 21,000 слишкомъ, японцы же, въ качествѣ наступающихъ на наши укрѣпленія, вѣроятно, потеряли, по меньшей мѣрѣ, 30,000, а можетъ быть и все 40,000) измѣнили здѣсь соотношеніе силъ не въ пользу японцевъ и заставили ихъ попытаться нанести ударъ на западѣ. И, вотъ, 19-го февраля начинается ихъ энергичное наступленіе въ этомъ направленіи. Наши пассивныя дѣйствія 19-го и 20-го дали имъ возможность стянуть сюда значительныя силы. Если предположить численное соотношеніе обѣихъ армій въ слѣдующихъ цифрахъ: японская 400,000, а наша 350,000, то 11-го февраля эти силы были, приблизительно, распредѣлены такъ: японскія — обходная колонна 50 тыс., правый флангъ 120 тыс., центръ 70 тыс., лѣвый флангъ 120 тыс. и резервъ 40 тыс.; наши — правый флангъ

120 тыс., лѣвый—110 тыс., центръ 80 тыс. и резервъ 40 тыс. 17-го февраля мы уже имѣли на правомъ флангѣ 100 тыс., въ центрѣ около 70 тыс., на лѣвомъ флангѣ 140 тыс. и въ резервъ 40 тыс. Съ 20-го по 23-е февраля нашъ лѣвый флангъ вновь ослабѣлъ до 70 тыс., центръ также, и усилился правый флангъ. Но здѣсь и японцы сконцентрировали къ этому времени около 240 тыс., такъ что на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ осталось всего 120 тыс. и даже меньше. Такимъ образомъ, на западномъ фронтѣ у непріятеля оказался перевѣсъ въ численности. Разумѣется, цифры эти весьма проблематичныя, но въ приблизительно вѣрномъ соотношеніи.

19-го, 20-го, 21-го и 22-го февраля, японцы употребляютъ все усилія, чтобы отбросить 3-ю армію, занимающую расположеніе на лѣвомъ берегу Хунхэ, и прорваться въ районъ Мадяпу—Юхуангунь, но все ихъ попытки оказываются неудачными и они теряютъ множество людей. Не будетъ преувеличеніемъ считать, что въ эти дни они потеряли здѣсь около 20 тыс. человѣкъ. Видя неудачу своихъ попытокъ въ этомъ

мѣстѣ, они передвигаются и усиливаютъ свой фронтъ сѣвернѣе Мукдена, въ районѣ Императорскихъ могилъ. Вначалѣ они здѣсь имѣли нѣкоторый успѣхъ—мы немного подались, но подошедшія наши подкрѣпленія заставляютъ ихъ остановиться и отойти назадъ. Тогда они двигаются далѣе, чтобы обойти насъ еще сѣвернѣе. Для того, чтобы усилить войска на правомъ берегу р. Хунхэ, намъ пришлось сократить длину фронта, съ каковою цѣлью, въ ночь на 23-е, происходитъ отступленіе нашихъ войскъ, занимавшихъ позиціи восточнѣе Сахэпу и Сахэпу—Мадяпу, на позиціи вдоль праваго берега Хунхэ. Дивизіи Артамонова и Гершельмана передвигаются сѣвернѣе Императорскихъ могилъ, противъ Цуэртуня, чтобы здѣсь, подъ начальствомъ ген. Мылова, задержать движеніе японцевъ къ желѣзной дорогѣ, которымъ уже удалось дойти до нея на разстояніе 3—4 верстъ.

24-го февраля разыгрался ураганъ. Нашимъ войскамъ въ этотъ день удалось немного отгѣснить японцевъ отъ желѣзной дороги противъ Цуэртуня. Но, пользуясь

ураганомъ, поднявшимъ цѣлыя столбы пыли, которая была особенно сильна на правомъ берегу Хунхэ, вслѣдствіе отмелей мельчайшаго песку, а также и тѣмъ, что наши войска не заняли, какъ полагалось по диспозиціи, своихъ позицій, и отсутствіемъ надлежащей связи между вторымъ и четвертымъ нашими корпусами*), японцы прорываютъ наше расположеніе у Кіу-зана. Но, такъ какъ прорывъ былъ произведенъ небольшими силами, то его всегда можно было парализовать, и онъ не могъ бы имѣть существеннаго значенія. Въ то же время непріятель, не будучи въ силахъ прорваться у Императорскихъ могилъ и у Цуэртуня, двигаетъ новую колонну на сѣверъ и занимаетъ деревню, находящуюся на высотѣ станціи Хушитай, въ 10 верстахъ отъ нея на западъ, другими словами, передвигается сѣвернѣе нашихъ войскъ, расположенныхъ у Цуэртуня. Такимъ образомъ, придерживаясь усвоенной нами тактики, нужно было вновь увеличить

*) Въ 4-мъ корпусѣ оставалось всего 10 батальоновъ, и они должны были занимать фронтъ чуть ли не въ 10 верстъ.

сокращенную накануне длину нашего фронта почти на то же расстояние. Мы все время слѣдовали за движеніемъ непріятеля, подчиняясь его дѣйствіямъ, и ни разу не взяли инициативы въ свои руки, ни разу не попытались сдѣлать какой-нибудь самостоятельный маневръ. Имѣлъ ли Куропаткинъ достаточно силъ для того, чтобы удлинить свой фронтъ, и были ли способны уставшія войска произвести этотъ маневръ быстро и удачно? Я думаю, что да, если принять во вниманіе, что въ то время потери японцевъ многимъ превышали наши, что устали они нисколько не меньше насъ и что для этой операціи можно бы взять нѣкоторое число войскъ изъ 3-й арміи и изъ арміи Линевица. Но, очевидно, главнокомандующій не раздѣлялъ этого взгляда и отдалъ приказъ въ ночь съ 24-го на 25-е отступить на Телинъ.

Я не могу согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и покойнаго нынѣ полковника Лодыженскаго, корреспондента «Новаго Времени», бывшаго корреспондента «Русскаго Слова», что лучше было дать себя окружить, чѣмъ отступить, такъ

какъ окруженная армія могла держаться до прибытія ей на помощь войскъ изъ Харбина. Не могу согласиться потому, что все не считаю возможнымъ эту скорую помощь. Въѣдь японцы могли, отдѣливъ отъ своей арміи, на примѣръ, одну дивизію, безпрятственно двинуть ее къ Харбину, и она уничтожила бы по пути всѣ наши склады, этапы, разрушила бы желѣзную дорогу, мосты и сооруженія для водоснабженія. Тогда нашей новой арміи, которая должна бы притти на помощь окруженной, пришлось бы пройти разстояніе отъ Харбина до Мукдена — 500 вер.—походнымъ порядкомъ, не имѣя на пути продовольственныхъ запасовъ. Поэтому, прежде всего, пришлось бы приготовить и взять съ собою громаднѣйшій обозъ для доставленія необходимаго продовольствія. Понятно, при такихъ условіяхъ, эта освободительная армія не могла бы никакимъ образомъ раньше полутора-двухъ мѣсяцевъ достигнуть цѣли. Оставшихся въ Мукденѣ продовольственныхъ запасовъ для всѣхъ трехъ армій хватило бы не болѣе, какъ на 10—15 дней, а боевыхъ снарядовъ и того меньше. Ки-

тайское населеніе Мукдена, и такъ не особенно дружелюбно относившееся къ намъ, теперь, въ виду близости японцевъ, и по-давно не стало бы давать своихъ запасовъ, а способъ реквизиціи, когда китайцы тщательно все прячуть, не разъ уже показалъ свою несостоятельность. Если главнокомандующій дошелъ до того сознанія, что онъ не въ состояніи былъ удлинить свой фронтъ на сѣверъ, куда направились японцы, то, разумѣется, ничего, кромѣ отступленія, ему не оставалось. Другое дѣло, правильно ли было такое сознаніе. Но здѣсь я долженъ отмѣтить, что это отступленіе происходило далеко не такъ, какъ оно могло быть выполнено. Мнѣ кажется, что не было выработано общаго плана отступленія, каждый былъ представленъ самому себѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ вопросу о причинахъ нашихъ неудачъ вообще и въ частности — неудачнаго исхода операцій подъ Мукденомъ, скажу нѣсколько словъ о дѣятельности нѣкоторыхъ учреждений при арміи.

ХІ.

ИНТЕНДАНТСТВО.

Кто не знаетъ о тѣхъ нареканіяхъ, которыя дѣлались этому вѣдомству въ прежнія наши войны? Кому неизвѣстны толки и даже процессы о злоупотребленіяхъ чиновъ этого вѣдомства, злоупотребленіяхъ, ставшихъ притчей во языцѣхъ? Съ предубѣжденіемъ противъ интендантства явился и я на театръ войны. Когда, вначалѣ, мнѣ приходилось слышать объ интендантскихъ дѣйствіяхъ не въ той окраскѣ, къ которой привыкло наше ухо, я ничего не возражалъ рассказчику, думая про себя: съ какой стороны сей мужъ причастенъ къ этому прославленному учрежденію. Но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ положеніемъ

нѣмъ дѣла, съ мѣстными особенностями и условіями войны, моя подозрительность къ интендантству мало-по-малу пропала, и я сталъ думать о немъ съ лучшей стороны. Было отрадно наблюдать, что въ эту годину тяжелыхъ испытаній родины сознаніе гражданственности проснулось и въ этой части нашей закоснѣлой бюрократіи. Интендантскій вопросъ заинтересовалъ меня, не только какъ наблюдателя, который долженъ представить результаты своихъ наблюденій обществу, но мнѣ хотѣлось самому убѣдиться въ томъ, что общій прогрессъ сдѣлалъ свое дѣло и въ той средѣ, которая всѣми до сихъ поръ считалась отпѣтой. И вотъ я, никому неизвѣстный, разспрашивалъ поставщиковъ, присутствовалъ, какъ бы случайнымъ зрителемъ, при пріемкахъ, видѣлъ, какъ и чѣмъ продовольствуется армія, какъ обувается, одѣвается,—и долженъ засвидѣтельствовать, что не могу сдѣлать никакихъ нареканій этому вѣдомству. На пріобрѣтеніяхъ интендантство стремилось къ дешевизнѣ, правда, проявляя иногда въ этомъ направленіи излишнее усердіе въ ущербъ дѣлу. На-

примѣръ, интендантство хотѣло во что бы то ни стало выдержать цѣны на нѣкоторые товары, какъ-то: на хлѣбъ, сѣно и т. п. Поставщики не соглашались уступать; интендантство, въ свою очередь, отказывалось отъ покупки по заявленнымъ цѣнамъ, и когда, уже находясь въ крайности, давало согласіе, тогда цѣны поднимались и поставщики не соглашались на прежнія нормы. Такимъ образомъ приходилось брать продукты по болѣе высокимъ цѣнамъ, чѣмъ это было возможно вначалѣ. Это указываетъ на отсутствіе въ интендантскихъ чиновникахъ торговой сноровки и на преобладаніе канцелярской рутины надъ живымъ дѣломъ. Главный интендантъ, генералъ Губеръ—честнѣйшая личность. Едва ли найдется человѣкъ, даже изъ самыхъ большихъ его враговъ, который могъ бы упрекнуть его въ недобросовѣстности. Онъ окружилъ себя молодыми выдающимися офицерами, болѣею частью кончившими индендантскіе классы, тоже честными людьми и добросовѣстными работниками. Я, разумѣется, не стану отрицать, что въ этой семьѣ не безъ урода,

что здѣсь не все обстоит благополучно. Но отрадно видѣть, что злоупотребленія не являются общимъ правиломъ этого учрежденія, какъ это было до сихъ поръ, а составляютъ лишь печальныя исключенія, которыя всюду возможны, а тѣмъ паче въ такомъ крупномъ дѣлѣ, какъ интендантское.

Оптовыхъ подрядчиковъ интендантство не заводило, т. е. заготовка производилась какъ бы хозяйственнымъ способомъ, большею частью изъ первыхъ рукъ, непосредственно отъ производителей, или черезъ второстепенныхъ поставщиковъ. Больше крупнымъ поставщикомъ состоялъ извѣстный сподвижникъ Скобелева — Громовъ, но онъ работалъ здѣсь болѣе изъ любви вообще къ войнѣ и изъ патріотизма, чѣмъ изъ-за наживы.

Согласно положенію объ управленіи арміями и главнокомандующемъ, заготовка продовольствія и другихъ запасовъ производится каждой арміей отдѣльно, а главнокомандующій даетъ только общія указанія. Особенныя условія края, наличность одной коммуникаціонной линіи—Китайской восточ-

ной желѣзной дороги, по которой можно было доставлять продукты, ограниченность района пріобрѣтенія запасовъ, благодаря чему, при существованіи трехъ армій, ихъ интендантства могли бы конкурировать другъ съ другомъ,—все это заставило отступить отъ указанныхъ въ положеніи правилъ и сосредоточить заготовку продуктовъ и разныхъ припасовъ въ однѣхъ рукахъ, а именно въ рукахъ главного интенданта при главнокомандующемъ.

Характеръ главнокомандующаго сказался и въ интендантскихъ операціяхъ.

Главный интендантъ свои соображенія объ удешевленіи продовольствія, о мѣрахъ болѣе своевременнаго пріобрѣтенія разныхъ продовольственныхъ предметовъ и т. п. представлялъ на одобреніе и усмотрѣніе главнокомандующаго.

Пудъ жмыховъ для корма скотины пріобрѣтался по 1 р. 20 к., тогда какъ пудъ бобовъ по 40 коп. Выходило явное несоотвѣтствіе: остатки отъ бобовъ, послѣ полученія изъ нихъ масла, цѣнились дороже самыхъ бобовъ. Очевидно, была эксплуатація. Главный интендантъ предлагалъ ску-

пить весь запасъ бобовъ и устроить свой маслобойный заводъ, чтобы, такимъ образомъ, получать жмыхи за очень низкую цѣну. По расчетамъ, эта цѣна выходила настолько ниже покупной, что было бы выгодно употреблять жмыхи на топливо, вмѣсто дровъ, которые покупались отъ 60 до 100 руб. за куб. сажень. Имъ былъ поднятъ также вопросъ о хозяйственномъ сѣнокошеніи въ Монгольскихъ степяхъ, да и много другихъ подобныхъ проектовъ представилъ онъ главнокомандующему. Для ихъ разсмотрѣнія главнокомандующій назначалъ особыя комиссіи, отказываясь отъ единоличнаго рѣшенія. Но кому неизвѣстно, что значить у насъ передать дѣло въ какую-нибудь комиссію! Дѣйствія ихъ и здѣсь, на театрѣ войны, не отличались большей энергіей, и часто, пока эти комиссіи приходили въ своемъ разсмотрѣніи къ какому-либо результату, время оказывалось безвозвратно потеряннымъ.

Генераль Куропаткинъ поступалъ такимъ образомъ, очевидно, въ цѣляхъ осмотрительности, желая избѣжать нареканій. Но такая осмотрительность хороша въ мирное время,

а не на войнѣ, гдѣ дорога каждая минута, а тѣмъ болѣе здѣсь неумѣстна боязнь нареканій. Ответственное положеніе главнокомандующаго уже само по себѣ устраниетъ всякую возможность подобныхъ нареканій въ хозяйственныхъ операціяхъ. Понятно, съ другой стороны, надъ главнокомандующимъ стоялъ государственный контроль. Благодаря присутствію этого учрежденія, здѣсь завелась та же канцелярщина, та же рутина, которыя и въ мирное время губятъ всякое живое дѣло. Я могъ бы указать десятки и сотни случаевъ, когда, изъ-за канцелярщины, люди по недѣлямъ ждали полученія причитающихся имъ суммъ за поставленные матеріалы. Это отбило у поставщиковъ всякую охоту имѣть дѣло съ казной, а казнѣ, вслѣдствіе такихъ порядковъ, часто приходилось переплачивать и даже очень крупныя суммы. Такихъ ли результатовъ желаетъ государственный контроль?

Получается такая аномалія: человѣку довѣряютъ все достояніе государства, честь и будущность его, а пяти копѣекъ нѣтъ,—надъ этимъ контроль.

ХІІ.

САНИТАРНАЯ ЧАСТЬ.

Всѣ три арміи находятся въ наилучшихъ санитарныхъ условіяхъ. Лѣтомъ, послѣ Лаоянскихъ боевъ, особенно въ августѣ, появились было, и даже въ большихъ сравнительно размѣрахъ, дизентерія, или, какъ ее называютъ врачи, эпидемическій гастроинтеритъ, и тифъ. Но съ наступленіемъ зимы, заболѣванія почти прекратились. Вообще же, процентъ заболѣвшихъ на театрѣ войны былъ даже ниже, чѣмъ въ мирное время. Это объясняется, съ одной стороны, сухимъ климатомъ Манчжуріи, гдѣ въ теченіе всей зимы каждый день ярко свѣтитъ солнце, а съ другой — прекраснымъ продовольствіемъ арміи и хорошей теплой одеждой.

Всѣ медицинско-санитарныя учрежденія, какъ-то: военно-медицинская часть, учрежденія Краснаго Креста, земскіе отряды и отряды разныхъ другихъ наименованій отлично выполняютъ свои функціи въ небоевое время. Но не могу сказать того же про ихъ дѣятельность во время сраженій. Болѣе другихъ заслуживаетъ упрека военно-медицинская организація, главнымъ образомъ ея распорядительная часть. Въ Мукденѣ, Телинѣ, Харбинѣ и другихъ станціяхъ—всюду можно было встрѣтить много докторовъ, томящихся безъ дѣла. Они хотѣли работать, но никакъ не могли получить назначенія. Бывали такіе, напримѣръ, случаи: медицинское начальство отправляетъ большую партію врачей изъ Харбина въ Мукденъ; въ Мукденѣ мѣстныя медицинскія власти не принимаютъ ихъ и направляютъ обратно въ Харбинъ. И такъ они прогуливаются по желѣзной дорогѣ безъ всякаго дѣла,—имъ обидно и совѣстно. Но вотъ начинаются крупныя дѣла и ихъ куда-то размѣщаютъ, можетъ быть въ мѣста, гдѣ они будутъ мало нужны, или даже совсѣмъ лишніе; часть держать для

сопровожденія санитарныхъ поѣздовъ. Между тѣмъ на перевязочныхъ пунктахъ сотни раненыхъ мучаются, стонутъ, истекаютъ кровью, ожидая по нѣсколько часовъ очереди перевязки; нѣкоторые умираютъ, не дождавшись этой очереди, а можетъ быть при своевременной помощи часть ихъ осталась бы въ живыхъ. Мною зачастую на перевязочныхъ пунктахъ приходилось видѣть, какъ масса раненыхъ лежитъ, непрерывная вереница ихъ подходитъ, еще больше ихъ подносятъ, а тутъ всего два врача и два-три фельдшера, которые прямо изнемогаютъ отъ работы. Но, кромѣ самой перевязки, нужно еще вести списокъ перевязываемыхъ. Этимъ обыкновенно занимаются фельдшеръ или докторъ, чередуясь между собою. Доктора и фельдшера эти — полковые и начальство не догадывается послать имъ въ помощь свободныхъ врачей, находящихся въ резервѣ. Видите ли, полковая медицинская часть — это особое учрежденіе, чуть ли не другое государство. А вѣдь хорошо сдѣланная первая перевязка много значитъ въ дальнѣйшемъ ходѣ выздоровленія. Перевязочные пункты

находятся всегда въ сферѣ огня, такъ какъ современные орудія и новыя ружья быють очень далеко, да японцы обращаютъ мало вниманія и на флаги Краснаго Креста, часто, впрочемъ, не зная, гдѣ они находятся. Я разъ часа два просидѣлъ на перевязочномъ пунктѣ, записывая имена, фамиліи и другія данныя о перевязываемыхъ, давъ возможность на это время медицинскому персоналу заниматься перевязкою раненыхъ. Почему бы не сдѣлать такъ, чтобы каждый солдатъ постоянно носилъ при себѣ какой-нибудь билетикъ или карточку со всѣми этими свѣдѣніями, и тогда на перевязочныхъ пунктахъ можно было бы, безъ всякихъ вопросовъ и записываній, просто отбирать такія карточки. Доктора и фельдшера, работающіе на перевязочныхъ пунктахъ, заслуживаютъ всякой похвалы; очень хороши наши фельдшера: они прямо артистически дѣлають перевязки. То же можно сказать и про работающихъ въ госпиталяхъ, гдѣ работа идетъ непрерывно и днемъ и ночью.

Незамѣнимы также учрежденія Краснаго Креста. Летучіе отряды Краснаго Креста

много служатъ дѣлу подачи первоначальной помощи раненымъ. Много пользы приписать также и другіе отряды, хотя изъ того, что мнѣ пришлось видѣть, я долженъ отдать предпочтеніе дѣятельности Краснаго Креста. По поводу метучихъ отрядовъ слѣдуетъ отмѣтить тотъ странный фактъ, что во время боевъ имъ приходится самимъ выбирать мѣста дѣятельности и они идутъ туда, гдѣ, какъ имъ кажется, больше нужна ихъ помощь. Это происходитъ отъ того, что они никакъ не могутъ добиться отъ военно-медицинскаго начальства указаній, гдѣ ихъ присутствіе можетъ быть болѣе полезно: это я приписываю неумѣстному соревнованію.

Что мнѣ сказать о сестрахъ милосердія?

Вопросъ этотъ очень щекотливый: меня могутъ принять за женоненавистника, могутъ заподозрить въ предубѣжденіи, если я отзовусь о нихъ не особенно лестно, а между тѣмъ, говоря исключительно одно хорошее, я буду далекъ отъ истины. Совершенно вѣрно, что ласка женщины успокоительно дѣйствуетъ на расходившіеся нервы раненыхъ, что женщина вообще прекрасная сидѣлка и что раненые съ до-

вѣрїемъ обращаются къ сестрамъ милосердія, чувствуя въ нихъ участливое къ себѣ отношеніе, что эта польза ихъ несоцѣнима, что большинство сестеръ преданы своему дѣлу всей душой. Объ этомъ уже много писалось и говорилось и добавлять или убавлять здѣсь что-либо нѣтъ надобности. Но есть другая сторона, о которой не каждый захочетъ говорить. Присутствіе женщинъ на передовыхъ позиціяхъ имѣетъ свои большія отрицательныя стороны; я не стану здѣсь распространяться о нихъ, а скажу лишь одно, что сестеръ милосердія должно держать исключительно въ санитарно-медицинскихъ учрежденіяхъ, находящихся въ тылу, а отнюдь не въ передовой арміи. Я убѣжденъ, что, какъ только будетъ установленъ этотъ порядокъ, нѣкоторое число «сестрицъ» оставитъ свое новое призваніе и возвратится на родину къ прежнимъ занятіямъ, и отъ этого институтъ сестеръ милосердія только выиграетъ и оздоровѣетъ. Одна изъ сестеръ, оставшихся въ Мукденѣ при занятіи его японцами, передавала, что, когда она попросила японскаго уполномоченнаго Крас-

наго Креста дать ей возможность познакомиться съ японскими сестрами милосердія, онъ ей отвѣтилъ: «въ передовыхъ частяхъ у насъ нѣтъ другихъ женщинъ, кромѣ публичныхъ, наши жены, наши сестры милосердія далеко въ тылу дѣлають свое дѣло».

Въ нашей арміи, наоборотъ, сестры милосердія—въ передовыхъ частяхъ, а публичныя женщины—въ тылу.

Говори о персоналѣ Краснаго Креста, оставшемся въ Мукденѣ, не могу не замѣтить слѣдующаго обстоятельства. Въ Мукденѣ осталось около 500 нашихъ раненыхъ, которыхъ мы не успѣли вывезти, и около 400 раненыхъ японцевъ. Для подачи помощи этой тысячѣ раненыхъ осталось нѣсколько десятковъ санитаровъ, чуть ли не 10—15 докторовъ, еще больше сестеръ милосердія, и съ ними главноуполномоченный Краснаго Креста Гучковъ и его помощникъ графъ Олсуфьевъ. Я спрашиваю, нужно ли было, для 500 своихъ раненыхъ, оставаться здѣсь всему этому персоналу, во главѣ съ главноуполномоченнымъ? Вѣдь, кромѣ нихъ, у насъ было 60 слишкомъ

тысячъ раненыхъ, которыхъ главноуполномоченный бросилъ. Я понимаю еще, если бы медицинскій персоналъ не захотѣлъ остаться, то поступокъ г. Гучкова, какъ примѣръ другимъ (но во всякомъ случаѣ безъ своего помощника), имѣлъ бы смыслъ, но вѣдь желающихъ остаться было такъ много, что въ примѣрѣ главноуполномоченнаго вовсе не имѣлось надобности и ему совершенно незачѣмъ было бросать находящееся на его попеченіи цѣлое учрежденіе, съ десятками тысячъ раненыхъ.

Между нашими сестрами милосердія есть много, какъ ихъ здѣсь называютъ, «маргариновыхъ сестеръ». Это—жены разныхъ чиновъ арміи, записавшіяся въ сестры милосердія, чтобы быть ближе къ своимъ мужьямъ. Эти сестры-жены, не приносящія никакой пользы дѣлу подачи помощи раненымъ, приносятъ своимъ присутствіемъ въ арміи большой вредъ. Во время затишья молодые офицеры ухаживаютъ за женами своихъ начальниковъ, мужья ревнуютъ, нервничаютъ, а офицеры пренебрегаютъ своимъ дѣломъ. Во время сраженій жены тревожатся за своихъ мужей, мужья за женъ,

но нѣсколько разъ въ день посылаются парочные съ записками о здоровьѣ — и, разумѣется, отъ всѣхъ этихъ тревогъ и безпокойствъ, дѣло службы ничего не выигрываетъ. Кромѣ того, этихъ женъ нужно устраивать, давать имъ помѣщенія, вагоны, когда и такъ всѣ страдаютъ отъ отсутствія помѣщеній. Особено затруднительно все это при постоянныхъ передвиженіяхъ арміи. Я знаю случаи, когда люди стояли передъ дилеммой: или отправить нѣсколькихъ женъ высшихъ офицеровъ, или известное число раненыхъ, и въ двухъ предпочтеніе было дано не раненымъ. Вспомните вышеприведенныя послѣдствія отправки обозовъ на Телинъ на 16 часовъ позже! Я убѣжденъ, что присутствіе въ осажденномъ Портъ-Артурѣ женъ пачальниковъ не осталось безъ вліянія въ дѣлѣ преждевременной сдачи этой крѣпости.

Непремѣнно нужно поставить условіемъ, чтобы сестры милосердія, имѣющія мужей на войнѣ, покинули бы театръ войны, и вообще доступъ женамъ не долженъ быть разрѣшаемъ даже на короткій срокъ.

Передъ мной отъѣздомъ изъ Петербурга, А. С. Суворинъ просилъ меня разузнать о дѣятельности главноуполномоченнаго Краснаго Креста Александровскаго. Въ то время о немъ вездѣ говорили и его дѣйствія ставили въ связь съ прекращеніемъ прилива пожертвованій Красному Кресту, столь щедро притекавшихъ въ началѣ войны. Но, къ сожалѣнію, по пріѣздѣ на мѣсто, я не засталъ тамъ г. Александровскаго и не могъ съ нимъ поговорить по этому поводу. Я всегда держусь принципа *audiat et altera pars*. Изъ тѣхъ данныхъ, которыя мнѣ удалось получить о санитарныхъ организаціяхъ, и изъ сравненія расходовъ, произведенныхъ Краснымъ Крестомъ на театрѣ войны въ бытность главноуполномоченнымъ Александровскаго, съ подобными же расходами, сдѣланными другими учрежденіями, я пришелъ къ тому заключенію, что никакихъ особенныхъ злоупотребленій въ Красномъ Крестѣ не существуетъ. Даже, наоборотъ, нѣкоторые расходы другихъ санитарныхъ организацій многимъ превышаютъ таковыя же Краснаго Креста. Напримѣръ, содержаніе медицинскаго пер-

сонала, исключая санитаровъ, обходится Красному Кресту около одного рубля въ день на человѣка, считая въ томъ числѣ утренній чай съ хлѣбомъ и масломъ, обѣдъ изъ двухъ-трехъ блюдъ, вечерній чай, ужинъ изъ одного блюда и нѣкоторые другіе дополнительные расходы; содержаніе санитаровъ — около 50 коп. въ сутки. При той дороговизнѣ продуктовъ, которая существуетъ въ настоящее время въ Манчжуріи, эти расходы не высоки. Красный Крестъ купилъ лошадей, въ среднемъ, по 77—81 руб., муловъ по 106 руб., летучіе отряды приобрѣли лошадей, въ среднемъ, по 81—93 руб., тогда какъ военное вѣдомство платило за нихъ по 100 и болѣе рублей. Одна перевязка, въ среднемъ, стоила Красному Кресту отъ 8 до 12 руб., военному вѣдомству — 15 до 18 руб. Насколько мнѣ помнится, въ вину Александровскому ставилось то обстоятельство, что онъ не представилъ своевременно отчета, т. е. не выполнилъ формальной стороны дѣла. Но извольте систематично составлять такой отчетъ съ ограниченнымъ канцелярскимъ персоналомъ. Этотъ отчетъ, если относиться добросо-

вѣстно къ его составленію, отнимаетъ у главноуполномоченнаго не менѣе 10—15 дней въ мѣсяцъ. Что же остается: заниматься ли исполненіемъ формальности, или живымъ дѣломъ? Здѣсь, на театрѣ войны, подобные отчеты являются «филькиной грамотой». Лошади, продукты, разные предметы пріобрѣтаются здѣсь у китайцевъ. По формѣ отчетности требуется, чтобы при отчетѣ были приложены оправдательные документы, т. е. въ данномъ случаѣ росписки китайцевъ. Выработанъ даже образецъ такой росписки. Но что могутъ значить подобныя росписки, содержаніе которыхъ совершенно непонятно китайцамъ, такъ какъ онѣ пишутся, разумѣется, на русскомъ языкѣ. Что разберутъ лица, провѣряющія отчетъ, въ тѣхъ іероглифахъ, которые чертятъ на этихъ роспискахъ китайцы. Чтобы не возиться съ каждымъ продавцомъ въ отдѣльности, въ Манчжуріи вошло въ систему, и не только въ Красномъ Крестѣ, но и въ другихъ учрежденіяхъ, давать подписывать китайцамъ-переводчикамъ по нѣскольку росписокъ заразъ, такъ сказать оптомъ,—все равно,

молъ, кто будетъ ставить іероглифы. Если этого рода оправдательнаго документа при отчетѣ нѣтъ, значить налицо мошенничество, а если есть—все обстоитъ благополучно. Какая же можетъ быть цѣна отчетамъ съ подобными оправдательными документами? Не лучше ли ограничиться тѣмъ, что завѣдующій долженъ просто заносить въ отчетъ предметъ расхода и израсходованную сумму? Сущность дѣла отъ этого не измѣнится, но зато работы будетъ многимъ меньше, и время, которое сейчасъ идетъ на составленіе отчетовъ, будетъ употреблено на другія, болѣе важныя дѣла. Что же касается распорядительности г. Александровскаго, то можно сказать, что онъ—энергичный и знающій дѣло человекъ и что его уходъ былъ ощутителенъ въ этомъ смыслѣ для учрежденій Краснаго Креста. Недаромъ пригласилъ его генералъ Куропаткинъ на мѣсто начальника санитарной части первой арміи. Александровскій руководилъ санитарной организаціей первой арміи во время мукденскихъ боевъ и, благодаря его распорядительности, всѣ раненые были вывезе-

ны, не осталось ни одной фуры, ни одной повозки. Генералъ Линевичъ просилъ его непременно возвратиться, признавая его полезную работу.

Мнѣ кажется, дѣло не въ злоупотребленіяхъ на театрѣ войны, а въ извѣстныхъ партійныхъ счетахъ, которые заслоняютъ собою дѣйствительно полезную дѣятельность. И, если уже искать причину уменьшенія пожертвованій, то, прежде всего, именно эта-то партійность и печальныя исторіи въ Красномъ Крестѣ, въ мирное время, не позволяютъ жертвователямъ вѣрить въ руководителей его.

Санитарные поѣзда хорошо оборудованы, съ прекраснымъ персоналомъ. Они очень много приносятъ пользы при эвакуаціи раненыхъ. Но число ихъ очень недостаточно и, во время боевъ, раненыхъ, большею частью, приходится вывозить въ товарныхъ вагонахъ, которые, за недостаткомъ мѣста, бываютъ буквально переполнены ими.

Хорошія перевозочныя средства по грунтовымъ дорогамъ представляютъ финляндскія двуколки и выючныя двуконныя носилки.

XIII.

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА И ОСТАВЛЕНІЕ МУКДЕНА.

Громадное значеніе въ настоящей русско-японской войнѣ имѣетъ Китайская Восточная желѣзная дорога. Она и вообще вся Сибирская дорога являются единственными комунікаціонными линіями для болѣе чѣмъ полумилліонной арміи, тогда какъ, по нормѣ, одна желѣзная дорога требуется чуть ли не на каждый корпусъ. Работа Китайской Восточной жел. дороги успливалась еще и тѣмъ, что нужно было перевозить не только войска и воинскіе грузы, прибывающіе изъ Россіи, но и всякаго рода припасы, топливо для арміи, лѣсные и другіе матеріалы, пріобрѣтенные и добытые на мѣстѣ. Во время боевъ она должна была

подвозить снаряды, вывозить раненыхъ и, почти ежедневно, передвигать войска. Надо удивляться, какъ она могла справиться съ такой трудной задачей, при тѣхъ средствахъ, которыя имѣлись въ ея распоряженіи, при той пропускной способности, къ которой она была приготовлена. То же можно сказать и про Сибирскую дорогу.

Когда, передъ войною, генералъ Хорватъ принялъ Китайскую дорогу, постройка ея была далеко не окончена—по смѣтѣ предполагалось еще израсходовать болѣе 40 милліоновъ рублей на строительныя нужды. Съ каждымъ днемъ движеніе все увеличивалось, а суммы для приведенія дороги въ надлежащій видъ не отпускались (въ послѣдніе мѣсяцы передъ войной обороты по движенію выражались въ очень большихъ цифрахъ, чуть ли не до двухъ милліоновъ руб. въ мѣсяць).

Война застала дорогу неподготовленной къ той огромной работѣ, которая ей предстояла съ началомъ военныхъ дѣйствій. Необходимо было возможно скорѣе увеличить число разъѣздовъ, расширить станціи, устроить дополнительное водоснабже-

ніе п много другихъ приспособленій. Энергично взялась дорога за эти работы, и, благодаря усиленной дѣятельности генерала Хорвата, его помощника, кн. Хилкова, (начальника ремонта) и всего желѣзнодорожнаго персонала, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выполнила эту трудную задачу. Помимо всего другого, для такого усиленнаго движенія недоставало топлива. Пришлось открыть новыя каменноугольныя шахты. Хорошіе рудники были въ районѣ станціи Лянтай. Но, послѣ Лаоянскаго боя, они остались въ рукахъ японцевъ. Кромѣ нихъ, годный уголь имѣлся еще въ Фушунскихъ копяхъ, издавна разрабатываемыхъ китайцами: это, пожалуй, самыя старыя копи въ мірѣ. Но онѣ находились въ сорока верстахъ отъ желѣзной дороги, поэтому нужно было строить вѣтку. Средствъ на это не отпускалось, да и не было разрѣшенія отъ китайскихъ властей. Тогда генералъ Хорватъ, на собственный рискъ и страхъ, построилъ эту вѣтку, и она сыграла большую роль во время нашего стоянія въ районѣ Мукдена. Кромѣ того, такъ какъ агенты дороги были зна-

комы съ мѣстными условіями, имъ поручались разныя операціи по закупкѣ продовольственныхъ припасовъ, что и выполняли они своевременно и аккуратно. Служащіе, занимавшіе прежде помѣщенія въ 2, 3 и болѣе комнатъ, во время военныхъ дѣйствій, помѣщались съ семьями въ одной, а всѣ многочисленные дома и другія постройки по всей линіи были уступлены подъ госпитали, лазареты и другія военныя учрежденія, что оказало громадную пользу дѣлу. Только, благодаря энергичной, самоотверженной работѣ всѣхъ агентовъ дороги, одушевленныхъ желаніемъ принести посильную помощь родинѣ, эта дорога смогла выполнить выпавшую на ея долю трудную задачу. Только этой самоотверженной дѣятельностью всего желѣзнодорожнаго персонала и можно объяснить, что несчастные случаи были очень рѣдки. То же самое слѣдуетъ сказать и о дѣятельности всѣхъ агентовъ Сибирской желѣзной дороги.

Всѣ работы по усиленію провозоспособности дороги и ея эксплуатаціи производились при одновременномъ существо-

ваніи трехъ начальниковъ: начальника желѣзнодорожнаго управленія при намѣстникѣ, начальника передвиженія войскъ при командующемъ арміею и начальника тыла. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ самостоятельно, издавалъ свои распоряженія, заводилъ свои порядки, — и въ общемъ получалась только путаница, мѣшающая желѣзнодорожному персоналу дѣлать свое дѣло. Это тяжелое положеніе не измѣнилось и послѣ отозванія намѣстника съ театра войны, пожалуй, напротивъ, съ его уходомъ оно сдѣлалось еще хуже. Генералъ Нидермиллеръ, бывшій при намѣстникѣ начальникомъ желѣзнодорожнаго управленія, былъ сговорчивымъ и тактичнымъ человекомъ, тогда какъ его замѣститель не отличался такими качествами. Каково, при наличности всѣхъ этихъ начальниковъ, было положеніе начальника дороги, на которомъ, въ сущности, лежитъ вся отвѣтственность, ибо эти распорядители никакой отвѣтственности не несутъ. Распоряженія начальника дороги отмѣняются, иногда даже гласными приказами, желѣзнодорожные агенты не знаютъ, кому

подчиняться, кого слушать — и все это страшно вредно отзывается на дѣлѣ.

Главное, эти посторонніе начальники часто были вовсе некомпетентны въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Да и нельзя требовать отъ нихъ желѣзнодорожныхъ знаній, такъ какъ умѣніе руководить движеніемъ и вообще управлять сложнымъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ пріобрѣтается лишь путемъ долгой практики, путемъ детальнаго знакомства со всѣми винтиками желѣзнодорожнаго механизма. При такихъ условіяхъ, тѣмъ обязательнѣе тактъ и осторожность должны были быть руководящими принципами. Нетактичность, придирчивость, часто даже въ приказахъ и бумагахъ, этихъ военныхъ, завѣдующихъ желѣзною дорогою, доводили желѣзнодорожный персоналъ до того, что многіе готовы были все бросить и уѣхать. Мнѣ не разъ доводилось слышать, какъ служащіе желѣзной дороги съ грустью говорили, что за всѣ свои труды, за свою работу, буквально безъ сна и отдыха, они получаютъ лишь оскорбленія. Я немного знаю генерала Хорвата. Это знающій дѣло, замѣча-

тельно тактичный, самолюбивый человекъ. Надо было глубоко сознавать свою отвѣтственность, свой долгъ передъ родиною, свою обязанность выполнить этотъ долгъ, каковы бы ни были условія, чтобы работать въ той обстановкѣ, которая его окружала. То же можно сказать и про остальную желѣзнодорожный персоналъ.

Это были положительно мученики, не знавшіе отдыха, ни днемъ, ни ночью. Сколько труда выпадало на ихъ долю при нашихъ отступленіяхъ,—а вѣдь мы только это и дѣлали!.. Сколько самоотверженія проявили они въ своей работѣ!.. Телеграфисты послѣдніе оставляли станціи: когда японцы доходили до одного семафора*), они были у другого, унося на своихъ плечахъ телеграфные аппараты. Подъ пулями исправляли они телеграфъ. Подъ орудійные и ружейные выстрѣлы выводились поѣзда... а вѣдь это вольнонаемные служащіе, вовсе не обязанные рисковать своей жизнью... Все это дѣлалось по чувству долга, изъ жела-

*) Семафоръ находится отъ станціи въ 150-ти саженьяхъ.

ній принести посильную пользу родинѣ. И за эту самоотверженную, мученическую работу они не получали ничего, кромѣ ругани, ни слова благодарности, ни слова участія не приходилось имъ слышать отъ высшпхъ начальниковъ... Кто только ихъ не ругалъ!.. Даже, послѣ знаменитаго наступленія и боя на Шахѣ, главнокомандующій издалъ приказъ, въ которомъ благодарилъ всѣхъ участниковъ дѣла, но о желѣзнодорожныхъ служащихъ въ немъ не было упомянуто ни слова. Только послѣ того, какъ министръ финансовъ, въ вѣдѣніи котораго находится Китайская Восточная дорога, по телеграфу запросилъ главнокомандующаго о работѣ желѣзнодорожнаго персонала, генералъ Куропаткинъ вспомнилъ о немъ и телеграфировалъ, что «не можетъ быть двухъ мнѣній объ его въ высшей степени полезной, эпергичной дѣятельности». Главнокомандующій, за множествомъ обязанностей, могъ, скажемъ, забыть о желѣзнодорожныхъ служащихъ, но такая забывчивость совсѣмъ непростительна начальнику военныхъ сообщеній, — она можетъ быть истолкована желаніемъ умалить полезность желѣзнодорожнаго пер-

сонала и этимъ увеличить достоинство якобы руководителей военныхъ сообщеній. Въ приказѣ по дорогѣ генерала Хорвата, послѣ сообщеннаго министромъ финансовъ отвѣта генерала Куропаткина, съ ноткой горечи говорится: «Мы работаемъ не для похвалъ, а чтобы принести помощь Царю и родинѣ въ минуту испытаній». Такое отношеніе начальства военныхъ сообщеній къ агентамъ дороги едва ли могло служить къ поощренію и развитію энергіи, столь необходимой въ такое тяжелое, трудное время. И, если желѣзнодорожный персоналъ успѣшно выполнилъ вынавшую на его долю задачу, то только благодаря тому чувству гражданственности, тому сознанію долга передъ отчизной, которыми онъ былъ проникнутъ.

Бывая часто на станціи, я видѣлъ, какъ работали желѣзнодорожный персоналъ. Завѣдывающихъ отдѣлами движенія гг. Славута и Агіева я всегда находилъ въ наполненной табачнымъ дымомъ и со спертымъ воздухомъ телеграфной комнатѣ сидящими за аппаратами и дающими распоряженія по линіи. Такъ бывало и днемъ

и ночью. Я положительно недоумѣвалъ, когда эти люди отдыхаютъ, когда ѣдятъ и спятъ. Казалось, они никогда не отходить отъ телеграфныхъ аппаратовъ.

И за такую работу эти люди не могли рассчитывать получить даже простую благодарность въ приказѣ по войскамъ.

Я не буду оспаривать того положенія, что въ военное время военныя власти должны быть причастны къ желѣзнымъ дорогамъ, находящимся въ районѣ военныхъ дѣйствій. Мнѣ кажется, они должны имѣть постоянное наблюденіе за желѣзнодорожнымъ движеніемъ и желѣзными дорогами, а въ настоящей войнѣ не только надъ желѣзной дорогой, проходящей на театрѣ войны, но и надъ всей Сибирской магистралю, являющимися единственными коммуникаціонными линиями и питательными артеріями для арміи. Но это наблюденіе должно быть организовано цѣлесообразно. Мнѣ думается, что лучше бы всю Сибирскую и Китайскую желѣзныя дороги поручить вѣдѣнію одного лица, но съ тѣмъ, чтобы оно не вмѣшивалось въ распоряженія, касающіяся непосредственно внутренняго

распорядка дороги, такъ какъ всякое постоянное вмѣшательство вноситъ только путаницу въ сложное дѣло желѣзнодорожнаго управленія. Это лицо должно бы ограничиться предъявленіемъ извѣстныхъ требованій желѣзнодорожному персоналу и наблюденіемъ за точнымъ исполненіемъ этихъ требованій. Для этого оно должно быть снабжено большими полномочіями. Теперь начальниковъ много. Одинъ на Сибирской жел. дорогѣ, другой—въ тылу арміи, Харбинѣ, и третій—въ передовой арміи. Къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить вмѣшательство управленія по передвиженію войскъ при Главномъ штабѣ. Дѣятельность ихъ ничѣмъ не объединена и ихъ распоряженія зачастую противорѣчатъ одно другому. Чего же можно ожидать отъ такого порядка?..

Мнѣ хорошо памятенъ вечеръ 24-го февраля, когда послѣдовало распоряженіе объ отступленіи. На станціи Мукденъ оставалось еще много раненыхъ, тамъ находились снаряды, осадная артиллерія и не мало другихъ матеріаловъ, которые необходимо было, во что бы то ни стало, вывезти. Нужно

было успѣть убрать также и весь подвижной составъ. Завѣдующій отдѣленіемъ движенія, г. Славута, призываетъ всѣхъ машинистовъ. Являются они усталые, черные отъ насѣвшей на нихъ грязи и пыли, должно быть уже не отмываемой въ теченіе нѣсколькихъ дней. Г. Славута говоритъ имъ о предстоящей трудной работѣ. «Господа, приказано отступать. На станціи много раненыхъ нашихъ братьевъ, пролившихъ свою кровь за нашу дорогую родину, много разныхъ матеріаловъ, которыхъ нельзя оставить. Все это необходимо вывезти до утра, такъ какъ завтра станція будетъ уже въ рукахъ непріятеля. Придется пускать поѣзда чуть ли не каждыя двѣ-три минуты. Путь отступленія обстрѣливается непріятельскимъ огнемъ, который нѣкоторые изъ васъ испытали на себѣ. Значитъ, нужно двигаться безъ освѣщенія. Вамъ предстоитъ трудная и отвѣтственная задача. Помните, что если произойдетъ столкновеніе, наше дѣло проиграно: движеніе остановится, и тогда наши братья раненые и всѣ матеріалы, столь намъ необходимые, достанутся непріятелю—вооб-

ще, нарушится весь порядокъ отступленія». И машинисты въ одинъ голосъ отвѣтили ему, что они хорошо понимаютъ лежащую на нихъ отвѣтственность и сдѣлають все возможное, чтобы избѣжать несчастья.

Наполненные ранеными, двинулись поѣзда одинъ за другимъ, каждый изъ 40—50 вагоновъ. Машинисты должны были до боли напрягать зрѣніе, высовываться всѣмъ тѣломъ изъ будки, чтобы разглядѣть что-нибудь въ темнотѣ и не натолкнуться на идущій впереди поѣздъ. Къ утру все было благополучно вывезено. Послѣдній поѣздъ вышелъ изъ Мукдена въ шестомъ часу утра... Нѣсколько сотъ тяжело раненыхъ пришлось оставить въ Мукденѣ.

Ужасна была картина оставленія Мукдена.

Громадное зарево — горять интендантскіе склады, склады гаоляна, дровъ, лѣсныхъ матеріаловъ, и милліоны искръ высоко поднимаются въ тихую, безъ малѣйшаго вѣтерка, ночь. Воздухъ наполненъ горящими частицами, которыя, освѣщенные заревомъ, кажутся громаднымъ роємъ

какихъ-то движущихся наѣжкомыхъ. Мѣшки съ мукою отъ сильнаго жара лопаются и столбы мельчайшей огненной пыли вскидываются въ воздухъ, подобно необычному фейерверку... Зрѣлище величественное, необыкновенно красивое, но страшное... Площадь станціи и все вокругъ ярко освѣщено. По площади тянется вереница носилокъ съ ранеными—нѣкоторые изъ нихъ покрыты съ головою одѣялами, изъ-подъ которыхъ раздаются мучительные стоны—имъ все равно, что дѣлается вокругъ, они не замѣчаютъ ни этого ужаснаго свѣта зарева, ни темноты ночи: для нихъ все темно вокругъ отъ ужасной боли... Между носилками видны люди, торопливо бѣгущіе на вокзалъ, кто съ чемоданомъ, кто съ какимъ-нибудь узломъ; всякій хочетъ возможно больше увезти изъ своего добра. Но на станціи для нихъ наступаетъ разочарованіе, и хорошо еще, если самимъ удастся сѣсть въ поѣздъ. А тамъ дальше, около склада подарковъ, собранныхъ со всей Россіи на праздники, копошатся солдатики, выбирая разные вещи. Одни снимаютъ старые валенки, чтобы замѣнить

ихъ новыми сапогами, другіе на морозѣ переодѣваютъ бѣлье.

И все это освѣщено гигантскимъ краснымъ заревомъ.

А еще дальше — купецъ, отступающій вмѣстѣ съ войсками, не будучи въ состояніи забрать всѣ свои товары, раздаетъ ихъ солдатамъ, чтобы они не попали въ руки врага. Цѣлая толпа солдатъ окружаетъ лавку. Получившій что-нибудь быстро отходить прочь — кто несетъ бутылку коньяку, кто рому, припасенныхъ купцомъ, чтобы сбыть ихъ за дорогую цѣну офицерамъ. Нѣкоторые по дорогѣ откупориваютъ бутылки и на ходу пьютъ...

И все это освѣщаетъ гигантскій костеръ...

На станціи ужасная суматоха. Всякій старается попасть въ ближайшій поѣздъ, боясь остаться безъ мѣста. Никто уже не думаетъ о своихъ вещахъ, заботясь лишь о самомъ себѣ. Платформа переполнена разной рухлядью, привезенной было для отправки, но оставленной за недостаткомъ мѣста. Прибываютъ посылки съ ранеными, которые осторожно грузятся въ вагоны. А вотъ, въ сторонѣ, желѣзнодорожный

служащій стоитъ передъ домомъ, гдѣ жилъ онъ нѣсколько лѣтъ, гдѣ съ такой любовью онъ устранивалъ свой уголь, и ему грустно все это оставлять непріятелю...

Одинъ за другимъ, съ длинными веренищами вагоновъ, отходятъ поѣзда на съверъ...

Вотъ уже послѣдній поѣздъ готовъ къ отправленію. Остающійся въ Мукденѣ медицинскій персоналъ собрался на вокзалѣ, чтобы проводить послѣднихъ защитниковъ бывшаго здѣсь русскаго владычества, Вотъ дастъ, лишь на время потеряннаго нами. Поѣздъ тронулся, слышались послѣднія привѣтствія отъѣзжающимъ... вдругъ раздался оглушительный выстрѣлъ,—какъ бы салютъ этому послѣднему отходящему поѣзду,—это взорвало ящики со снарядами. А тамъ, вдалекѣ, слышатся другіе выстрѣлы, замолкшіе было на время ночного отдыха, чтобы съ зарею вновь начать свое ужасное дѣло... Два народа истребляютъ другъ друга за обладаніе этими, теперь уже разоренными мѣстами... Кому изъ нихъ придется уничтожать здѣсь слѣды разоренія и насаждать другую, новую культуру?..

Подъ только что начавшійся грохотъ орудій двухъ армій двигается биткомъ набитый здоровыми и ранеными людьми послѣдній поѣздъ изъ Мукдена.

На крышахъ вагоновъ вплотную сидятъ желѣзнодорожные служащіе, послѣдними оставляющіе Мукденъ, гдѣ они были первыми піонерами русской культуры. Имъ грустно, жаль и стыдно покидать въ чужія руки съ такой любовью начатое дѣло...

Необыкновенной величины факель освѣщаетъ имъ путь отступленія... Уже блѣдный свѣтъ зари восходящаго солнца борется съ краснымъ свѣтомъ этого факела изъ добытыхъ, въ потѣ лица, тяжелымъ трудомъ русскаго народа, милліоновъ...

XIV.

ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА.

Военная цензура сосредоточена при штабѣ главнокомандующаго; въ отдѣльныхъ арміяхъ цензурныхъ учрежденій нѣтъ, такъ что всѣ телеграфныя извѣстія русскихъ и всѣ безъ исключенія корреспонденціи иностранныхъ корреспондентовъ разрѣшаются цензурою при главнокомандующемъ. Такимъ образомъ, каждое телеграфное извѣстіе, отправляемое съ какой-нибудь телеграфной станціи передовыхъ позицій, прежде, чѣмъ идти по назначенію, должно пройти черезъ цензуру, а отсюда опять на телеграфъ для отправленія по адресу. Такой порядокъ затрудняетъ и задерживаетъ своевременное доставленіе кор-

респонденціи. Только корреспонденціи изъ Харбина разрѣшаются цензурою начальника тыла арміи. Завѣдываніе цензурою главнокомандующаго возложено на полковника генеральнаго штаба Е. Ф. Пестича. Ничего, кромѣ хорошаго, я не могу сказать объ этомъ въ высшей степени тактичномъ, преисполненномъ чувства долга офицерѣ. Лично онъ на роль печати смотритъ гораздо шире и правильнѣе, чѣмъ его начальство—штабъ главнокомандующаго, во главѣ съ генераломъ Сахаровымъ, считающимъ печать неизбѣжнымъ зломъ, которое приходится терпѣть въ арміи лишь вслѣдствіе яко бы твердо укоренившагося превратнаго мнѣнія о пользѣ печати. Генералъ Сахаровъ считаетъ, что корреспонденты для того только и пахотятся на театрѣ войны, чтобы шпионить и доносить о всемъ происходящемъ въ арміи; поэтому, по его мнѣнію, нужно возможно строже относиться ко всемъ корреспондентамъ. Полковнику Пестичу нельзя было, разумѣется, не считаться со взглядами своего начальника, поэтому онъ зачастую находился въ самомъ тяжеломъ положеніи. Мнѣніе

главнокомандующаго о печати противоположно мѣнѣю начальника его штаба, но главнокомандующій, вѣчно занятый дѣлами, былъ мало доступенъ для цензоровъ, поэтому въ цензурѣ доминировалъ взглядъ начальника штаба. Генералъ Сахаровъ не хотѣлъ понять, что общество желаетъ и имѣетъ всѣ права быть въ курсѣ дѣлъ, происходящихъ на театрѣ войны, что его интересуетъ каждый, даже самый незначительный, шагъ нашихъ войскъ, что оно должно знать какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны постановки и организаціи всѣхъ военныхъ и связанныхъ съ ними учрежденій. Вѣдь тамъ, вдали отъ родины, тысячами гибнутъ не чужіе люди, льется кровь того же русскаго общества, тамъ умираютъ его дѣти, сыновья, его братья, на его средства ведется и самая война... такъ развѣ оно не въ правѣ знать, что дѣлается съ близкими ему людьми, какъ расходуются его средства?.. Начальникъ штаба забывалъ, что, по его краткимъ и сухимъ сообщеніямъ, русское общество не могло имѣть никакого представленія о ходѣ войны и положе-

нин нашей арміи и что только печать, черезъ своихъ корреспондентовъ, являлась связью между обществомъ и всѣми находящимися на войнѣ. Только эти корреспонденты сообщали русскому народу, какъ храбро борются и умираютъ за честь и славу Россіи его отцы, сыновья и братья, въ какихъ условіяхъ они живутъ, въ чемъ нуждаются...

Правда, не всѣ корреспонденты находились на высотѣ своего положенія, въ смыслѣ безпристрастнаго освѣщенія событій. У многихъ была сильная тенденція представлять все въ отрицательномъ освѣщеніи, можетъ быть, въ силу вообще присущаго русской интеллигенціи стремленія къ самоосужденію. Мнѣ сейчасъ вспомнился разговоръ съ однимъ корреспондентомъ:

— Почему,—спрашиваю я,—вы не общаете объ этомъ фактѣ?

— Видите ли, я принадлежу къ либеральной партіи, поэтому не могу сообщить этого факта, чтобы не возбудить оптимистическаго настроенія въ обществѣ; вы—другое дѣло, вамъ можно.

— Позвольте, — начинаю и уже съ негодованіемъ, значить, если я сообщаю положительный фактъ, который долженъ порадовать русскихъ людей, близкіе и родные которыхъ проливаютъ здѣсь кровь, то этимъ доказываю свою ретроградность: развѣ сообщать правду значить быть ретроградомъ? Я считаю своимъ долгомъ, наряду съ отрицательными фактами, — скрытіе которыхъ, по моему, есть также преступленіе, — сообщать и положительные. Этимъ я ничуть не умаляю свои свободомышленныя воззрѣнія...

Положеніе корреспондента на войнѣ не легко. Разнаго рода учрежденія и лица обо всѣхъ тамъ заботятся, всѣхъ тамъ устраиваютъ, но никто не подумалъ хоть сколько-нибудь облегчить корреспондентамъ ихъ трудную задачу. Не говоря уже о томъ, что корреспондентъ зачастую не знаетъ, гдѣ укрыть свою голову, такъ какъ всѣ помѣщенія заняты подъ военныя и другія нужды, не находитъ чѣмъ утолить свой голодъ, — онъ ни въ комъ не встрѣчаетъ стремленія познакомить его съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ. А вѣдь сколько упре-

ковъ приходится выслушивать корреспонденту за каждое невѣрное сообщеніе,—но постарался ли хоть кто-нибудь помочь корреспонденту провѣрить тѣ свѣдѣнія, которыя онъ почерпнулъ на сторонѣ. Я обращался къ главнокомандующему съ просьбой учредить такое бюро, гдѣ бы корреспонденты могли провѣрять свои свѣдѣнія. Было обѣщано учредить это бюро, но дѣло такъ и ограничилось одними обѣщаніями. Не мало лишеній приходится испытывать корреспонденту при своей дѣятельности. Въ обществѣ почему-то принято думать, что за корреспондентами ухаживаютъ. Я приведу случай, происшедшій со мной, который говоритъ далеко не въ пользу этого мнѣнія. Пріѣхалъ я разъ въ штабъ одной изъ армій (не буду называть, какой именно); на дворѣ ночь, морозъ около 15 градусовъ. Такъ какъ я, по натурѣ, вообще не люблю начальства, то обращаюсь къ начальнику этапа съ просьбой какъ-нибудь устроить меня на ночь, но онъ отказывается. Пришлось обратиться къ высшему начальству. Нахожу одного генерала:

— Пожалуйста, пристройте меня на ночь: на дворѣ холодно, лошадь моя устала и за позднимъ временемъ я едва ли могу добраться до другого мѣста...

— У меня вамъ негдѣ помѣститься: вотъ версты за три есть фанза, можетъ быть тамъ сможете устроиться,—отвѣчаетъ генералъ.

— Но вѣдь въ темнотѣ мнѣ одному трудно найти эту фанзу, да и къ тому же часовые могутъ принять меня за шпиона,—пытаюсь я привести послѣдній доводъ.

— Какъ хотите, такъ и поступайте...

Случайно встрѣтилъ знакомаго офицера, и онъ пригласилъ меня пить чай въ столовую. Я обрадовался, и мы было уже начали чаепитіе, какъ вдругъ моего знакомаго отозвали въ сторону. Онъ получилъ выговоръ за приглашеніе, и мнѣ пришлось снова очутиться на дворѣ. Вотъ что значитъ быть военнымъ корреспондентомъ!.. Куда же дѣвалось хваленое русское гостепріимство?.. Впрочемъ, можно ли назвать этихъ людей русскими?! Слѣшу оговориться, что такіе пріемы сравнительно рѣдки. Я убѣжденъ, что, узнай про этотъ случай ко-

мандующій той арміей, штабъ которой такъ непривѣтливо принялъ меня,—я знаю его, какъ самаго гостепріимнаго чловѣка,—онъ не похвалилъ бы своихъ подчиненныхъ.

Но, кромѣ лишній, пребываніе корреспондента на войнѣ сопряжено съ разными стѣсненіями. Разрѣшеніе на пребываніе вообще на театрѣ войны выдается штабомъ главнокомандующаго, при чемъ каждый разъ, когда корреспондентъ отправляется въ какую-нибудь армію, ему необходимо особое разрѣшительное свидѣтельство для пребыванія въ данной арміи. Такое свидѣтельство выдается тоже штабомъ главнокомандующаго. Но, независимо отъ этого, въ штабѣ данной арміи приходится брать новое разрѣшеніе на пребываніе въ определенной ея части (корпусѣ); въ штабѣ корпуса необходимо взять третье разрѣшеніе для пребыванія въ болѣе мелкой части и т. д... разрѣшеніе за разрѣшеніемъ... Сколько приходится тратить напрасно времени на полученіе этихъ разрѣшеній! Каждый разъ, когда корреспондентъ желаетъ направиться въ другую армію, онъ долженъ возвратиться въ главную квартиру, за новымъ разрѣше-

ніемъ. Не проще ли, вмѣсто всѣхъ этихъ отдѣльныхъ разрѣшеній, дать одно общее для всѣхъ армій, и пусть, на основаніи его, если уже это необходимо, отдѣльныя арміи выдаютъ дополнительныя разрѣшенія на пребываніе въ своихъ частяхъ.

Если строго придерживаться всѣхъ правилъ, которыя изданы для военной цензуры и руководства корреспондентовъ, то буквально ни о чемъ, кромѣ развѣ погоды, писать нельзя, да и о погодѣ надо писать осторожно, такъ, чтобы непріятель не зналъ, страдаютъ ли наши отъ холода или жары. Остается одно: повторять тѣ телеграммы, которыя посылаетъ главнокомандующій на Высочайшее Имя или въ Главный штабъ. Къ слову сказать, эти телеграммы дѣлаются извѣстными въ арміи лишь изъ телеграммъ петербургскихъ телеграфныхъ агентствъ. Зачѣмъ, спрашивается, нужны при такихъ условіяхъ корреспонденты на театрѣ войны? Понятно, придерживаться въ точности всѣхъ этихъ правилъ невозможно, и цензурѣ волей-неволей приходится отступать отъ нихъ, соображаясь съ обстоятельствами; но тогда, какой смыслъ

имѣтъ ихъ изданіе? Къ чему напрасно ставить цензора въ затруднительное положеніе? Какъ всегда, начальство, издавшее эти правила, ограничилось лишь ихъ изданіемъ, а исполненіе всецѣло предоставило подчиненнымъ, и если, въ силу необходимости, подчиненному приходится ихъ отчасти игнорировать, то вся отвѣтственность въ этомъ случаѣ падаетъ на него: произойди какое-нибудь недоразумѣніе, онъ одинъ окажется виновнымъ.

Кромѣ цензуры на театрѣ войны, существуетъ еще другая цензура—въ Петербургѣ при Главномъ штабѣ, которая какъ бы провѣряетъ первую, и безъ этой второй цензуры ни одна корреспонденція не можетъ быть напечатана. Казалось бы, разъ люди находятся на мѣстѣ, въ курсѣ дѣла, то имъ должно быть хорошо извѣстно, что можно и чего нельзя разрѣшить къ помѣщенію въ органахъ печати; казалось бы, вполне довольно одной мѣстной военной цензуры; но нѣтъ... ее контролируютъ и исправляютъ другія лица, находящіяся за 10 тысячъ верстъ на другомъ концѣ земного шара, мало знакомыя

съ положеніемъ дѣла, не знающія ни положительныхъ, ни отрицательныхъ сторонъ мѣстной военной жизни. Есть ли какой-нибудь смыслъ въ такомъ контролѣ, не является ли опъ явной несообразностью?..

Впрочемъ, недовѣріе является одной изъ типичныхъ чертъ нашего бюрократическаго строя. Надъ каждымъ учрежденіемъ у насъ есть другое, его контролирующее. Общество не довѣряетъ бюрократіи, а бюрократія не довѣряетъ ни обществу, ни самой себѣ. Только, вслѣдствіе этого недовѣрія, у насъ чувствуется такой недостатокъ въ истинно полезныхъ дѣятеляхъ на поприщѣ общественной и государственной жизни. Только недовѣріе является причиной того, что у насъ отсутствуютъ собственные талантливые люди. Мыслимо ли, чтобы въ государствѣ съ 150 милліоннымъ населеніемъ не было выдающихся людей?.. И они есть, но общее недовѣріе не позволяетъ имъ проявлять своихъ природныхъ и пріобрѣтенныхъ способностей...

Часто я прямо не узнавалъ своихъ телеграммъ, а между тѣмъ каждое ихъ слово,

каждое выраженіе было мною строго обдумано и обсуждалось въ мѣстной цензурѣ, а иногда даже въ серьезныхъ разговорахъ съ главнокомандующимъ. Теперь во главѣ цензуры сталъ генералъ Поливановъ, назначенный помощникомъ начальника Главнаго штаба, бывшій редакторъ «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника». При его редектированіи, эти органы сдѣлались неузнаваемы: ихъ стало интересно читать, тогда какъ прежде они служили лишь исключительно для ознакомленія съ приказами и распоряженіями военного начальства. Думается, что теперь, когда во главѣ военной цензуры стоитъ человѣкъ, который, помимо другихъ качествъ, необходимыхъ государственному дѣятелю, хорошо понимаетъ значеніе печатнаго слова, и когда новый главнокомандующій придаетъ большое значеніе печати, и съ этими взглядами не расходится его штабъ,—цензура военныхъ корреспонденцій будетъ построена на другихъ, болѣе раціональныхъ, основахъ.

XV.

ТЫЛЪ АРМІИ.

На театрѣ войны, до оставленія Мукдена, существовали три тыла: близкій—въ Мукденѣ, болѣе отдаленный — въ Телинѣ и дальній—въ Харбинѣ.

Мукденъ былъ центромъ всякихъ учрежденій при дѣйствующихъ арміяхъ: интендантство, контроль, казначейство, управленіе военныхъ сообщеній, лазареты и тому под. Кроме того, Мукденъ, какъ большой китайскій городъ, снабжалъ войска различными припасами. Станція Мукденъ была главной и конечной станціей желѣзной дороги. На ней находились всевозможные склады, провіантскіе, снарядовъ и другихъ предметовъ. Пребываніе женщинъ въ Мук-

денѣ не разрѣшалось, кромѣ сестеръ милосердія и «маргаритовыхъ сестеръ». Сюда понаѣхала изъ Россіи и изъ-за границы масса всякаго народа, слѣдующаго за арміей: кавказцы, греки, французы, итальянцы изъ Чифу и Шанхая, и множество китайцевъ изъ китайскихъ, не манчжурскихъ провинцій. По всей вѣроятности, между этими, такъ называемыми, «шакалами» арміи, было не мало шпионовъ.

Телинъ былъ, такъ сказать, промежуточнымъ большимъ этапомъ. Въ немъ сосредоточились хлѣбопекарни, склады нѣкоторыхъ запасовъ и госпитали. Это былъ конечный пунктъ разрѣшеннаго пребыванія женщинъ, поэтому здѣсь завелись рестораны и другія заведенія, привлекающія молодыхъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ сюда въ краткосрочные отпуска, чтобы «про-вѣтриться». Здѣсь имѣли мѣсто попойки и даже скандалы. Съ сожалѣніемъ долженъ констатировать, что пьянство вообще сильно было, развито между офицерами, но зато карточная игра, страшно распространенная въ другія войны, здѣсь успѣхомъ не пользовалась, и офицерство боль-

шую часть своихъ сбереженій отправляло на родину. Интересны будутъ въ этомъ отношеніи отчеты почты и Китайскаго банка...

Харбинъ — это нашъ главный узловый пунктъ Китайской желѣзной дороги, на югъ—къ Портъ-Артуру, на востокъ—къ Владивостоку. Здѣсь первоначально сосредоточиваются войска, прибывающія изъ Россіи, и маршевыя команды нижнихъ чиновъ и офицеровъ, для пополненія и укомплектованія частей войскъ. Вообще, это главный войсковой этапъ всѣхъ манчжурскихъ армій. Здѣсь сосредоточены госпитали и лазареты для тѣхъ больныхъ и раненыхъ, которые могутъ сравнительно скоро возвратиться въ дѣйствующую армію. Отсюда эвакуируются въ Россію, послѣ извѣстнаго періода времени, тяжело раненые и всѣ, требующіе для полного выздоровленія болѣе продолжительнаго отдыха. Здѣсь производится заготовка припасовъ и сосредоточены главные запасные склады. Въ Харбинѣ находится управленіе всей Китайской Восточной желѣзной дорогой и имѣется большое отдѣленіе Ки-

тайскаго банка. Кромѣ военныхъ, въ Харбинѣ насчитывается около 40 тысячъ жителей. Сюда съѣхались люди со всѣхъ концовъ свѣта, съ цѣлью наживы какимъ бы то ни было способомъ. Тутъ—множество гостиницъ, ресторановъ и всякаго рода увеселительныхъ заведеній, многочисленный контингентъ разныхъ «пѣвицекъ». Здѣсь—царство кутежей, оргій и всякаго рода безобразій, описывать которыхъ вообще нѣтъ охоты, да и совѣстно. Здѣсь царство сплетенъ и всякаго рода слуховъ. Чего только вы не услышите въ Харбинѣ... И военныхъ и статскихъ—всѣхъ обуяла страсть рассказыванія новостей. Свѣжемъ человѣку, только что пріѣхавшему изъ Россіи, дѣлается прямо страшно отъ этихъ рассказовъ. Боже мой, къ чему мы идемъ?—думаетъ онъ. Но, съ пріѣздомъ на передовыя позиціи, страхи исчезаютъ и остается лишь сомнѣніе въ томъ, были ли рассказчики дѣйствительно на театрѣ войны, не выдуманы ли ими всѣ эти ужасныя вѣсти? Всѣ занимаются сплетнями, одни спяна, другіе отъ нечего дѣлать, а иные—чтобы ловить въ мутной водѣ рыбу, и такихъ

очень много набралось въ Харбинѣ и вообще въ Манчжуріи.

Развратъ и цинизмъ, царящіе въ Харбинѣ, не имѣютъ границъ. Какъ иллюстрацію циничности и безобразія, приведу слѣдующую картинку изъ харбинскихъ нравовъ. Разъ, съ однимъ подполковникомъ таможенной стражи, мнѣ пришлось нѣшкомъ отправиться въ городъ со станціи. Предъ нами шли прилично одѣтые мужчина и женщина. За ними слѣдовали два офицера, должно быть изъ запасныхъ, и слова самаго нецензурнаго свойства градомъ сыпались по адресу дамы. Пара прибавила шагу, офицеры тоже. Наконецъ, господинъ остановился и въ корректной формѣ заявилъ офицерамъ:

— Господа, это моя жена, а не публичная женщина, прошу васъ освободить ее отъ необходимости выслушивать ваши неумѣстные рѣчи.

На это одинъ изъ офицеровъ произнесъ слѣдующую тираду:

— Ишь ты,—далѣе крѣпкое русское слово,—мы за васъ должны кровь проливать, а женъ не смѣй и трогать...

Только вмешательство подполковника освободило ихъ наконецъ отъ приставацій офицера, а можетъ быть даже и отъ большей неспріятности.

Въ мирное время офицерская корпорація, находя кого-нибудь изъ своихъ членовъ недостойнымъ носить мундиръ, просить его оставить армію, и онъ обыкновенно выходитъ въ запасъ. И, вотъ, когда государству нужны лучшіе офицеры для руководства военными операціями, эти, признанные негодными въ мирное время, офицеры снова попадаютъ въ армію. Люди, считавшіеся въ мирное время вреднымъ элементомъ, во время войны, когда особенно важны строгое исполненіе дисциплины и хорошій примѣръ, становятся вновь руководителями солдатъ. Чего же можно ожидать отъ такого руководства? Разумѣется, возможны исключенія, встрѣчаются люди, успѣвшіе уже исправиться. Отъ одного лица, занимающаго довольно видный постъ въ арміи, я слышалъ о слѣдующемъ случаѣ:

— Какъ-то,—разсказывало это лицо,—приходить ко мнѣ, въ Мукденъ офицеръ.

Здоровается со мною и общается еще навѣстить меня. Здѣсь, понятно, каждому бываешь радъ, но никакъ не могу вспомнить, гдѣ я его видѣлъ, гдѣ познакомился съ нимъ. Наконецъ вспоминаю...

— Докладываютъ мнѣ однажды,—продолжаетъ рассказчикъ—что меня желаетъ видѣть какой-то господинъ. Принимаю, оказывается отставной офицеръ, «безъ средствъ» и проч. Даю ему нѣкоторую сумму. Спустя нѣсколько минутъ, мнѣ зачѣмъ-то понадобилось къ женѣ (у меня два подѣзда на одной площадкѣ). Какое же было мое удивленіе, когда у нея я встрѣтилъ того же субъекта и съ той же просьбой о помощи. Очевидно, попрошайничество сдѣлалось его постоянной профессіей.

Не трудно представить себѣ, насколько выиграла бы армія въ военное время, если бы была навсегда лишена этихъ нежелательныхъ и для мирнаго времени элементовъ.

Вообще тылъ—одна изъ главныхъ язвъ арміи. Я, по натурѣ, не жестокій человѣкъ, но здѣсь считаю необходимыми самые дра-

коновскіе порядки. Начальникомъ тыла должно быть лицо, извѣстное своей строгостью и снабженное громадными полномочіями, включительно до права разстрѣливанія безъ суда.

XVI.

ПРИЧИНА НАШИХЪ НЕУДАЧЪ.

Теперь, послѣ всего вышесказаннаго, и, не вдаваясь въ детальныя подробности, постараюсь выяснитъ причины нашихъ неудачъ вообще и въ частности неудачной операціи подъ Мукденомъ.

Главная причина всѣхъ нашихъ неудачъ въ настоящей войнѣ заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что мы имѣемъ на театрѣ войны всего лишь одну коммуникаціонную линію—пару рельсъ Китайской Восточной желѣзной дороги и такую же пару рельсъ Сибирскаго пути, по которымъ и доставляемъ какъ войска, такъ и военные грузы. Но, если мы были безсильны увеличить до потребныхъ размѣровъ

провозоспособность Сибирской желѣзной дороги, то имѣли полную возможность создать на самомъ театрѣ войны еще двѣ коммуникаціонныхъ линіи, для болѣе успѣшнаго веденія военныхъ операцій, передвиженія войскъ, военныхъ и продовольственныхъ грузовъ. Для этого въ нашемъ распоряженіи были всѣ средства, и только отсутствіе сознанія въ необходимости этихъ двухъ линій помѣшало намъ ихъ пспользовать. Мы могли свободно построить двѣ желѣзнодорожныя линіи: одну—изъ Гунджулина, или, еще лучше, отъ Харбина, по направленію къ Синминтину, по долигѣ рѣки Ляохэ; другую—отъ того же Гунджулина на Фушунъ и далѣе, по пересѣченной мѣстности, выбравъ лучшую систему, на разстояніи 25—35 верстъ отъ существующей желѣзной дороги. Постройка этихъ линій могла бы быть выполнена въ короткій срокъ, такъ какъ на мѣстѣ можно было найти и кадръ знающихъ техниковъ и рабочую силу, въ лицѣ кятайцевъ. Затрудненія, пожалуй, встрѣтились бы только въ желѣзнодорожныхъ матеріалахъ, и подвозку ихъ пришлось бы чередовать съ

подвозкою войскъ. Но, если принять въ соображеніе, что у насъ бывали періоды, въ двѣ и больше недѣли, когда желѣзными дорогами почти совсѣмъ не перевозили ни войскъ, ни военныхъ грузовъ, по причинѣ недоставленія таковыхъ военными властями, то можно смѣло предполагать, что, воспользовавшись этимъ временемъ, мы успѣли бы перевезти весь необходимый для постройки матеріалъ (Для двухъ линій его потребовалось бы около 150—170 поѣздовъ, что составляетъ 20 дней перевозки). Наконецъ, если нельзя было доставить весь потребный матеріалъ изъ Россіи, можно бы снять временно рельсы съ дороги въ Хабаровскъ, устроивъ здѣсь почтовый трактъ. Это, разумѣется, отозвалось бы на Хабаровскѣ, но зато какъ много выиграли бы военныя операціи!..

Имѣя двѣ комунікаціонныя линіи, соединенныя притомъ желѣзною дорогою между собою и съ Китайской желѣзнодорожной линіей—постройкою въ двухъ мѣстахъ соединительныхъ вѣтокъ, одной, примѣрно, на высотѣ Телина, другой, на высотѣ Мукдена—наша армія могла бы свободно производить всѣ операціи: облегчилась бы пе-

ревозка войскъ и воинскихъ грузовъ, а главное, мы могли бы, совершенно не утомляя солдатъ, легко перебрасывать потребное количество войскъ въ тѣ мѣста, гдѣ въ нихъ чувствовалась необходимость. Тогда намъ нечего было бы страшиться обходныхъ движеній противника,—наоборотъ, мы сами могли бы производить такіе обходы, не рискуя оказаться отрѣзанными, такъ какъ тогда у насъ въ тылу имѣлась бы желѣзная дорога для подвозки продовольствія и снарядовъ.

Наши войска всегда удачно отражали открытое нападеніе непріятеля, и въ этомъ отношеніи японцы большихъ успѣховъ не имѣли, но противъ обходныхъ движеній, особенно глубокихъ, выходящихъ изъ предѣловъ, обслуживаемыхъ Китайской желѣзной дорогою, мы оказывались совершенно беспильными, и результатомъ ихъ всегда явилось наше отступленіе. Вообще, мы были мало способны къ маневрированію внѣ предѣловъ нашей комунікаціонной линіи, мы словно приклеились къ Китайской желѣзной дорогѣ и даже не пытались отойти отъ нея.

Свободѣ передвиженій, мнѣ кажется, сильно мѣшала нашъ черезчуръ большой и громоздкій обозъ. Я видѣлъ отступленіе обоза къ Телину и поэтому имѣлъ возможность наблюдать всю его громоздкость, тогда какъ, во время нахождения въ своихъ частяхъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, онъ мало бросался въ глаза. Вытянутый въ одну линію, этотъ рядъ повозокъ съ разнообразнымъ воинскимъ грузомъ, со всякими табуретками, столами, бочками (я спрашивалъ солдатъ, «къ чему везутъ они эти бочки», «а такъ, можетъ быть понадобятся») и другими предметами домашняго хозяйства, требующими немалыхъ перевозочныхъ средствъ, производилъ такое впечатлѣніе, что съ нимъ наврядъ ли далеко уйдешь,—и, казалось, что если бы часть его попала въ руки непріятеля, мы ничего бы не потеряли. Японцы, не желая бросить добычу, стали бы возить ее за собою, и тогда, пожалуй, не они, а мы стали бы тѣснить ихъ, т. е. наши роли перемѣнились бы...

Откуда взялась у насъ вся эта домашняя утварь? Вѣдь война не пикникъ, не *partie*

de plaisir, на войнѣ—не до комфорта, и безъ лишній, даже очень значительныхъ, воевать нельзя. Откуда это стремленіе къ комфортабельной жизни на позиціяхъ? Такииъ стремленіемъ въ былии войны русскія войска не отличались. Можетъ быть, это результатъ общаго культурнаго прогресса? Мнѣ думается, дѣло не въ этомъ. Здѣсь много значилъ примѣръ, который подавали главные начальники. Для болѣе полной картины начальнической роскоши, помимо своего желанія, я долженъ буду затронуть жизнь бывшаго главнокомандующаго и намѣстника на Дальнемъ Востокѣ, адмирала Алексѣева.

У адмирала Алексѣева, кромѣ роскошныхъ апартаментовъ его дома въ Портъ-Артурѣ, въ Дальнемъ, а въ послѣднее время и Мукденѣ, былъ еще роскошный поѣздъ изъ пульмановскихъ вагоновъ, съ громадными салонами и столовыми для него самого и всего его штаба. Онъ путешествовалъ какъ царь. Передъ его поѣздомъ пускался пробный поѣздъ, который долженъ былъ констатировать исправность и безопасность пути. Адмиралъ Алексѣевъ не любилъ

ночной ѣзды и останавливался на ночь на станціяхъ, но онъ не выносилъ паровозныхъ свистковъ и ночью его беспокоило всякое движеніе на линіи. И, вотъ, для того, чтобы не тревожить его высокопревосходительство во время стоянки, на станціи не допускался, дальше семафоровъ, ни одинъ поѣздъ, всякое движеніе по станціоннымъ путямъ прекращалось. Стояли войска и воинскіе грузы, какъ бы они ни были нужны, какъ бы лихорадочно не ждали ихъ на полѣ сраженія...

Слѣдуя примѣру адмирала Алексѣева, генералъ Куропаткинъ потребовалъ и себѣ такой же поѣздъ, отъ него не захотѣлъ отстать начальникъ его штаба,—и, въ концѣ концовъ, отдѣльные поѣзда, съ пультмановскими вагонами, появились у всѣхъ командующихъ арміями и даже у начальниковъ нѣкоторыхъ учрежденій. Въ результатѣ—почти всѣ большіе пассажирскіе вагоны Китайской дороги оказались занятыми подъ помѣщенія начальниковъ, а большую часть офицеровъ и пассажировъ приходилось перевозить въ товарныхъ вагонахъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ одни офицеры ѣздили въ товарныхъ, или, какъ ихъ назы-

вають, «скотскихъ» вагонахъ, ихъ товарищи штабные жили и катались въ вагонъ-салонахъ. Такое различіе не могло, разумеется, благопріятно отзываться на ихъ отношеніяхъ, и старая вражда мирнаго времени вообще къ штабнымъ еще больше обострялась здѣсь, на театрѣ войны, гдѣ она вообще не должна бы имѣть мѣста, гдѣ для успѣха дѣла требуется дружная совмѣстная работа. Но, кромѣ вражды, такая роскошь вызывала и у другихъ желаніе тоже устроиться съ извѣстнымъ комфортомъ. Вотъ это и послужило причиной образованія такой массы разнообразной утвари, требующей большихъ перевозочныхъ средствъ. Много способствовало этому также и долгое стояніе на одномъ мѣстѣ.

Кромѣ того, жилые поѣзда имѣли и другое вредное вліяніе: они приковывали наши штабы къ желѣзной дорогѣ, и, можетъ быть, отчасти въ силу этого, операціи создавались съ расчетомъ не покидать желѣзной дороги, т. е. великолѣпнаго жилища. Одинъ только генералъ Линевичъ бросилъ свой поѣздъ и жилъ въ фанзахъ.

Генераль Гриппенбергъ остался ужасно недоволенъ тѣмъ, что въ его поѣздѣ не было электрическаго освѣщенія, какъ въ другихъ поѣздахъ, и до тѣхъ поръ не успокоился, пока его не устроили.

Частое передвиженіе этихъ поѣздовъ не мало задерживало движеніе на станціяхъ, вслѣдствіе необходимыхъ маневровъ. Впрочемъ, необходимость маневровъ иногда вызывалась лишь прихотями начальниковъ.

Напримѣръ, одному генералу была прислана изъ Россіи дойная корова. Офицеръ, не забудьте, генеральнаго штаба, распорядился поставить вагонъ съ этою коро-вой въ опредѣленное мѣсто поѣзда, для чего пришлось произвести сложный маневръ. Наконецъ, корова поставлена на назначенное мѣсто, но оно показалось неудобнымъ лакею генерала, и снова начались маневры для перестановки вагона, и такъ, кажется, они повторялись до трехъ разъ. А стоявшіе въ это время за семафоромъ поѣзда не могли войти на станцію, въ теченіе чуть ли не половины дня.

Генераль Гриппенбергъ со своимъ поѣздомъ стоялъ на одной вѣткѣ, а главно-

командующій на другой. По грунтовой дороге между ними всего нѣсколько верстъ, которыя безъ всякаго затрудненія можно проѣхать въ коляскѣ. Но генералъ Гриппенбергъ желалъ непременно ѣздить въ своемъ поѣздѣ, и никакія увѣренія начальства дороги, что передвиженіе его поѣзда сначала на главную линію и обратно на вѣтку отнимаетъ много времени и задерживаетъ срочное движеніе—не помогали.

Здѣсь умѣстно будетъ привести случай изъ франко-германской войны. На одну изъ станцій прибылъ королевскій поѣздъ. Начальникъ станціи заявилъ, что, если пропустить его немедленно, то все движеніе воинскихъ поѣздовъ перепутается и потребуются нѣсколько дней, чтобы возстановить нарушенный порядокъ, тогда какъ, если его величество останется на станціи въ теченіе дня, нарушенія движенія не произойдетъ. И король остался на станціи. Я убѣжденъ, имѣй мѣсто подобный случай съ нашимъ Государемъ, Онъ поступилъ бы такъ же, какъ король; но вопросъ въ томъ, осмѣлился ли бы кто-нибудь ему объ этомъ доложить? Произойди

такой же случай съ однимъ изъ нашихъ генераловъ, начальникъ станціи получилъ бы въ отвѣтъ ругательство и пресловутое «посажу подъ арестъ».

Движеніе, разумѣется, было нарушено. И такіе случаи бывали, даже не разъ...

Чистка отбросовъ изъ этихъ жилыхъ поѣздовъ начальства обходится дорожѣ чуть ли не 50 тысячъ въ мѣсяцъ.

Въ настоящей войнѣ вся наша обозная прислуга—солдаты. У японцевъ, большею частью,—кули. Я думаю, для этой цѣли и мы могли бы имѣть вольнонаемныхъ. Это стоило бы немногимъ дороже, но зато у насъ было бы больше штыковъ. Вообще нестроевой элементъ нашихъ армій громаденъ, около 30 слишкомъ процентовъ, при чемъ не производится никакой сортировки, такъ что, сплошь и рядомъ, молодой, прекрасный солдатъ попадаетъ въ нестроевые, а старый запасной бородачъ — въ строй. Одной офицерской прислуги въ нашихъ арміяхъ имѣется, какъ мнѣ передавали, болѣе сорока тысячъ человѣкъ, и это при 11—12 тысячахъ офицеровъ, т. е., въ среднемъ, болѣе 3 человѣкъ на офицера. Въ

большинствѣ случаевъ, это лучшіе солдаты, потому что офицеры выбираютъ себѣ въ слуги наиболѣе расторопныхъ и понятливыхъ. Разумѣется, оставить офицеровъ безъ прислуги нельзя, но можно бы ограничить ея число, напримѣръ, въ среднемъ, двумя человѣками на офицера. Такимъ образомъ, еще лишнихъ 15 тысячъ штыковъ находились бы въ строю. Во время боевого затишья пусть беретъ офицеръ изъ роты сколько ему хочется, но во время боевъ, когда прислуга менѣе всего нужна офицерамъ, когда ея обязанности ограничиваются лишь сбереженіемъ вещей и, въ случаѣ передвиженія, заботой объ ихъ перевозкѣ, можно бы оставить одного денщика на двухъ офицеровъ, остальныхъ же возвратить въ строй. Это дало бы еще нѣсколько лишнихъ тысячъ боевыхъ единицъ, и, кто знаетъ, будь у насъ всѣ эти лишніе штыки подъ Лаояномъ и Мукденомъ, результаты, можетъ быть, получились бы другіе...

Вообще, у насъ мало обращается вниманія на привлеченіе вольнонаемныхъ для разныхъ нестроевыхъ цѣлей. Напримѣръ,

инженеры Китайской ж. д. предложили взять на себя производство мѣстными рабочими разныхъ работъ, какъ-то: дорогъ, мостовъ, редутовъ и т. п., которые теперь выполняютъ саперные батальоны и другія войска. Тогда, понятно, освободилось бы нѣкоторое число солдатъ и увеличилось число комбатантовъ. Но это предложеніе почему-то не было принято...

Численность нашей кавалеріи на театрѣ войны сравнительно значительна, но, въ дѣйствительности, ея не хватаетъ даже на развѣдки; это потому, что она большею частью разобрана на конвой. Конвой и ординарцы, понятно, нужны, но число ихъ у насъ далеко превышаетъ необходимую норму. Кто только не имѣетъ конвоя и ординарцевъ изъ кавалеристовъ?

Штабы главнокомандующаго и командующихъ арміями были мало освѣдомлены о силахъ, движеніи и намѣреніяхъ непріятеля, въ то время, какъ японцы знали о насъ буквально все. Они получали извѣстія о нашихъ диспозиціяхъ даже раньше, чѣмъ ихъ узнавали наши начальники отдѣльных частей. Наше шпионство, хотя

на него и тратится не мало суммъ, ниже всякой критики: почти ни одного важнаго извѣстія мы не получили отъ своихъ шпионовъ. И здѣсь, по обыкновенію, въ однихъ случаяхъ совершенно напрасно тратились крупныя суммы, а въ другихъ, гдѣ дѣйствительно слѣдовало ихъ израсходовать, отпустились гроши (поступокъ Ухачъ-Огроновича съ китайцемъ, доставившимъ свѣдѣнія о движеніи обходнаго отряда по Ляохэ). Вообще, насколько хорошо шпионство поставлено у насъ дома, гдѣ мы располагаемъ цѣлой организованной арміей шпионовъ, настолько плохо мы сумѣли это дѣло устроить здѣсь, въ цѣляхъ побѣды надъ непріятелемъ. Не мало изъ нашихъ шпионовъ находилось на службѣ у японцевъ и доносили намъ съ ихъ вѣдома, и мы вѣрили такимъ донесеніямъ.

Говорятъ, что наша кавалерія плохо производила развѣдки. Можетъ быть, это такъ, но и здѣсь немалый вредъ приносила царящая у насъ всюду система недоувѣрія. Недовѣрчивое отношеніе къ сообщеніямъ развѣдчиковъ могло отнять у нихъ всякую охоту къ добросовѣстнымъ развѣдкамъ.

Главное, у насъ никто даже не пытался провѣрить основательность такого недовѣрія, а вѣдь ничто такъ губительно не отражается на работѣ подчиненныхъ, какъ ни на чемъ не основанное недовѣріе къ нимъ начальниковъ. Правда, довольно часто, особенно въ отношеніи численности непріятеля, донесенія развѣдчиковъ не оправдывались. Но это не всегда слѣдовало приписывать недобросовѣстности развѣдчиковъ. Трудно было достать вѣрныя свѣдѣнія при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ имъ приходилось работать. Раіонъ дѣйствій войскъ густо населенъ китайцами, чуть ли не на каждой квадратной верстѣ можно встрѣтить китайское населеніе, обнесенное глинобитными стѣнами. Не легко, понятно, узнать, какимъ числомъ непріятеля занято такое селеніе, особенно, если принять во вниманіе, что изъ страха передъ японцами жители всегда говорили то, что имъ приказывали послѣдніе.

Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ начальники относились къ просьбамъ о посылкѣ подкрѣпленій вслѣдствіе большихъ потерь. Большею частью

въ такихъ подкрѣпленіяхъ отказывали, мотивируя это тѣмъ, что молъ начальники частей обыкновенно преувеличиваютъ свои потери. Правда, нѣкоторые генералы, кажется, до начала боя готовы были просить подкрѣпленій, но, вѣдь, многіе обращались за ними только въ случаяхъ дѣйствительной нужды. Весьма рѣдко кто провѣрялъ, дѣйствительно ли нужна поддержка: просто отказывали. Благодаря этому, было не мало случаевъ, когда, за неприсылкою подкрѣпленій, дѣло принимало нежелательный для насъ оборотъ. Напримѣръ, описанное выше дѣло 1-го Сибирскаго полка при осадѣ Ташинчао (Мукденское сраженіе).

Вообще, система недоувѣрія всюду царила въ арміи. Главнокомандующій не довѣрялъ командующимъ арміями, иначе нельзя объяснить, почему онъ давалъ указанія о самыхъ малѣйшихъ передвиженіяхъ. Командующіе арміями не могли, безъ его вѣдома, передвинуть даже батальона. Диспозиціи до подробностей вырабатывались въ штабѣ главнокомандующаго, поэтому никто—я не говорю уже о начальникахъ мелкихъ частей, но даже и корпусные командиры—не

могли проявить никакой инициативы. Микробъ недоверія заразилъ всю армію: начальники не доверяли своимъ подчиненнымъ, подчиненные — начальникамъ. Всѣ лишь механически исполняли приказанія, зачастую не вѣдая ихъ смысла и цѣли, каждый стремился лишь къ тому, чтобы имѣть оправдательный документъ—приказъ, на случай неудачнаго исхода своихъ дѣйствій. Узкія рамки приказа никому не позволяли считаться съ тѣмъ, какая польза или вредъ произойдутъ изъ его выполненія. Генералъ Мыловъ получилъ выговоръ за то, что рѣшился атаковать непріятеля до пріѣзда главнокомандующаго, какъ тотъ наканунѣ приказалъ. А, вѣдь, послѣ была признана своевременность атаки, и, не поступи генералъ по своему усмотрѣнію, результатъ могъ быть и былъ бы другимъ.

Сюда, на театръ войны, недоверіе перешло изъ Россіи. Каждый являлся въ дѣйствующую армію со всѣми сплетнями, интригами и личными счетами мирнаго времени. Но этотъ багажъ, съ зараженнымъ и затхлымъ содержаніемъ, не нашелъ бы себѣ здѣсь благодатной почвы, если бы высшіе

начальники, въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, показывали примѣръ искренности и довѣрія.

Всѣ твердятъ, что у насъ нѣтъ генераловъ.

— Изъ чего это видно?—спрашиваю я.

— Помилуйте, развѣ гдѣ-нибудь хоть одинъ изъ нашихъ генераловъ показалъ себя способнымъ,—слышится обыкновенно въ отвѣтъ.

— Но позвольте, когда же это и гдѣ они имѣли возможность проявлять свои способности?

— Что вы говорите, да вѣдь мы воюемъ уже почти полтора года...

— Все это вамъ такъ кажется отсюда, а поѣзжайте туда—и вы увидите, что наши генералы,—я не говорю уже о начальникахъ болѣе мелкихъ частей, даже корпусные командиры—не имѣли до сихъ поръ возможности проявить ни инициативы, ни самостоятельности. Я говорю «до сихъ поръ», такъ какъ думаю, что при новомъ главнокомандующемъ дѣло будетъ поставлено иначе.

Система генерала Куропаткина—распоряжаться всѣмъ самому, не давала возмож-

ности подчиненнымъ ему генераламъ проявлять въ достаточной мѣрѣ личную инициативу и самостоятельность. Генералы Церпицкій, Мыловъ, Зарубаевъ, Мищенко, Ренненкампфъ, Ивановъ, Даниловъ, Кондратовичъ, Мартыновъ, да и еще много другихъ—все это люди талантливые, энергичные, съ инициативой. Напрямѣръ, генералъ Мищенко. Развѣ его мѣсто быть начальникомъ кавалерійскаго отряда? Онъ артиллеристъ и былъ бы прекраснымъ корпуснымъ командиромъ, а можетъ быть и командующимъ арміей, которому можно бы свободно довѣрить большую самостоятельную операцію, только не лишайте его инициативы. Да, есть люди и не мало ихъ, но наша система не даетъ никому высунуть голову далѣе того, чѣмъ полагается по формѣ. А развѣ мало талантливыхъ полковниковъ, какъ генеральнаго штаба, такъ и строевыхъ. Я вамъ назову десятокъ способнѣйшихъ, которые могли бы прекрасно командовать бригадами и дивизіями. Но, говорятъ, они молоды, не въ чинахъ. Въ томъ-то и дѣло, что мы придерживаемся одной лишь формы, не сира-

вляясь съ внутреннимъ содержаніемъ. А по-моему: если полковникъ способенъ командовать корпусомъ, дайте ему корпусъ; талантливый капитанъ можетъ быть полковымъ командиромъ—дайте ему полкъ.

Мнѣ скажутъ на это:

— А что же будутъ дѣлать старшіе?

— Если старшіе неспособны, бездарны— пусть идутъ на отдыхъ. Военная служба— не благотворительное заведеніе; вѣдь войска нужны для войны, а не для парадовъ...

Не правы тѣ, которые называютъ офицеровъ генеральнаго штаба бѣлоручками, неправы потому, что не мало этихъ офицеровъ участвуютъ въ самыхъ бояхъ, командуютъ отдѣльными частями и многіе изъ нихъ убиты и ранены въ этой войнѣ. Правда, генеральный штабъ занялъ всѣ мѣста, даже тѣ, которыя не требуютъ спеціальныхъ военныхъ знаній, приобретаемыхъ въ академіи генеральнаго штаба: эвакуація раненыхъ, завѣдываніе обозами, нагрузка снарядовъ, посадка войскъ, административныя должности комиссаровъ— все это такія мѣста, которыя, пожалуй, съ большимъ успѣхомъ, могли бы занимать

люди безъ всякой военной подготовки. Даже комендантъ поѣзда главнокомандующаго, должность, которую свободно могъ бы занимать запасной поручикъ, была замѣщена подполковникомъ генеральнаго штаба. И это—когда ощущался недостатокъ въ офицерахъ генеральнаго штаба для чисто военныхъ цѣлей, напримѣръ, на развѣдочной службѣ офицеры генеральнаго штаба были бы несомнѣнно болѣе на своихъ мѣстахъ. Вообще, въ настоящей войнѣ все руководство во всѣхъ отрасляхъ находится въ рукахъ офицеровъ генеральнаго штаба, а потому они и должны быть отвѣтственные за всѣ результаты.

Характеръ главнокомандующаго ясно сказался въ его дѣйствіяхъ. Его нерѣшительности, связанной въ то же время съ абсолютизмомъ и нежеланіемъ прислушиваться иногда къ разумнымъ совѣтамъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала принятая имъ система пассивнаго сопротивленія и ослабленія непріятеля во время отступленія. Но этой системой не были довольны ни въ Россіи, ни въ арміи, съ каждымъ новымъ отступленіемъ недовольство росло и,

наконецъ, заставило генерала Куропаткина отступить отъ намѣченнаго имъ и всего болѣе подходившаго къ его характеру плана,—и онъ потерпѣлъ фіаско. Когда человѣку вѣряли армію, нельзя было игнорировать его характеръ, который не можетъ перемѣняться по желанію. Поэтому не слѣдовало ему мѣнять. Если же потомъ было признано, что его система не можетъ дать благопріятныхъ результатовъ, то необходимо было замѣнить его другимъ. Но, оставляя, нельзя было сбивать его съ намѣченнаго имъ плана.

Генералъ Куропаткинъ—вѣстарый человекъ, трудолюбивъ и отличается большой дѣятельностью, между тѣмъ кругъ дѣйствія главнокомандующаго, на самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторомъ родѣ ограниченъ, такъ какъ, въ сущности, онъ заключается въ общемъ руководствѣ—директивѣ, безъ активнаго участія въ прямомъ командованіи войсками. Такая дѣятельность не удовлетворяла живую натуру генерала Куропаткина, и онъ выходилъ изъ этихъ рамокъ—и, даже, въ иныхъ случаяхъ, руководилъ отдѣльными дѣйствіями. Такое,

если такъ можно выразиться, вмѣшательство въ дѣла исключительной компетенціи командующихъ отдѣльными арміями, имѣло свою довольно отрицательную сторону и, кромѣ того, могло отвлекать главнокомандующаго отъ указаній общей директивы.

Командованіе отдѣльной арміей, въ которой заключается прямое управленіе войсками, болѣе подходитъ къ дѣятельному характеру бывшаго главнокомандующаго.

Какъ только появлялись признаки сосредоточенія непріятельскихъ силъ, въ связи съ малоосвѣдомленностью,—впечатлительный главнокомандующій начиналъ нервничать и перебрасывалъ войска съ одного мѣста на другое, зачастую, безъ дѣйствительной надобности, производя смѣшиваніе частей. Я уже говорилъ выше, какой вредъ приносило такое смѣшиваніе, частое же повтореніе еще болѣе усиливало его и, разумѣется, очень неблагоприятно отзывалось на ходѣ сраженій.

Начальникамъ, въ такихъ случаяхъ, приходилось командовать войсками, которыхъ

они совершенно не знали,—ни особенныя качества, ни выносливость, ни, вообще, характеръ этихъ чужихъ частей имъ извѣстны не были. Разстраивалась та компактность, та цѣлостность арміи, которая во всѣхъ арміяхъ добывается съ такимъ трудомъ.

Уходъ Грпппенберга и слухъ о его возвращеніи былъ истолкованъ, какъ недовѣріе Петербурга къ генералу Куропаткину, къ принятой имъ системѣ постоянного отступленія. Это сильно поколебало престижъ главнокомандующаго, какъ разъ въ то время, когда на театрѣ войны наступили самыя серьезныя, критическія минуты, въ которыя вѣра въ главнаго начальника должна быть особенно тверда. Мнѣ кажется, противникъ не могъ выбрать лучшаго момента для нанесенія намъ рѣшительнаго удара. Японцы прекрасные психологи, они отлично поняли настроеніе нашей арміи, ея недоувѣрчивое отношеніе къ главному начальнику и, разумѣется, все это принялъ во вниманіе, прежде, чѣмъ рѣшиться на свои рискованныя операціи подъ Мукденомъ.

Техника, въ смыслѣ примѣненія различныхъ техническихъ средствъ, въ нашей арміи стоитъ ниже, чѣмъ у японцевъ. Они пользуются всѣми усовершенствованіями, какъ для устройства обороны, такъ и для атаки. Главное, у нихъ—много пулеметовъ. Они еще до войны оцѣнили полезность этого страшнаго орудія. Безусловно, пулеметы играютъ большую роль, особенно при оборонѣ — одинъ пулеметъ стоитъ роты солдатъ. Мы не придали должнаго значенія этому убійственному орудію въ началѣ войны. Но, даже впослѣдствіи, испытавъ его значеніе, какъ говорится, своими боками, все-таки недостаточно энергично стали вводить его въ нашу армію; количество пулеметовъ до сихъ поръ у насъ многимъ меньше, чѣмъ у непріятеля.

Вначалѣ я описалъ, какъ войска двигаются изъ Россіи на театръ войны и какъ по пути, вслѣдствіе неусовершенствованной системы передвиженія войскъ, дисциплина солдатъ находится не на должной высотѣ. Почему бы эти войска, еще въ Россіи, за нѣсколько времени до ихъ отправки, не формировать во временныя части (напр.

роты), съ унтеръ-офицерами и офицерами, изъ находящихся на дѣйствительной службѣ, хотя бы и въ меньшемъ противъ нормальнаго составѣ (по передачѣ людей въ надлежащія части, они могли бы возвращаться обратно). Передъ отправкой на театръ войны, въ такихъ временныхъ частяхъ, въ теченіе одной-двухъ недѣль, можно бы производить строевыя ученія, повтореніе воинскаго устава и ознакомленіе съ новымъ оружіемъ (а то вѣдь были такіе, которые сейчасъ же по прибытіи въ свои части шли въ бой, даже не ознакомившись съ нашимъ новымъ скорострѣльнымъ ружьемъ), и вообще возстановить въ нихъ забытый воинскій духъ, понятіе о солдатскомъ званіи и о тѣхъ трудныхъ обязанностяхъ, которыя ждутъ ихъ на мѣстѣ. Въ пути, во время дневокъ, можно бы также производить строевыя ученія, которыя были бы очень полезны людямъ, проводящимъ безъ движенія много часовъ въ сырой атмосферѣ вагоновъ. При такихъ условіяхъ не имѣли бы мѣста безпорядки, не было бы нарушеній дисциплины, войска приходили бы на мѣста вполне подгото-

вленными къ своимъ труднымъ обязанностямъ, а, главное, заразный микробъ нарушенія дисциплины и субординаціи не могъ бы проникнуть на театръ войны.

Чѣмъ старше возрастъ солдата, тѣмъ онъ болѣе отвыкъ отъ военнаго дѣла, тѣмъ онъ менѣе знакомъ съ новыми военными приемами и новымъ оружіемъ, а, главное, тѣмъ менѣе онъ подвиженъ. Въ такихъ войнахъ, какъ настоящая, въ которой театръ войны такъ отдаленъ отъ родины, слѣдуетъ избѣгать отправки солдатъ старшаго запаснаго возраста,—понятно, пока въ этомъ нѣтъ насущной необходимости; слѣдуетъ ограничиваться посылкою людей молодого возраста. Мнѣ кажется, что въ настоящей войнѣ Россія не была еще принуждена мобилизовать весь свой запасъ, и было бы болѣе цѣлесообразно производить мобилизацію всѣхъ округовъ, а не только нѣкоторыхъ изъ нихъ, и призывать на службу запасныхъ только ближайшихъ сроковъ. Такимъ путемъ, кромѣ лучшаго качества войскъ, была бы соблюдена справедливость и по отношенію къ населенію, ибо, при этихъ условіяхъ, вся Россія, въ

смыслѣ участія въ войнѣ, несла бы одинаковую дань, тогда какъ, по принятой системѣ мобилизаціи, одни округа отдали войнѣ все свои силы, другіе же—почти ничего.

Есть еще одна причина розни между строевыми и штабными офицерами. Последніе весьма легко получаютъ всякія отличія, тогда какъ строевые, даже за дѣйствительную храбрость, награждаются съ большимъ трудомъ. Штабные—все съ орденами, а между строевыми не мало раненыхъ, возвратившихся въ строй, не получили даже пресловутой «клюквы» (Анны 4-й степени). Я помню, какъ, передъ отъѣздомъ ген. Куропаткина, все штабные бросились получать ордена. Ихъ было роздано нѣсколько сотъ. Непріятно было слушать ихъ споры, кому и какой именно долженъ быть данъ орденъ. Все, даже и тѣ, которые, какъ говорится, и «пороха не пошухали», непременно хотѣли съ мечами, за храбрость. Странно, ни одинъ изъ этихъ штабныхъ храбрецовъ, за всю войну, не былъ даже раненъ.

Перехожу къ мукденскимъ операціямъ. По моему мнѣнію, какъ я раньше ска-

заль, нашу неудачу подъ Мукденомъ слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что 2-я армія два дня бездѣйствовала, давъ японцамъ возможность сконцентрироваться. Весьма вѣроятно, что, благодаря этому, непріятель рѣшился перенести главныя операціи и нанести рѣшительный ударъ на нашемъ правомъ флангѣ, игнорируя все остальное расположеніе. Насколько мнѣ извѣстно, это замедленіе дѣйствій нельзя приписать винѣ главнокомандующаго, потому что, въ началѣ мукденскихъ операцій, памятью столь свѣжую исторію съ генераломъ Гриппенбергомъ, онъ ограничился было общими указаніями. Впослѣдствіи, видя неуспѣхъ, онъ опять взялъ въ свои руки активное дѣйствіе. И въ этомъ усматривается характеръ генерала Куропаткина. Если онъ признавалъ систему свою болѣе всего соответствующею даннымъ обстоятельствамъ, то его не долженъ былъ смущать никакой пріемъ въ Петербургѣ какого бы то ни было его генерала—врага ли или пріятеля, а тѣмъ паче въ такую критическую минуту, когда ломка системы, царившей сначала кампа-

ніп, могла дати тільки отрицательные результаты.

Окончательный успѣхъ японцевъ подъ Мукденомъ заключался не въ боевомъ превосходствѣ ихъ арміи, не въ ея численномъ перевѣсѣ, не въ гениальномъ планѣ операціи, а въ пониманіи японцами психологій нашего главнокомандующаго. Они тщательно изучили его планъ, характеръ его дѣйствій, его способы веденія сраженій и учли его тогдашнее настроеніе. Если хорошенько всмотрѣться въ японскія операціи подъ Мукденомъ, то нельзя констатировать ни одного изъ факторовъ дѣйствительной боевой побѣды. Видѣ, въ сущности, несмотря на ихъ численное и техническое превосходство, они не могли взять у насъ ни одной серьезной позиціи подъ Мукденомъ. Нельзя также указать ни одного выдающагося движенія ихъ войскъ. Одно только важное преимущество было на ихъ сторонѣ, это—легкость передвиженія. Такимъ образомъ, пониманіе психологій главнокомандующаго было главной причиной ихъ успѣха. Оно позволило имъ навѣрняка нанести ударъ, несмотря

даже на рискованные маневры и операціи. Въ сущности, они руководили нами, заставляли насъ дѣлать то, что имъ хотѣлось. Мы, какъ бы загипнотизированные, подчинялись ихъ инициативѣ.

Прослѣдите мукденскіе бои. Японцы концентрируются въ известномъ пунктѣ, или дѣлаютъ видъ, что концентрируются. Мы же, вмѣсто того, чтобы попытаться сдѣлать какой-нибудь контръ-маневръ, стремимся туда къ нимъ и перебрасываемъ войска съ одного фронта на другой. Японцы мѣняють направленіе движенія, — мы слѣдуемъ за ними. Всѣ ихъ попытки подъ Мукденомъ выиграть дѣло отчаянными атаками разбивались о наше упорное сопротивленіе. Испытывая неудачу тамъ, гдѣ искусство уже не играетъ первенствующей роли, гдѣ верхъ беретъ стойкость и дѣйствительная храбрость, японцы двигаются далѣе на сѣверъ и увлекаютъ насъ за собою. Между тѣмъ, если бы въ то время, когда непріятель удлинялъ свой фронтъ, стремясь яко бы обойти насъ, — а въ дѣйствительности увлекаая за собою, — мы бросились на его расположеніе, то весьма возможно, намъ

удалось бы прорваться и удачнымъ маневромъ разстроить всѣ планы противника, заставивъ его принять не то положеніе, которое ему было болѣе выгодно. Когда мы до того растянули нашъ фронтъ, что не могли уже слѣдовать за маневрами противника, главнокомандующій рѣшается отступить, то есть выходить изъ-подъ вліянія непріятеля въ то время, когда японскіе успѣхи приходили къ концу. Я вывожу это изъ того факта, что, во время отступления, наше положеніе подъ Мукденомъ было въ сущности опасное. Образовался узкій коридоръ, обстрѣливаемый съ востока и съ запада непріятельскимъ огнемъ. По этому коридору отступали наши войска, за исключеніемъ арміи Линевича, отступившей самостоятельно. Оба фланга непріятеля двинулись сѣвернѣе нашего арріергарда верстъ на десять. Этотъ арріергардъ, состоявшій подъ начальствомъ ген. Мылова, былъ крайне ничтоженъ, всего какихъ-нибудь 25 батальоновъ, притомъ съ очень ограниченнымъ составомъ, не болѣе 500 человѣкъ въ каждомъ. Японцы свободно могли сомкнуться въ любомъ мѣстѣ и отрѣ-

затѣ намѣ путь отступленія, истребивъ нашѣ арріергардѣ. Но что же выходитъ? Эта, въ сравненіи съ силами противника, горсть храбрыхъ людей, умѣло руководимая, въ сущности окруженная, задерживаетъ всю японскую армію, и мы спокойно выводимъ всѣ войска, обозъ и артиллерію. 35—40 орудій и часть обоза, которые остались въ добычу непріятеля, были брошены нами по папей безалаберности и безпечности. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ японцы не воспользовались своей побѣдою, чтобы окончательно сломить насъ и поставить въ необходимость закончить войну на условіяхъ, ими продиктованныхъ. Они, и на этотъ разъ, выпустили нашу армію, чтобы дать ей возможность черезъ мѣсяцъ вновь окрѣпнуть и сдѣлаться, какъ и прежде, боеспособной, причемъ потери ихъ были не меньше нашихъ, а истрепанность и разстройство ихъ арміи такъ велико, что она сдѣлалась мало способною къ дальнѣйшему побѣдоносному наступленію. Гдѣ же, спрашивается, тутъ искусство и выдающаяся тактика японскихъ военачальниковъ? Я убѣжденъ,

что, будь мы на мѣстѣ японцевъ, т. е. перемѣнись наши роли въ дѣлѣ подѣ Мукденомъ, отъ японской арміи, при всѣхъ нашихъ недостаткахъ, не осталось бы слѣда.

Вообще, я не могъ усмотрѣть тѣхъ чудесъ, тѣхъ изумительныхъ качествъ японцевъ, о которыхъ ходили почти легендарные рассказы. Все это—басни, пущенныя тѣми, кому онѣ нужны, у насъ же слѣпо подхватили ихъ и повторяютъ, какъ попугаи. Рассказывали о какой-то изумительной храбрости японцевъ, о томъ, что японскіе офицеры и солдаты не знаютъ, что такое отступленіе, скорѣе стрѣляются, дѣлаютъ себѣ харакири, чѣмъ отдаютъ въ плѣнъ, а, попавшись въ плѣнъ, разбиваютъ себѣ объ стѣну головы. Ничего подобнаго я не видѣлъ. Можетъ быть, какой-нибудь, не вполне умственно нормальный или чересчуръ экзальтированный офицеръ и покончилъ съ собой, но это исключительные факты, наблюдавшіеся также и въ нашей арміи. У насъ тоже нѣкоторые пускали себѣ пулю въ лобъ, лежа ранеными на полѣ сраженія, изъ нежеланія попасть въ число плѣнныхъ. Зато я самъ былъ свидѣтелемъ,

какъ японскіе офицеры,—не говорю уже о солдатахъ,—бросались на колѣни и, поднимая вверхъ руки, просили о пощадѣ. Я видѣлъ ихъ бѣгство, видѣлъ, какъ ихъ собственныя войска встрѣчали огнемъ бѣжавшія части, чтобы удержать ихъ отъ отступленія, и все-таки удерживать ихъ не могли. Также говорили, что у японцевъ прекрасныя топографическія карты, далеко превосходящія наши... Ничего подобного. Они перехватили наши карты, сдѣлали надъ нашими надписями японскія и сфотографировали. Этими картами и пользуются.

Я не хочу умалять ихъ достоинствъ: японская армія представляетъ изъ себя компактное единое цѣлое, объединенное общимъ духомъ; японцы—упорные и храбрые воины, но и они такіе же люди, какъ и другіе. У нихъ нѣтъ ничего сверхчеловѣческаго, ничего того, о чемъ пѣлось въ пирамидахъ. Какъ я раньше сказалъ, они преисполнены сознанія и пониманія цѣли войны. Вотъ этихъ-то качествъ и не доставало нашимъ войскамъ. Но развѣ кто-нибудь попытался имъ объяснить то значеніе, какое имѣетъ настоящая война для

родины, какую пользу принесетъ намъ ея побѣдоносное окончаніе. Имъ лишь сказали: «идите проливать кровь за Царя и за родину». Правда, это—прекрасно, это—уже много. Но въ настоящее время, когда, несмотря на низкій умственный уровень, у простого народа уже появилось критическое отношеніе къ дѣйствительности, это не есть еще все, что требуется для сознательнаго одушевленія, необходимаго для побѣды надъ врагомъ, въ особенности такимъ, какъ японцы, съ ихъ болѣе усовершенствованной военной техникой. Даже теперь, послѣ неудачи подъ Мукденомъ, когда продолженіе войны, до ея побѣдоноснаго конца, стало для насъ еще болѣе необходимымъ, когда цѣль сдѣлалась болѣе ясной и выпуклой, все-таки никто не находитъ нужнымъ объяснить это войскамъ, сказать имъ, за что они проливаютъ кровь, для чего намъ необходима побѣда... Скажите имъ, наконецъ, что эта побѣда нужна намъ, чтобы возстановить нашъ престижъ великой, сильной державы, чтобы оберечь свою территорію на Дальнемъ Востокѣ отъ посягательства япон-

цевъ, которые, укрѣпившись въ Корей и Манчжуріи, могутъ, когда угодно, отнять се у насъ, сдѣлавшись, въ случаѣ нашего пораженія, совершенно для насъ неуязвимыми. Наконецъ, нельзя же бросить на произволъ судьбы сотни милліоновъ народныхъ сбереженій, истраченныхъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и на созданіе городовъ въ Манчжуріи. Русскій народъ лижетъ кости, но не отдастъ своего Саратова, Тамбова, Томска или Иркутска. Почему же, спрашивается, Харбинъ, созданный изъ нашей же плоти и крови, на наши же средства, долженъ быть менѣе намъ дорогъ? Скажите имъ все это, и вы увидите, что у нихъ явится разумное пониманіе цѣли и ея достиженія и они приведутъ насъ къ побѣдѣ, подобно ихъ отцамъ и дѣдамъ. И тогда не будутъ терзать душу любящаго Россію и русскій народъ человѣка тѣ сочувственныя слова, которыя говорятъ, яко бы въ утѣшеніе намъ, наши друзья. Для меня эти *paroles de condoléance* гораздо хуже того злораднаго смѣха, который слышится въ лагерѣ нашихъ недруговъ послѣ каждой нашей неудачи.

Нерѣдко приходится слышать мнѣніе, что пораженіе заставитъ насъ взяться за разумъ и исправить всѣ недочеты нашей жизни, послѣ чего экономическое благосостояніе Россіи увеличится, и мы скоро возмѣстимъ потери, понесенныя въ эту неблагоприятную войну. Указываютъ на примѣръ Франціи, послѣ погрома 1870 года. Но мнѣ думается, чтобы развиваться экономически, нужно быть политически сильными, нужно имѣть возможность парировать удары извнѣ, потому что нѣтъ народа, который бы искренно радовался нашему прогрессу, за исключеніемъ развѣ славянъ. Всѣ боятся нашего могущества, а вѣдь каждому понятно, что экономическій прогрессъ еще болѣе усиливъ бы его и сдѣлалъ бы насъ дѣйствительно непобѣдимыми. Поэтому, какъ только нашъ экономическій прогрессъ начнетъ давать молодые здоровые ростки, должеспелующіе разростись въ пышное растеніе, наши враги, пользуясь нашей политической слабостью, опять нанесутъ намъ ударъ, который уничтожитъ всѣ результаты начавшагося улучшенія, и мы опять вернемся

къ прежнему положенію и на десятки лѣтъ отстанемъ отъ міровой культуры.

Побѣда надъ японцами возстановитъ нашъ престижъ и возвратитъ потерянное уваженіе и обаяніе. Франція 1870 года не можетъ намъ служить примѣромъ. Она была въ иныхъ условіяхъ: ей погромъ и усиленіе Германіи никому не шелъ въ расчетъ, и это парализовало желанія Германіи, которая черезъ 10 лѣтъ была готова вновь нанести ей еще болѣе сильный ударъ, боясь ея экономическаго прогресса. Мы не въ такомъ положеніи. Нѣтъ того народа, которому былъ бы полезенъ нашъ прогрессъ. За насъ никто не заступится, всякій, наоборотъ, будетъ радъ ослабить нашу мощь и силу. Мы можемъ надѣяться только на самихъ себя, и, если кто-нибудь и улыбается намъ, то только для того, чтобы получить отъ насъ прямую или косвенную выгоду. Мы должны побѣдить, и мы можемъ побѣдить, если проникнемся сознаніемъ необходимости этой побѣды и сумѣемъ внушить это нашимъ войскамъ.

Говорятъ, нужно заключить миръ... Хорошо,—обсудимъ, какія Японія, въ качествѣ побѣдительницы, питаетъ вождельнія.

1) Очищеніе нами всей Манчжуріи, 2) передача ей острова Сахалина, 3) разоруженіе Владивостока, съ непремѣннымъ условіемъ не держать здѣсь флота, 4) власть надъ Кореей, 5) оставленіе за собою Портъ-Артура, 6) контрибуціи, скажемъ, въ одинъ милліардъ рублей.

Такимъ образомъ, мы лишились бы желѣзной дороги до Владивостока, и намъ нужно было бы построить новый путь отъ Срѣтенска до Владивостока, и вновь израсходовать болѣе двухъ сотъ пятидесяти милліоновъ рублей. Господство наше на Тихомъ океанѣ будетъ сведено до нуля, и наша окраина окажется брошена на произволъ судьбы и той же Японіи. Уплата одного милліарда, что равносильно обремененію нашего бюджета на 50—60 милліоновъ рублей въ годъ, и тогда именно, когда болѣе всего они намъ нужны для поднятія нашей культуры, въ необходимости чего не существуетъ двухъ мнѣній!.. Все это—независимо отъ потери Сахалина, униженія

государственнаго достоинства и самолюбія, отъ потери престожа и потери сотенъ милліоновъ, израсходованныхъ на сооруженіе Китайской жел. дор. и городовъ.

Нѣтъ, воля ваша, не вѣрю я, чтобы искренній гражданинъ Русскаго государства согласился на это теперь, когда исчерпаны далеко еще не все средства для поворота войны въ другую, благопріятную для насъ сторону.

Я понималъ бы еще такой компромиссъ: чтобы Японія владѣла *de facto* Кореей; чтобы мы вывели наши войска изъ Манчжуріи, оставивъ за собою концессію жел. дороги; чтобы даже Портъ-Артуръ достался японцамъ, а наша Китайская жел. дор. имѣла исходнымъ пунктомъ Дальній. Но, даже и на эти условія, опьяненная побѣдами, Японія не пойдетъ.

Я болѣе чѣмъ убѣжденъ, что, будь завтра созванъ земскій соборъ (или какъ бы его ни назвали — все равно), онъ непремѣнно рѣшилъ бы продолжать войну, напрягши все силы.

XVII.

СТРѢЛЬБА.

Масса снарядовъ артиллеріей и патронъ пѣхотой выпускается зря, безъ всякой пользы, и, поэтому, въ концѣ каждаго большого сраженія, армія сѣтается безъ всякаго рода снарядовъ. То же самое наблюдается и у японцевъ: стрѣляютъ много, безъ толку и надобности.

Говорятъ, артиллерія наноситъ страшный уронъ. Откровенно говоря, этого я не видѣлъ въ мукденскихъ бояхъ. Я, повѣтно, видѣлъ дѣйствіе лишь японской артиллеріи. Какъ поражаетъ наша—не знаю, но японская артиллерійская стрѣльба причиняла намъ весьма несущественную убыль: я не думаю, чтобы, изъ всѣхъ потерь убь-

тыми и ранеными, пало на артиллерию больше двухъ процентовъ. Правда, стрѣляютъ часто и много, вездѣ раздается громовой гулъ, всюду летаютъ шимозы и шрапнель, но все въ пустое пространство—безъ вреда...

Въ гористой мѣстности, какъ Манчжурія, со множествомъ сопокъ, артиллерія стрѣляетъ изъ-за сопокъ. Такъ какъ площадь сопки, за которой предполагается, что расположена артиллерія, невелика, то нетрудно осыпать снарядами постепенно ее всю и напасть на находящуюся здѣсь артиллерию. Наблюденія за дѣйствіемъ снарядовъ здѣсь легче. Хотя и здѣсь далеко не всегда можно опредѣлять, за какой сопкой расположена артиллерія. Но, на равнинѣ, какъ, напр., подъ Мукденомъ, гдѣ селенія расположены густо и гдѣ они обнесены стѣнами и обсажены деревьями, уже на двухстахъ саженьяхъ ничего не видно. А, между тѣмъ, тамъ много овражковъ и такихъ складокъ, въ которыхъ артиллерія можетъ дѣйствовать, оставаясь совершенно невидимой для противника. Извольте найти ее: не все же пространство, въ нѣ-

сколько десятковъ квадратныхъ верстъ, можно осыпать снарядами.

Вообще, артиллерія очень быстро приспособилась къ техникѣ артиллерійскаго боя и скоро свыкается съ характеромъ мѣстности, пользуясь съ большою выгодой ея топографическими особенностями. Японская артиллерія, по качеству орудій, хуже нашей. Наша полевая пушка можетъ сдѣлать въ минуту 8 выстрѣловъ, японская же—не болѣе 4—5. Но, зато, стрѣльбой по площадямъ, которая только и можетъ быть дѣйствительна, они лучше управляютъ, чѣмъ мы. У нихъ больше связи между батареями, и очень часто нѣсколько батарей разныхъ частей дѣйствуютъ совместно, осыпая одну и ту же площадь. У насъ такого общаго дѣйствія артиллеріи нѣтъ.

Наша артиллерія имѣетъ одинъ общій унитарный патронъ — шрапнель, которая можетъ разрываться и на опредѣленной дистанціи и отъ удара—по желанію. У японцевъ снарядъ отъ заряда—отдѣльно, что и уменьшаетъ скорострѣльность ихъ стрѣльбы. У нихъ—два рода снарядовъ: шрапнель, разрывающаяся на опредѣлен-

ной дистанціи, и шимоза (граната), рвущаяся отъ удара. Не подлежитъ сомнѣнію, что существованіе одного рода спарядовъ имѣетъ свою хорошую сторону,—отсутствуетъ путаница, встрѣчающаяся при стрѣльбѣ двумя родами спарядовъ, такъ какъ всегда легко можетъ случиться, что, когда вамъ нужно стрѣлять шрапнелью, у васъ есть граната, и наоборотъ. Это часто наблюдалось у японцевъ. Но зато въ настоящей войнѣ, въ которой многочисленныя китайскія деревни, обнесенныя глинобитными стѣнами, играютъ роль оборонительныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, стрѣльба гранатами, для разрушенія этихъ укрѣпленій, имѣетъ важное значеніе, тогда какъ шрапнель для этой цѣли бесполезна. Въ другихъ же случаяхъ граната приноситъ мало пользы, а если и оказываетъ какое либо вредное для противника дѣйствіе, то лишь чисто моральнаго свойства. Ея звукъ, при полетѣ и ударѣ, крайне непріятенъ и раздражающе дѣйствуетъ на нервы. Но въ концѣ концовъ нервы притупляются и вредъ отъ нея совсѣмъ не замѣтенъ.

Орудія крупнаго калибра необходимы для нанесенія вреда укрѣпленіямъ, но возить за собой и пользоваться ими въ полевой артиллеріи весьма трудно. Во-первыхъ, нужны прекрасныя дороги. Японцы могли пользоваться ими только зимою. Во-вторыхъ, нужно быть увѣренными въ успѣхѣ, такъ какъ они сильно затрудняютъ отступленіе, чтобъ не сказать, что въ этомъ случаѣ вывести ихъ становится невозможнымъ. Не понимаю, почему такъ дорожатъ орудіями. Я думаю, что артиллерія, выставленная на позиціяхъ, принесла бы больше пользы, оставаясь тамъ, во время атаки, до послѣдней минуты и, своимъ убійственнымъ огнемъ, нанося громаднѣйшій уронъ непріятелю, хотя бы даже ей пришлось во время отступленія и бросить орудія.

Наши полевые мортары, могущіе стрѣлять лишь на разстояніе до 3-хъ верстъ, мало пригодны, такъ какъ на такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля ихъ очень трудно сдѣлать незамѣтными и онѣ рискуютъ быть осыпаны непріятельскими снарядами и уничтожены.

Ружейная стрѣльба, по моему мнѣнію, часто производится безъ всякой пользы. Она мало дѣйствительна на далекомъ разстояніи, особенно въ густо населенной мѣстности, гдѣ, за массою деревьевъ, даже вблизи, трудно что-либо разглядѣть. Мнѣ кажется, нужно удерживать солдатъ отъ далекой стрѣльбы,—этимъ путемъ въ нихъ разовьются стойкость и хладнокровіе.

Для иллюстраціи стрѣльбы на далекое разстояніе приведу слѣдующій случай.

На горизонтѣ виднѣются бѣлые дымки разрывающихся шрапнелей... Спрашиваю одного офицера, состоящаго при генералѣ, который руководитъ боемъ:

— Эти дымки, которые видны тамъ на горизонтѣ,—непріятельская шрапнель?

— Да, тамъ наши позиціи.

Ѣду туда. Проѣзжаю мимо редута, занятаго нашими войсками. Сзади меня стрѣляетъ наша батарея и снаряды летятъ черезъ мою голову. Ихъ свистъ болѣе непріятенъ, чѣмъ звуки рвущейся около непріятельской шрапнели. Непріятное чувство еще усиливается тѣмъ, что бывали случаи преждевременныхъ взры-

вовъ снарядовъ. Я начинаю недоумѣвать: наши позиціи такъ далеко, а артиллерія здѣсь,—что бы это значило? Но, такъ какъ, во время проѣзда мимо нашего редута, мнѣ ничего не сказали, двигаюсь дальше. Вдругъ, сбоку отъ меня слышу сухой трескъ ружейной пальбы; смотрю—паша передовая цѣпь. Слѣзаю съ лошади и подхожу къ солдатику, который, стоя на колѣнахъ, стрѣляетъ. Становлюсь въ ту же позу и смотрю по направленію его прицѣла, но, сколько ни стараюсь—ничего не вижу. Наконецъ спрашиваю солдата:

— Куда это ты стрѣляешь?

— Туда, тамъ японецъ.

— Гдѣ же онъ, я его не вижу?

— Да тамъ.

— А ты его видишь?

— Никакъ нѣтъ.

— Для чего же ты стрѣляешь?

— Да такъ, веселѣе.

Оказалось, что тамъ, гдѣ рвались шрапнели, были не наши, а японскія позиціи, а лопались шрапнели, посылаемыя той батареей, которая стрѣляла черезъ мою голову?!

XVIII.

ПОСЛѢДСТВІЯ СДАЧИ ПОРТЬ-АРТУРА.

Говоря объ артиллерійской стрѣльбѣ, не могу не вспомнить о сдачѣ Портъ-Артура, которая никакъ не выходитъ у меня изъ головы, и не столько самый фактъ сдачи — потому что нѣтъ крѣпости, которая держалась бы вѣчно — какъ способъ сдачи, т. е. тѣ условія, на которыхъ произошла капитуляція, и все то, что нашелъ нужнымъ принять и безукоризненно выполнить ген. Стессель. Я не стану спорить, могъ ли Портъ-Артуръ держаться долѣе, хотя мнѣ и приходилось говорить со многими изъ защитниковъ этой крѣпости, которые утверждали, что въ то время не было еще никакой крайности для сдачи. Условія капитуляціи были такіе, какіе принимаются,

когда непріятель силою врывается въ крѣпость, а не при добровольной сдачѣ, и не было необходимости соглашаться передать непріятелю все орудія, снаряды и другіе боевые матеріалы въ полной исправности. Что бы сдѣлали японцы съ защитниками Портъ-Артура, если бы они ворвались въ него силою, а не вошли на условіи капитуляціи? Ничего, кромѣ тѣхъ же предложенныхъ условій, которыя принялъ ген. Стессель; но тогда все орудія могли быть взорваны или потоплены нами, точно также и все снаряды. Развѣ только, что не освободили бы ген. Стесселя и другихъ, вернувшихся съ нимъ, офицеровъ. Но этимъ не были бы посрамлены и отъ этого не пострадали бы ни Россія, ни армія. Между тѣмъ, выдача непріятелю орудій и снарядовъ принесла нашимъ войскамъ большой вредъ. Я не могу забыть того ужаса, который охватилъ меня подъ Мукденомъ, близъ Императорскихъ могилъ, когда, недалеко отъ меня, разорвалась шрапнель. На поднятой мною трубкѣ оказалась буква Г. и арабскія цифры. Бывшій со мною офицеръ объяснилъ, что это наша

шрапнель. Выстрѣлы не смолкали и мы въ ужасѣ вообразили, что это наша батарея стрѣляетъ по своимъ же войскамъ. Но подъѣхавшій вскорѣ полковникъ генеральнаго штаба объявилъ, что противъ насъ стоятъ портъ-артурскіе войска и стрѣляютъ по нашимъ войскамъ пзъ нашихъ орудій и нашими снарядами. Вотъ они—условія капитуляціи, благодаря которымъ Россія имѣла счастье нѣсколькими мѣсяцами ранѣе увидѣть героя Портъ-Артура съ супругой и усеять ихъ путь цвѣтами, въ ароматномъ запахѣ которыхъ генераль Стессель долженъ былъ почувствовать и запахъ невинной крови русскихъ богатырей, пораженныхъ пзъ тѣхъ орудій и тѣми снарядами, которые онъ передалъ непріятелю, дабы скорѣе оповѣстить Россію, какъ свято и честно онъ выполнялъ свой долгъ передъ Царемъ и родиной ..

Я не могу хладнокровно говорить объ этомъ... я видѣлъ изуродованныя тѣла нашихъ солдатиковъ, пораженныхъ изъ собственныхъ же орудій, я слышалъ ихъ стоны и проклятія, и сердце обливается кровью при воспоминаніи объ этихъ ужасахъ...

ХІХ.

ВЫНОСКА РАНЕНЫХЪ СЪ ПОЛЯ СРАЖЕНІЯ.

Вопросъ о выноскѣ раненыхъ съ поля сраженія — весьма важенъ. Нѣтъ такого солдата въ мірѣ, который бы, во время боя, если это для него возможно сдѣлать безъ стыда и навлеченія на себя пареканій, не вышелъ бы изъ цѣпи. Вотъ почему мы видимъ, что, во время сраженій, раненыхъ выносятъ и выводятъ строевые солдаты. Попятно, кромѣ желанія на нѣкоторое время выйти изъ огня, ими руководить въ этомъ случаѣ и гуманное чувство: товарищъ стонетъ, исходя кровью—какъ его не вынести! Но, такъ какъ одного раненаго выносятъ большею частью четыре человѣка, то можно себѣ представить, какъ

должны порѣдить ряды бойцовъ, если допустить выносить раненыхъ строевымъ солдатамъ. Офицеры, насколько могутъ, запрещаютъ дѣлать это, но, вѣдь, и они люди, и ихъ товарищи тоже надаютъ; а если разрѣшить вынести офицера, то, понятно, приходится сдѣлать то же и для солдата, и въ результатѣ—выносятъ всѣхъ. Не разъ части, вслѣдствіе этого, не имѣли успѣха.

Было бы жестокостью проповѣдывать, чтобы раненыхъ не выносили до окончанія сраженія, или до наступленія ночи; но, если дѣйствительно нельзя найти другого исхода, то, какъ ни тяжела такая проповѣдь, приходится настаивать на ней, потому что проявляемая въ этомъ случаѣ гуманность приноситъ много вреда, приводя иногда къ гибели цѣлыи части—тысячи людей.

Но, мнѣ кажется, есть исходъ, если и невыполнѣ удовлетворительный, то, во всякомъ случаѣ, значительно уменьшающій вредъ отъ оставленія солдатами строя для выноса раненыхъ. Почему бы наша благотворительность, пославшая такъ много прекрас-

по устроенныхъ отрядовъ для облегченія страданій нашихъ вонновъ, не могла создать спеціальныя отряды носильщиковъ для выноса раненыхъ съ поля сраженія. Общество или учрежденіе, сдѣлавшее это, принесло бы по-истинѣ громадную пользу. Оно, во-первыхъ, облегчило бы страданія раненыхъ, вынося ихъ скорѣе съ поля сраженія, а во-вторыхъ, освободило бы отъ такой обязанности солдатъ, главная задача которыхъ сражаться, и этимъ не мало людей сохранило бы для боя, гдѣ дорогъ каждый человѣкъ. Эти отряды носильщиковъ во время боевого затишья могли бы заниматься какимъ-нибудь другимъ полезнымъ дѣломъ. Найти же таковое на театрѣ войны всегда можно.

Мнѣ кажется, объ этомъ слѣдуетъ подумать. Можетъ быть что-нибудь и удастся сдѣлать въ этомъ направленіи.

Вообще, подача помощи раненымъ на самомъ полѣ сраженія, по моему мнѣнію, необходима. У насъ она плохо поставлена. Каждый солдатъ имѣетъ перевязочный пакетъ. но, во-первыхъ, не всѣ имъ умѣютъ пользоваться, во-вторыхъ, многіе бываютъ

ранены такъ, что не въ состояніи сдѣлать себѣ перевязку сами. Нужно побольше такихъ летучихъ отрядовъ, которые дѣлали бы перевязки на самомъ полѣ сраженія— тогда для нѣкоторыхъ раненыхъ немедленная выноска съ поля сраженія не являлась бы необходимой.

XX.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ.

Заканчивая свой очеркъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ солдатѣ.

Нашъ солдатъ выносливъ; онъ привыкъ ко всякимъ лишеніямъ, покорно, безъ ропота переносить ихъ. Не скажу, чтобы онъ отличался той удалой, беззавѣтной храбростію, которою обыкновенно надѣляются русскаго солдата. Онъ идетъ впередъ потому, что такъ надо, но у него не развита экзальтація. Онъ не привыкъ къ самостоятельности, у него ограничена инициатива, онъ недостаточно наблюдателенъ и плохо ориентуруется,—не разъ приходилось убѣждаться, что онъ плохо помнитъ уже пройденныя дороги и деревни, въ которыхъ бывалъ (исключеніе составляютъ казаки, которые хорошо ориентуются). И это

не потому, что у него отсутствуют природныя качества, природныя способности: такимъ его сдѣлало военное воспитаніе, муштровка въ общемъ строю, безъ всякихъ самостоятельныхъ задачъ, безъ соотвѣтственнаго воспитанія на маневрахъ, въ смыслѣ умѣнія оріентироваться въ незнакомой мѣстности. Солдатъ въ бою—стойкъ въ отраженіи атакъ и отваженъ въ наступленіи, пока налицо есть руководитель съ такими же качествами, и пока онъ въ строю, но, какъ только командиръ, выбываетъ изъ него, солдаты терпятъ, какъ цыплята, отъ которыхъ отнята мать. Мнѣ самому пришлось наблюдать, какъ смѣло шла рота въ атаку, пока изъ нея не выбыли всѣ офицеры. Но, съ потерей послѣдняго офицера, солдаты заметались, не зная, что дѣлать, и, не придя имъ на помощь сосѣдній ротный командиръ, выславшій своего офицера, они отступили бы. Мнѣ кажется, считаясь съ такими особенностями нашего солдата, необходимо имѣть въ каждомъ полку нѣскольکو запасныхъ офицеровъ, которые бы, въ случаѣ потери всѣхъ офицеровъ въ

ротѣ, могли замѣтить ихъ. (Это только на время настоящей войны, такъ какъ нужно надѣяться, что въ будущей войнѣ наши солдаты будутъ уже другимъ). Видь командиръ другой роты не можетъ всегда знать, что дѣлается у его сосѣдей, а повторныхъ, у него тоже можетъ не оказаться свободныхъ офицеровъ. Это весьма важно, при тѣхъ громадныхъ потеряхъ въ офицерскомъ составѣ, какія имѣютъ мѣсто въ настоящей войнѣ.

Русскій солдатъ, какъ никто другой, исполненъ любви, добродушія и заботливости. Если онъ любитъ офицера, то итъ границъ его заботамъ о немъ: онъ становится самой пѣжной его нянькой. Онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы облегчить его походную жизнь, въ бою онъ старается найти ему болѣе безопасное мѣсто, рискуя въ этихъ поискахъ самъ сложить голову.

Его добродушіе болѣе всего выступаетъ наружу при обращеніи съ плѣнными. Плѣнный японецъ дѣлается гостемъ нашихъ солдатъ. Они хлопаютъ его по плечу, выкрикиваютъ какія-то слова, желая дать ему понять, что онъ въ полной безопасности.

Здѣсь часто можно встрѣтить такіа достойныя умиленія сцены: сидѣтъ японецъ и рядомъ съ нимъ нашъ солдатикъ. Они о чемъ-то разговариваютъ и какъ будто другъ друга понимаютъ. Какъ это они ухитряются — трудно сказать. Вотъ нашъ солдатикъ достаетъ кусокъ сахару и, съ добродушной улыбкой на лицѣ, какъ бы говорящей, что хотѣлъ бы угостить тебя чѣмъ-нибудь получше, да ничего вѣтъ, — суетъ его японцу. Японецъ всячески старается отблагодарить за угощеніе. Доставъ изъ-за пазухи бѣлую галету, онъ протягиваетъ ее солдатнику. Тотъ отламываетъ маленькій кусочекъ, а остальное отдаетъ обратно, стараясь объяснить, что японцу, не привыкшему къ нашему черному хлѣбу, самому понадобится его галета. И оба добродушно смѣются. Трудно повѣрить, что эти люди полчасу тому назадъ съ ожесточеніемъ набрасывались другъ на друга. Не знаю, какъ живетъ нашимъ плѣннымъ въ Японіи, но японцы не могутъ пожаловаться на дурное обращеніе съ ихъ плѣнными.

Солдату твердятъ, что солдатское званіе — одно изъ самыхъ почетныхъ, но онъ этого

не видить: съ нимъ обходити не такъ, какъ съ тѣми, кто носятъ почетное званіе. Оказывая солдату начальство и общество побольше вниманія, не только въ военное, но и въ мирное время, духъ войскъ былъ бы куда выше.

Какая, напримѣръ, разница между системою дисциплины у насъ и у японцевъ! У послѣднихъ дисциплина, по существу, строже, чѣмъ у насъ, по формѣ же—человѣчнѣе. Она не умаляетъ ни человѣческаго достоинства, ни почетнаго званія солдата. Въ присутствіи офицера нижній чинъ можетъ пить, курить и находится во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ. Вызванъ тамъ, гдѣ бываетъ офицеръ, солдатъ пріучается держаться вездѣ одинаково корректно, чѣмъ пріобрѣтаетъ уваженіе всего населенія. У насъ же наоборотъ: солдатъ, въ присутствіи офицера, не имѣетъ права ни курить, ни бывать гдѣ бы то ни было, тогда какъ, если бы, какъ выше сказано, онъ имѣлъ возможность бывать въ общественныхъ мѣстахъ—тамъ, гдѣ бываетъ офицеръ,—онъ пріучился бы къ извѣстному такту въ сношеніяхъ не только съ офи-

церами, но вообще со всеѣми, что отозвалось бы на общемъ строѣ его жизни и подняло бы его нравственное и человѣческое достоинство. Къ прискорбію, теперь не всегда солдатъ корректно держится въ общественныхъ мѣстахъ, а съ другой стороны—отношеніе у насъ къ солдату умаляетъ человѣческое и солдатское достоинство его. Презрительное «ты», съ которымъ офицеръ, по уставу, обращается къ солдату, даже къ тому, который получилъ образованіе или имѣетъ даже знакъ высшаго воинскаго отличія — Георгіевскій крестъ, не составляетъ развѣ оскорбленія «почетнаго званія» солдата?.. Намъ нужно отказаться и въ трактуемомъ вопросѣ отъ устарѣлыхъ формъ и слѣдовать требованіямъ, настойчиво предъявляемымъ новыми условіями жизни...

Не могу не замѣтить при этомъ, что защита традиціоннаго обращенія съ солдатомъ на «ты», встрѣчаемая въ военной литературѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана удовлетворительной, отличаясь крайней неискренностью и наивными софизмами. Воинское званіе есть

дѣйствительно почетное, и этотъ почетъ долженъ быть подчеркнутъ всюду, до низшихъ ступеней арміи. Всякіи уклоненія отъ этого, порожденные давнимъ обычаемъ, сложившимся еще въ рабскія времена, не только давно уже потеряли право на существованіе, но находятся въ прямомъ противорѣчіи съ вновь сложившимися условіями жизни въ арміи и съ ярко проявляющимся народнымъ самосознаніемъ.

Въ Японіи званіе солдата дѣйствительно почетно и войска уважаются всѣмъ населеніемъ. Приведу, можетъ быть не совсѣмъ умѣстный, но весьма характерный въ этомъ смыслѣ фактъ, рассказанный мнѣ однимъ лейтенантомъ нашего флота.

«Молоденькая, очень миловидная цвѣточница, называвшаяся Ишине-Мусме, каждое утро приносила намъ прекрасныя хризантемы. Она мнѣ сильно понравилась, и я, во что бы то ни стало, захотѣлъ познакомиться съ ней поближе. Съ этою цѣлью я обратился къ одной старушкѣ, большой мастерицѣ уговаривать, передъ краснорѣчіемъ которой мало кто могъ устоять. Она ни передъ кѣмъ не останавливалась, не было

такой особы женскаго пола, къ которой она не подошла бы. Когда я предложилъ ей устроить мнѣ знакомство съ маленькой Ивине-Мусме, она рѣзко отвѣтила: «Нѣтъ, нѣтъ, не могу». «Какъ», удивился я—«почему нѣтъ?»—«Она живетъ съ солдатомъ, поэтому уговаривать ее я не могу». Эта старуха, которая безъ стѣсненія пошла бы уговаривать дочь любого сановника, не хотѣла сдѣлать непріятности солдату, защитнику ея отечества.

И вотъ, въ настоящей войнѣ, другъ противъ друга стали двѣ арміи. Въ одной—сознаніе своего достоинства и гражданскаго долга передъ страной, разумное пониманіе цѣли и необходимости ея достиженія. Каждый японскій солдатъ сознаетъ, что, въ случаѣ побѣды надъ врагомъ, военной силы котораго до сихъ поръ страшились всѣ народы, высоко поднимется слава его родины, и Россія, помѣшавшая Японіи воспользоваться плодами ея побѣды надъ Китаемъ, будетъ достойнымъ образомъ наказана. Онъ знаетъ, что будутъ пріобрѣтены Сахалинъ, съ его богатѣйшими рыбными ловлями, столь необходимыми для японскаго населенія, Корея,

съ ея обширными плодородными землями, которыя поступятъ въ полное распоряженіе японскихъ переселенцевъ, о чемъ мечтали еще ихъ предки; что разовьется до небывалыхъ размѣровъ торговли Японіи, что все это подниметъ честь и значеніе Японіи въ глазахъ всего міра и послужитъ къ процвѣтанію экономической жизни страны и улучшенію матеріальнаго благосостоянія всѣхъ ея гражданъ...

Въ другой—лишь потерявшая свое прежнее значеніе голая формула дисциплины, безпрекословнаго подчиненія волѣ начальства, къ чему бы она ни клонилась...

Такимъ образомъ, различіе въ побужденіяхъ, съ которыми выступили другъ противъ друга эти двѣ арміи, громадно. Если къ этому добавить все вышензложенные наши порядки, то станетъ ясно, какъ велика должна быть мощь русскаго солдата, чтобы до сихъ поръ устоять противъ японской арміи, несмотря на все ея преимущества.

Между нашимъ офицеромъ и солдатомъ нѣтъ никакой иной связи, кромѣ служебной. Нравственная связь совершенно от-

существуетъ, интересы солдата не имѣютъ ничего общаго съ интересами офицера, который для него является членомъ привилегированнаго сословія, не пользующагося вообще симпатіями простаго народа—главной массы нашей арміи. Отсутствіе общегражданскихъ правъ еще болѣе усиливаетъ эту отчужденность. Такимъ образомъ, все держится только на служебныхъ отношеніяхъ, на служебной связи. И эта связь исчезаетъ, какъ только солдатъ покидаетъ армію и уходитъ въ деревню. Жизнь внѣ арміи не даетъ ничего, что могло бы измѣнить его взглядъ на привилегированный классъ и въ частности на офицерство, и, понятно, при возвращеніи въ армію, это отсутствіе связи чувствуется имъ еще сильнѣе, особенно, если принять во вниманіе уже другой составъ офицеровъ. Совсѣмъ другое мы видимъ у японцевъ. Тамъ всѣ элементы арміи связаны другъ съ другомъ общегражданскими, національными интересами, и это, при строгой дисциплинѣ, дѣлаетъ японскую армію крѣпко сплоченнымъ цѣлымъ.

Русскій солдатъ — истронутый родникъ высокихъ природныхъ качествъ. Поднимите его культурный уровень, дайте надлежащее направленіе его мысли, и равнаго ему не будетъ въ мірѣ, несмотря на отсутствіе въ его натурѣ вомпственнаго духа.

У читателя не можетъ не возникнуть вопроса: какъ же ведутъ себя на войнѣ солдаты нашей арміи, принадлежащіе къ другимъ національностямъ? Въ отвѣтъ на это могу сказать, что я никогда не предполагаю такого единодушія, такой солидарности между солдатами разныхъ національностей и религій. Все они одинаково безропотно переносятъ походныя невзгоды, одинаково храбро и стойко ведутъ себя въ сраженіи. Между ними не замѣчается никакой розни, все живутъ дружной семьей, не обращая вниманія на религіозныя и національныя различія. Общая судьба объединила ихъ и образовала изъ нихъ, хотя и конгломератъ, но такого плотнаго состава, что объ него могутъ разбиться и болѣе однородныя породы. Поляки — прекрасные, храбрые солдаты. Мнѣ случайно пришлось

слышать слѣдующій діалогъ (не могу сказать, между кѣмъ именно — говорить ли офицеръ съ солдатомъ, или кто другой).

— Вы храбро деретесь, молодцы.

— Старася, какъ можемъ, не отстаемъ отъ другихъ.

— Изъ-за чего вы, въ сущности, деретесь? Въдъ русскіе васъ притѣсняють, въдъ они не даютъ вамъ правъ.

— Это тамъ, въ Россіи, тамъ—другое дѣло. Здѣсь, мы—солдаты и должны сражаться. Солдатская честь—выше всего.

Кавказцы, бессарабцы (румыны), финляндцы, вѣмцы—вообще все держатся одинаково.

Какіе только анекдоты не рассказываютъ о трусости евреевъ! Между тѣмъ, въ настоящую войну, не мало изъ нихъ также показали себя прекрасными, храбрыми и порядительными солдатами. Не мало ихъ награждено Георгіевскими крестами, есть нѣкоторые, имѣющіе даже два и три, и эти кресты давались не начальствомъ, а присуждались самой ротой! И какъ любили этихъ евреевъ другіе солдаты. Офицеры тоже не могли нахвалиться ими.

Всѣ эти отрадные явленія доказываютъ, что у русскаго народа нѣтъ ни національнаго, ни религіознаго фанатизма, который бы передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе, для котораго не существуетъ никакаго критерія, никакихъ доводовъ здраваго разсудка, который безсознательно и слѣпо ненавидитъ все чужое.

Когда всѣ народы русскаго государства будутъ пользоваться одинаковыми правами; когда исчезнутъ всѣ искусственные преграды, которыя служатъ только причиною наблюдаемой нынѣ розни; когда, пользуясь равноправіемъ, всѣ сдѣлаются одинаково искренними гражданами,—тогда образуется одна великая россійская семья, всегда готовая дружно встать на защиту своего государства, такъ какъ только при такихъ условіяхъ для всѣхъ будетъ одинаково обезпечено экономическое благосостояніе, являющееся для массы главнымъ руководящимъ принципомъ, и тогда политическое могущество Россіи станетъ на недостижимую высоту.

Апрѣль, 1905 г.

XXI.

МИРЪ ИЛИ ВОЙНА.

Пока я писалъ и издавалъ «Правду о войнѣ» произошла ужасная Цусимская катастрофа. Вслѣдствіе этого представители Россіи уже отправились для встрѣчи съ японскими. Отъ ихъ переговоровъ зависить будущее Россіи, поэтому я счптаю необходимымъ въ настоящемъ второмъ изданіи высказаться по этому поводу.

Знаю, что настоящая моя статья снова вызоветъ на меня нареканія*). Но, быть можетъ, для тѣхъ, кто захочетъ выслушать меня хладнокровно, мой «оптимизмъ» предстанеть въ иномъ свѣтѣ.

*) Нѣкоторыя газеты обвиняли меня въ оптимизмѣ.

Разберемся хладнокровно, безъ партійной страстности, въ томъ, что нужно въ настоящее время Россіи: миръ во что бы то ни стало и на какихъ бы то ни было условіяхъ или продолженіе войны? Какіе плоды то или другое рѣшеніе принесетъ Россіи въ настоящее время «внутренней смуты»? Какъ отразится оно на желаемыхъ реформахъ? Возможно ли еще продолжать войну и довести ее до благополучнаго для насъ конца? Все ли сдѣлала страна для достиженія такого результата, или же есть неиспользованныя средства?

Каждый день и въ разныхъ слояхъ общества слышишь одни и тѣ же сужденія, и съ каждымъ днемъ они становятся нервнѣе: «гдѣ намъ продолжать войну»; «не вѣрится намъ въ возможность побѣды»; «все въ этомъ отношеніи для насъ кончено»; «намъ нуженъ миръ, какою бы цѣною онъ ни былъ купленъ». Слушая эти и тому подобныя восклицанія, иногда похожія на истерическіе вопли, право, можно подумать, что въ Россіи появилось своего рода психическое разстройство—убита воля, со-

знательная волевая дѣятельность. Людей охватилъ страхъ, доходящій до паники, при которомъ нѣтъ мѣста спокойной критикѣ и здоровой логикѣ. Это подобно тому, когда большое число войска охватываетъ паническій страхъ отъ залпа, произведеннаго взводомъ непріятеля, котораго въ сущности эти обузанны паникой войска могли бы безъ особенныхъ усилій въ одно мгновеніе стереть съ лица земли. Это тоже потеря воли и сознательной критики. Понятно, такое состояніе войскъ должно имѣть свою причину, ибо оно не происходитъ такъ, безъ всякаго повода. Настоящее настроеніе русскаго общества также имѣетъ свою глубокою причину. То волненіе, которымъ охвачено русское общество, не есть продуктъ однѣхъ военныхъ неудачъ, а главнымъ образомъ результатъ того внутренняго состоянія, которое сейчасъ переживаетъ Россія. Военныя неудачи произвели такое потрясеніе, которое, какъ это и бываетъ въ отдѣльных организмахъ, возбудило усиленную дѣятельность однихъ органовъ, понятно, въ ущербъ другимъ. То, что ранѣе (толь-

ко не вполне сознательно) чувствовалось, теперь стало ясно и явилось во всемъ своемъ ужасѣ: рельефно выступила вся нагота тѣла, стала понятна причина, по которой злило и вздрагивало это тѣло; стало ясно, почему безцѣльно тратилась энергія на его согрѣваніе—потому, что одежда оказалась настолько истрепанной и истлѣвшей, что давно уже не была въ состояніи ограждать его отъ непогоды. Всѣ пришли къ убѣжденію, что существующій строй Россіи отжилъ свое время, и на этотъ счетъ, кажется, уже нѣтъ болѣе двухъ мнѣній. Разногласіе встрѣчается лишь въ томъ, какая форма наиболѣе цѣлесообразна, наиболѣе пригодна для его замѣны. Но всѣ увѣрены, что самъ организмъ русскій здоровъ и жизнеспособенъ, что ему нужно лишь дать надежную одежду, и тогда увидятъ, какая мощь скрыта въ этомъ организмѣ и какъ (при здоровомъ руководствѣ) онъ разовьется и станетъ сильнымъ.

Вотъ эта нагота настолько ужаснула сознательные элементы русскаго общества, что ими овладѣла какая-то паника, потеря

самообладанія, потеря воли. Это вызвало стремленіе поскорѣе одѣться и парализовало возможность здраваго обсужденія, какимъ путемъ лучше выйти изъ того положенія, въ которомъ очутилась Россія.

Что реформы нужны—сознають всѣ отъ мала до велика, отъ Царя до пастуха; но каковы онѣ должны быть? Въ этомъ-то и весь вопросъ. Созывъ народныхъ представителей не составляетъ еще начала и конца необходимыхъ реформъ: это только тотъ путь, черезъ который онѣ должны быть наилучшимъ образомъ осуществлены; это тотъ способъ, посредствомъ котораго станетъ очевиднымъ, какія именно мѣропріятія самыя насущныя и цѣлесообразныя. Но при какихъ условіяхъ этотъ народно-государственный органъ будетъ въ состояніи лучше функціонировать? Въ состояніи угнетенности и подавленности или же въ бодромъ, преисполненномъ собственнаго достоинства и своей мощи? Я думаю, двухъ отвѣтовъ тутъ быть не можетъ. Слѣдовательно, заключеніе мира на тяжелыхъ условіяхъ, которое ляжетъ гнетомъ на націю, а значитъ и на ея представителей, должно,

естественно, неблагоприятно отразится и на ихъ будущей работѣ; наоборотъ, почетный миръ и благополучный исходъ войны ободрятъ націю, увеличатъ ея силы, и поэтому работа будущихъ представителей окажется много плодотворнѣе. Вѣдь все то, что рождаетъ организмъ въ угнетенномъ состояніи, хило и недолговѣчно, и, наоборотъ, рожденное въ здоровыхъ условіяхъ—жизнеспособно.

Не разъ приходилось слышать мнѣніе, что если наши войска одержать побѣду, бюрократія признаетъ себя сильной и не пойдетъ на уступки, и о реформахъ тогда не будетъ и рѣчи, а если что и будетъ дано, то такія мелочи, которые не только не поправятъ дѣла, а, наоборотъ, еще болѣе его ухудшатъ. Далеко не правы тѣ, которые такъ думаютъ. Возврата къ старымъ порядкамъ уже быть не можетъ (все равно, какъ къ старику не возвращается молодость), какой бы исходъ ни имѣла война.

Но въ правѣ ли отдѣльные лица рѣшать, какія реформы нужны Россіи? Всякій выступающій въ настоящее время со своимъ

проектомъ выступаетъ отъ себя лично, за свой рискъ и страхъ, и это еще не значить, что таковы желанія народа. Народъ выскажется черезъ своихъ представителей; только они могутъ объявить, что нужно народу, какихъ реформъ онъ хочетъ. Значить, дайте возможность собраться этимъ представителямъ народа, и они, повѣрьте, сумѣютъ доказать и убѣдить, какія реформы нужны для умиротворенія возбужденныхъ умовъ и для моральнаго и матеріальнаго поднятія Россіи, и помѣхой этому никакимъ образомъ не могутъ быть побѣдоносныя войска, которыя не менѣе мирныхъ гражданъ сознали неудовлетворительность русскаго строя, запечатлѣвъ это сознаніе своею кровью. Побѣдоносныя войска грудью станутъ въ защиту народа, на защиту его интересовъ,—дайте имъ только возможность гордо держать свои головы.

Тѣ, которые желаютъ мира во что бы то ни стало, возьмутъ ли на себя отвѣтственность за послѣдствія этого мира передъ народомъ и опозоренной арміей? Они предлагаютъ правительству принять на себя эту отвѣтственность, а между тѣмъ, стань

они сегодня въ ряды народныхъ представителей, съ моральной отвѣтственностью за всѣ свои предложенія и слова, я убѣжденъ, ихъ голоса были бы далеко не такъ громки, и, весьма вѣроятно, нынѣшній кличъ мира превратился бы въ боевой—«биться до послѣдней возможности».

Но, можетъ быть, дѣйствительно у Россіи изсякли всѣ средства для дальнѣйшей борьбы? Быть можетъ, она уже сдѣлала все, что могла, и ей не остается ничего другого, какъ довѣриться «благороднымъ чувствамъ и побужденіямъ» своего побѣдоноснаго противника?

Прежде чѣмъ сказать, все ли сдѣлала Россія, посмотримъ, что именно она сдѣлала въ этой войнѣ.

Русская армія понесла два крупныхъ пораженія—подъ Лаояномъ и Мукденомъ. Подъ Лаояномъ она имѣла не болѣе 200,000 строевыхъ солдатъ, съ весьма слабымъ техническимъ оборудованіемъ, подъ Мукденомъ—менѣе, чѣмъ 350,000 строевыхъ солдатъ, при немногo лучшемъ, но далеко еще не совершенномъ техническомъ оборудованіи. Спрашивается, неужели это

вся та сила, которую может выставить «Великая Россія», съ ея 150-ти милліоннымъ населеніемъ? Неужели изъ 4.000,000 своей арміи она могла для войны на Дальнемъ Востока удѣлить лишь эту сравнительно небольшую силу? Неужели этимъ исчерпывается все, чѣмъ можетъ располагать Россія противъ японцевъ? Нѣтъ, воля ваша, какъ бы пессимистически ни смотрѣть на силы Россіи, онѣ гораздо внушительнѣе,—Россія въ состояніи выставить силы, несравненно большія этихъ. А разъ это такъ, то, судя по тѣмъ операціямъ, которыя мы видѣли въ бывшихъ сраженіяхъ, имѣвшихъ для насъ такой печальный конецъ и повергшихъ большую часть русскаго общества въ такую панику, поворотъ дѣлъ въ нашу пользу возможенъ, какъ бы ни была несовершенна организація русской арміи. Численное превосходство, котораго хронически недоставало русской арміи, будетъ имѣть рѣшающее значеніе.

Но, можетъ быть, мы не въ состояніи доставить на театръ войны такое количество войскъ, чтобы у насъ получилось въ

достаточной мѣрѣ численный перевѣсъ надъ противникомъ?

Я знаю такіе мѣсяцы, когда изъ Россіи доставлялось въ Манчжурію слишкомъ 100,000 человѣкъ, а въ настоящее время Сибирская ж. д. настолько улучшила свою провозоспособность, что нельзя и сравнивать съ 1904 годомъ.

Можетъ быть продовольственный вопросъ послужить помѣхой содержанію большой арміи на театрѣ войны? Правда, рѣшеніе этого вопроса встрѣчаетъ большія трудности, но все-таки и онъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно, благодаря тому, что часть продовольственныхъ предметовъ можетъ дать Сѣверная Манчжурія, а недостающимъ можетъ въ изобиліи снабжать Западная Сибирь.

Наконецъ, можетъ быть, Японія параллельно съ нами будетъ увеличивать численность своихъ войскъ, и мы всегда окажемся въ томъ же положеніи, въ какомъ находились подъ Лаояномъ и Мукденомъ? На это можно отвѣтить слѣдующее: во-первыхъ населеніе Японіи составляетъ одну треть населенія Россіи, а во-вторыхъ,

наша военная организація болѣе старая, поэтому и контингентъ военныхъ по отношенію къ количеству населенія у насъ болѣе многочисленный, чѣмъ у нашего противника съ его еще молодой военной организаціей. Особенно эта разница должна быть значительна по отношенію къ офицерскимъ кадрамъ. Предположеніе, что Японія можетъ выставить милліонъ и даже полтора войска, мнѣ кажется, въ значительной мѣрѣ преувеличено. Довольно вспомнить, что, напримѣръ, Германія, когда она ставила на карту свое существованіе въ войнѣ 1870 г., изъ всѣхъ союзныхъ нѣмецкихъ государствъ смогла выставить противъ Франціи не болѣе 800,000 чело-вѣкъ, а Франція и того меньше. А вѣдь военныя организаціи двухъ соперниковъ въ то время были гораздо старѣе существующей теперь въ Японіи. 20—25 лѣтъ далеко недостаточны для того, чтобы создать армію въ полтора и даже милліонъ хорошо обученныхъ солдатъ. Тѣмъ болѣе это трудно для Японіи, въ которой еще такъ недавно не существовало той военной организаціи, которая даетъ возмож-

ность приготовить и оборудовать войска такой численности. Известно, какими сравнительно небольшими средствами располагает Японія. Производительность ея не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ миллиарда рублей въ годъ (около 32 руб. на жителя). Она принуждена привозить изъ-за границы всѣ минералы (за исключеніемъ мѣди), шерсть, хлопокъ и т. д. Ея торговый балансъ отрицательный — она больше привозитъ, чѣмъ вывозитъ, расчетный еще хуже. Вотъ почему ея бюджетъ въ сравненіи съ другими государствами такъ незначителенъ, — всего около 200 миллионъ руб. въ годъ. Предположимъ, что Японія изъ этого небольшого бюджета удѣляла львиную долю на военныя надобности, все же онъ былъ недостаточенъ на созданіе военной организаціи для арміи большой численности въ $1—1\frac{1}{2}$ мил. солдатъ, тѣмъ болѣе, что всѣ матеріалы приходилось ей приобретать за границей. Какъ бы быстро ни шагала Японія по пути прогресса и какія бы чудеса она ни дѣлала въ этомъ отношеніи, все-таки въ 20—25 лѣтъ, при скатанныхъ экономическихъ условіяхъ, она

не могла достигнуть того, на что европейскимъ культурнымъ странамъ оказалось мало нѣсколькихъ столѣтій и огромныхъ ежегодныхъ затратъ. Понятно, не нужно увлекаться, слѣдуетъ считать все въ неблагопріятномъ для насъ соотношеніи, но не такъ, чтобы свое умалять чуть не до нуля, а противника возводить до невозможныхъ величинъ; «*pas trop de zèle*» въ обѣ стороны.

Нѣтъ спора, что японская армія лучше оборудована въ техническомъ отношеніи и имѣетъ лучшіе порядки. За исключеніемъ личныхъ природныхъ качествъ солдата, японская армія оказалась лучше подготовленной къ веденію настоящей войны, а если къ этому добавить разницу въ побужденіяхъ, то слѣдовало бы удивляться, если бы японскія войска, даже при равныхъ силахъ, не брали верха надъ нами.

Если все это было извѣстно и ранѣе, то невольно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ же такъ неосторожно мы «сунулись въ воду, не спросясь броду». Почему, при сказанномъ положеніи, мы рѣшились дать два крупныхъ сраженія, почему дали воз-

возможность противнику подняться духомъ, а нашимъ войскамъ ослабѣть, и это тѣмъ болѣе, что въ русскихъ войскахъ вообще въ этой войнѣ не было энтузіазма. Почему мы не отступали безъ серьезныхъ боевъ до тѣхъ поръ, пока наша армія не сдѣлалась бы по численности сильнѣе своего противника? Правдивый отвѣтъ на эти вопросы сможетъ дать только будущій историкъ настоящей войны. Талантливый французскій корреспондентъ Нодо отвѣчаетъ на нихъ фразой: «они не знали». Скажемъ, что дѣйствительно «они не знали» до лаоянскаго боя; но послѣ неудачи подъ Лаояномъ «они» уже не могли не знать, а все-таки было дано еще болѣе крупное сраженіе, или, вѣрнѣе, рядъ крупныхъ сраженій, кончившихся для насъ еще болѣе печально. Помимо другихъ причинъ, пока еще неизвѣстныхъ простымъ смертнымъ, мнѣ кажется, одной изъ причинъ было такъ называемое русское «авось», а по моему мнѣнію—наше сознаніе своего природнаго превосходства, всегда выводившее насъ до сихъ поръ изъ бѣды. «Они» уподобились ученику, который, со-

знаявая свои природныя способности, идетъ на экзаменъ неподготовленнымъ—и проваливается. Но этотъ даровитый и самолюбивый ученикъ требуетъ переэкзаменовки, и ужъ такъ ней онъ такъ готовится, что сръзавшіе его учителя разводять руками. Такъ ли поступаетъ Россія послѣ неудачно сданнаго экзамена? Можетъ быть, нынѣшніе русскіе люди просто-на-просто болѣе благоразумно думаютъ, что интересы государства не должны быть связаны съ національнымъ самолюбіемъ, и что поэтому нѣтъ смысла нести жертвы для такого дѣла, которое не сулитъ никакой выгоды государству, молъ «попробовали неизвѣстно ради чего воевать, хотѣли показать себя, не удалось—и ладно: нечего больше копья ломать!»

Все это было бы такъ, если бы не было иначе. Что подобныя неудачи не проходятъ для народовъ даромъ, что онѣ оставляютъ неизгладимый, глубокій слѣдъ, можетъ служить примѣромъ пораженіе французовъ въ 1870 г. Эту войну, какъ извѣстно, затѣялъ не французскій народъ, а

Наполеонъ III изъ своихъ собственныхъ эгоистическихъ побужденій; пораженіе въ сущности повесъ не французскій народъ, а Наполеонъ III и тотъ режимъ, который существовалъ при немъ во Франціи,—но всѣ послѣдствія за эту неудачу легли на французскій народъ, и эту постыдную войну онъ чувствуетъ еще и донинѣ. До сихъ поръ всѣ дѣйствія французовъ въ международныхъ дѣлахъ носятъ отпечатокъ угнетенности и подчиненности. Эта, хотя и «не народная война», дала возможность противнику Франціи занять преобладающее положеніе въ европейскомъ концертѣ, и французскій народъ какъ-то вяло и неувѣренно проявляетъ активную дѣятельность. Онъ уже не увѣренъ въ себѣ. Вотъ они послѣдствія для націи неудачной войны, съ какими бы цѣлями и кѣмъ бы она затѣяна ни была.

Я не хочу сказать, что пораженія, понесенныя русскою арміею въ Манчжуріи, могутъ имѣть по размѣрамъ такія же послѣдствія, какія имѣла для Франціи неудачная война съ Германіей. Уже по одному географическому положенію и очер-

танію границь Россіи они не могутъ такъ отразиться на ней; кромѣ того и самое пораженіе не такихъ размѣровъ. Но все-таки они настолько ощутительны какъ въ моральномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, что будутъ имѣть очень неблагоприятное вліяніе на будущее международное положеніе Россіи. Всѣ эти послѣдствія могутъ сгладиться или удачнымъ продолженіемъ войны, или же заключеніемъ почетнаго для Россіи мира въ настоящую минуту, такъ какъ уступки со стороны Японіи въ ея требованіяхъ могутъ быть истолкованы только одной причиной—ея неувѣренностью въ успѣшномъ продолженіи войны, ибо японцы лучше многихъ изъ насъ знаютъ цѣну нашей арміи.

Является вопросъ: какія именно условія вяжутся со словомъ «почетный для Россіи миръ»? Условія, которыя дѣйствительно могли бы успокоить національное самолюбіе Россіи, слѣдующія: 1) ни одной пяди русской территоріи, 2) ни одной копейки военнаго вознагражденія, 3) сохраненіе за собой территоріи до второго Сунгари, 4) уплата обществу Китайско-Восточ-

ной желѣзной дор. стоимости переходящаго къ Китаю или Японіи участка жел. дор. отъ Сунгари до Портъ-Артура и Дальняго и, наконецъ, 5) весьма важный пунктъ—протекторатъ Японіи надъ Кореей не долженъ давать права Японіи на укрѣпленіе ни за свой счетъ, ни отъ имени Кореи какого бы то ни было порта на корейскомъ побережьѣ: всѣ корейскіе порты должны быть открыты и свободны. Только эти условія вяжутся со словами «почетный миръ», и всякія другія, большія уступки уже составляютъ «позорный миръ».

Но скажутъ, что все это выясненіе «почетныхъ» и «не почетныхъ» условій есть праздное разсужденіе, если оно не опирается на внушительныя силы, имѣющія возможность сказать: «не хочешь—такъ заставлю». Имѣетъ ли Россія возможность произнести эти сакраментальныя слова и есть ли у нея средства привести ихъ въ исполненіе?

Условія успѣшнаго веденія войны состоятъ изъ трехъ элементовъ: численности войскъ, качества ихъ и матеріальныхъ средствъ страны. Разберемся, хотя

бы въ общихъ чертахъ, въ каждомъ изъ этихъ трехъ элементовъ.

Что Россія располагаетъ большей численностью войскъ, чѣмъ Японія—объ этомъ, кажется, никто не будетъ спорить; что въ Россіи есть еще много свободныхъ войскъ, которыя, въ случаѣ надобности, она можетъ перебросить въ Манчжурію—тоже не подлежитъ сомнѣнію; вѣрно также, что въ настоящее время нѣтъ никакихъ выдвинутыхъ на политическую сцену вопросовъ, могущихъ нарушить наши дружественныя отношенія съ сосѣдними державами, а потому и нѣтъ причины предполагать, что Россія не могла бы воспользоваться нѣкоторою частью войскъ, расположенныхъ на границахъ съ сосѣдними государствами. Бывшее на-дняхъ свиданіе Государя Императора съ Вильгельмомъ II служить этому надежнымъ свидѣтельствомъ. Согласенъ съ тѣмъ, что, благодаря этому, Россія волей-неволей должна будетъ уступать въ могущихъ возникнуть въ будущемъ вопросахъ международнаго характера; но развѣ присутствіе на европейскихъ границахъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ сол-

дать можетъ измѣнить уже создавшееся положеніе? Наоборотъ, желая выиграть и здѣсь и тамъ, мы и здѣсь и тамъ останемся въ убыткѣ. Надо было много раньше взвѣсить всѣ обстоятельства, — не только прежде, чѣмъ пускаться въ настоящую войну, но и вообще до увлеченія всей дальневосточной политикой; сейчасъ же мы находимся въ положеніи, о которомъ говорятъ: «хвостъ вытацишь, носъ завязнетъ» и наоборотъ. Поэтому теперь ужъ нельзя, идя впередъ, оглядываться назадъ. Нужно безповоротно рѣшить: или туда—или сюда. Въ такія рѣшительныя минуты на двухъ стульяхъ сидѣть нельзя. Разъ Россія твердо и безповоротно рѣшится поддержать свое «не хочешь—заставлю», то сможетъ располагать такимъ числомъ войскъ, которое удовлетворитъ первый элементъ «успѣшнаго воеванія». Весьма важнымъ и рѣшающимъ является вопросъ о возможности доставки такого большого количества войскъ на театръ войны. Какъ раньше сказано, средства передвиженія въ настоящее время въ состояніи перевозить сто тысячъ человѣкъ въ мѣсяцъ, а при нѣко-

торомъ напряженіи и сто двадцать пять. Такимъ образомъ, въ два-три мѣсяца мы можемъ доставить на театръ войны такое количество войскъ, которое съ находящимися тамъ въ настоящее время смѣло обезпечить намъ возможность успѣшнаго окончанія войны. Но эти войска нужно отправлять непрерывно, самымъ интенсивнымъ образомъ, и только послѣ ихъ доставки можно будетъ заняться подвозкой продовольствія, которое къ тому времени уже изсякнетъ въ мѣстныхъ ресурсахъ.

Второй элементъ «успѣшнаго воеванія»—это качество войскъ. Каковы порядки и общее состояніе войскъ нашей арміи, мы видимъ изъ предыдущихъ главъ. Наши войска, несмотря на свое далеко не удовлетворительное состояніе, при меньшей по сравненію съ противникомъ численности, заставили японцевъ купить ихъ успѣхи очень дорогой цѣной; противникъ, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, не разбилъ русскую армію, и попытки два раза устроить намъ Седанъ не увѣнчались успѣхомъ, причемъ условія послѣдняго мукденскаго сраженія были таковы, что, будь въ послѣд-

ней стадіи боя руководство надъ русскими войсками болѣе энергично и смѣло, результатъ боя получился бы иной. Значить, качества русскихъ войскъ ужъ не такъ плохи, чтобы при численномъ превосходствѣ наша армія не могла одержать побѣду. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что опытъ почти полуторалѣтней войны многому научилъ русскія войска. Онъ далъ имъ возможность пополнить тѣ недочеты въ тактическихъ знаніяхъ и военной споривѣ, которыя не были пріобрѣтены въ мирное время, научилъ понимать тактику и пріемы противника, заставилъ измѣнить къ лучшему порядки, царившіе въ арміи, а также улучшить свое техническое оборудование и приспособить его къ условіямъ настоящей войны. Учитывая все это, можно также утверждать, что и второй элементъ «успѣшнаго воеванія» удовлетворителенъ.

Третій и самый важный элементъ—это матеріальныя средства. Я думаю, что въ настоящее время Россія истратила на эту войну около полутора миллиарда руб., т. е. около трехъ милліоновъ рублей въ день.

Нельзя скрывать, что неудачи сильно подорвали нашъ кредитъ и сдѣлали условія дальнѣйшаго кредита весьма тяжелыми. Нечего увлекаться надеждой, что для продолженія войны намъ возможно будетъ безъ большихъ усилій найти средства за границей. Не такъ военныя неудачи, какъ внутреннее революціонное движеніе подорвало кредитъ Россіи на заграничномъ денежномъ рынкѣ. Но довольно было бы установиться «правовому порядку» (введеніемъ провозглашенныхъ реформъ), довольно собраться народному представительству, чтобы опять довѣріе иностранныхъ денежныхъ рынковъ къ нашей платежеспособности возстановилось, а особенно, если бы военное счастье повернуло къ намъ лицо. Во всякомъ случаѣ, пока что, нужно разсчитывать исключительно на свои средства, какъ говорятъ сербы: «надѣйся, кумъ, на себя и на свою ковяку». Но какова же эта наша ковяка? Можно ли разсчитывать, что она въ состояніи вывезти насъ?

Въ другое время можно было бы разсчитывать и на внутренніе ресурсы, на возможность помѣщенія займа внутри го-

сударства; но то же внутреннее положеніе парализуетъ эту возможность въ настоящее время: значитъ, временно единственный источникъ средствъ — это государственная казна. Россія имѣетъ золотого запаса около одного милліарда рублей, который является обезпеченіемъ выпущенныхъ на соотвѣтствующую сумму кредитныхъ билетовъ. Значитъ, употребленіемъ на войну этого золотого запаса уничтожится золотая валюта и русскій рубль, какъ и въ прежнее время, подвергнется колебаніямъ; другими словами, послѣ понесенныхъ изрядныхъ жертвъ для достиженія устойчиваго, не колеблющагося курса русскихъ денежныхъ знаковъ, придется возвратиться къ прежнему положенію. А такъ какъ расчетный балансъ, то-есть разница между суммами, поступающими изъ-за границы за продаваемые нами товары, и суммой, выплачиваемой нами за границу за пріобрѣтенные оттуда товары и въ видѣ процентовъ по нашимъ какъ государственнымъ, такъ и частнымъ обязательствамъ, заключается не въ пользу Россіи, то понятно, что колебаніе курса русскихъ денежныхъ знаковъ

будетъ неудовлетворительно отражаться на русскихъ финансахъ. Во всякомъ случаѣ русская казна располагаетъ суммой около милліарда рублей золотомъ, а на эти деньги можно продолжать войну. Повторяю, что трата нашего золотого запаса—операція очень нежелательная, и что слѣдуетъ стремиться возможно скорѣе восстановить въ странѣ порядокъ, но не репрессивными мѣрами, потому что такой способъ умиротворенія не можетъ служить надежной гарантіей успокоенія въ будущемъ, а безъ твердой гарантіи, что порядокъ не будетъ нарушаться, иностранцы наврядъ ли пожелаютъ вкладывать свои капиталы въ наши цѣнности; я этимъ хотѣлъ только сказать, что въ смыслѣ денежныхъ ресурсовъ Россія не находится въ безвыходномъ положеніи.

Учитывая свои матеріальныя средства, неосторожно было бы игнорировать ихъ у противника. Что финансы Японіи были и есть, пожалуй, хуже нашихъ, никто не станетъ спорить. Она имѣла возможность вести войну только благодаря кредиту, открытому ей Англіей и Америкой. Даже

и у этихъ двухъ государствъ до войны Японія не пользовалась кредитомъ потому, что отсутствовали у нея всѣ факторы кредитоспособности, какъ это раньше объяснено. На что же, значитъ, рассчитывали тѣ, которые ссудили Японіи деньги, кромѣ поддержки ихъ правительствъ? Ссуды давались исключительно въ расчетъ на контрибуцію съ Россіи. По мѣрѣ успѣховъ японскаго оружія шансы на контрибуцію усиливались и кредиторы дѣлались болѣе сговорчивыми. Но достаточно потерпѣть Японіи одно значительное поражение, чтобы эти кредиторы закрыли свои кассы. Имъ извѣстно хорошо, что положеніе Японіи во многомъ хуже Россіи. У Россіи ресурсы въ людяхъ далеко еще не исчерпаны, чего о Японіи нельзя утверждать, у нея эти ресурсы съ каждымъ днемъ изсякаютъ. Я не вѣрю, чтобы Рузевельтъ въ своихъ стараніяхъ привести войну къ концу руководился одними гуманными побужденіями: у него на первомъ планѣ, какъ это и подобаетъ президенту республики, стояли интересы его согражданъ, которые не склонны больше снаб-

жать своихъ должниковъ деньгами и начинаютъ бояться, въ случаѣ продолженія войны, за свои капиталы. Америка ссудила японцевъ деньгами не изъ однихъ симпатій и не изъ-за однихъ выгодъ въ въ будущемъ. Для веденія войны Японіи нужны были сваряженія и всякіе другіе боевые матеріалы. Давая средства Японіи, они сбывали ей свои товары, а такъ какъ вмѣстѣ съ американцами давали деньги и англичане, то американцы получили обратно свои капиталы пожалуй съ избыткомъ. Теперь, когда по ихъ путямъ пошли и нѣмцы и стремятся ихъ замѣнить, то американцамъ дальше нечего дѣлать—и, видите ли, они сразу проникнулись гуманными идеями, стараются склонить воюющія стороны къ миру, твердя, однако, что Россія должна же уплатить хоть какую-нибудь контрибуцію—вѣдь нужно же имъ какъ-нибудь выручить свои деньги. Я представляю себѣ, какую гримасу сдѣлали бы кредиторы Японіи, если бы она, сознавая свое шаткое положеніе, согласилась заключить миръ безъ полученія контрибуціи, на условіяхъ, пріемлемыхъ Рос-

сией. Да, въ такомъ случаѣ злую игру сыграла бы съ ними Японія!

Перейдемъ къ нынѣшнему положенію русской манчжурской арміи.

Цусимская катастрофа, повергшая въ панику русское общество, да, пожалуй, и правительство, дѣйствительно была ужасна и не столько по своимъ послѣдствіямъ для настоящей войны, сколько по самому факту пораженія и по его размѣрамъ. Это одинъ изъ тѣхъ ударовъ, отъ которыхъ безъ сознанія падаетъ человѣкъ, но, очнувшись, встряхивается и, хотя съ болью въ головѣ, оказывается способнымъ продолжать дальше свой путь.

Положеніе на театрѣ войны русской арміи послѣ цусимской катастрофы не измѣнилось. Оно не сдѣлалось хуже того положенія, въ которомъ оказалась русская армія послѣ неудачнаго морского боя 28 іюля, съ момента котораго море стало свободно для японцевъ, и послѣ паденія Портъ-Артура, когда японцы окончательно явились полными хозяевами на морѣ и пріобрѣли возможность свои испытанныя уже въ бояхъ войска, осаждавшія

эту морскую крѣпость, направить противъ нашей арміи, что и вызвало наше пораженіе подъ Мукденомъ. Правда, удачный для насъ исходъ морского боя и даже сохраненіе части эскадры Рождественскаго поставило бы въ худшія условія японскую армію, и, можетъ быть, тогда же окончилась бы война въ нашу пользу; но пораженіе нашего флота непосредственно не измѣнило положенія русской арміи въ Манчжуріи. Оно осталось такимъ, какимъ было послѣ паденія Портъ-Артура и мукденской неудачи.

Я получаю много писемъ изъ арміи отъ людей безпристрастныхъ. Я разговаривалъ съ офицерами, пріѣхавшими изъ арміи,— не съ тѣми, которые, считая себя обиженными, представляютъ все въ мрачномъ видѣ, и не съ тѣми, которые, благодаря своимъ служебнымъ успѣхамъ, видятъ все въ розовомъ свѣтѣ, а съ офицерами, вполне безпристрастными критиками, знатоками военнаго дѣла. Изъ этихъ разговоровъ и изъ писемъ я вынесъ такое впечатлѣніе, что положеніе нашей арміи въ настоящее время несравненно лучше того, какимъ оно

было до мукденскаго боя. Численность нашихъ строевыхъ войскъ несравненно больше бывшей подъ Мукденомъ, порядки изменились къ лучшему, осведомленность о непріятелѣ поставлена болѣе удовлетворительно (доказательствомъ чему служатъ уже нѣкоторые изъ имѣвшихъ мѣсто дѣлъ); духъ войскъ поднялся — появилось общее желаніе во что бы то ни стало смыть позоръ прежнихъ неудачъ; укомплектованіе и увеличеніе арміи произведено не запасными старшихъ возрастовъ, а молодыми, крѣпкими и выносливыми солдатами.

Японцы наврядъ ли могли увеличить численность своей арміи выше того, что имѣли подъ Мукденомъ. Укомплектованіе убыли произведено ими за счетъ людей болѣе стараго возраста или еще недостаточно подготовленными. Я сказалъ, что не думаю, чтобы японцы могли увеличить численность своей арміи. Доказательствомъ этому, кромѣ другихъ соображеній, можетъ служить извѣстіе, переданное мнѣ недавно пріѣхавшимъ изъ Портъ-Артура инженеромъ, остававшимся тамъ долѣе другихъ для передачи японцамъ по описи желѣзно-

дорожного инвентаря. Ему удалось узнать отъ нѣсколькихъ подружившихся съ нимъ японскихъ офицеровъ, что у ген. Ноги передъ сдачей Портъ-Артура оставалось всего около 30,000 человѣкъ (изъ 100-тысячной арміи) и что, несмотря на настойчивыя неоднократныя требованія о присылкѣ подкрѣпленій, онъ получалъ категорическіе отказы изъ Токио, мотивированные полной невозможностью исполнить требуемое; наконецъ передъ самой сдачей была прислана одна вновь сформированная дивизія, да и ту съ дороги повернули на сѣверъ и отправили на подкрѣпленіе арміи Ойямы. Бездѣйствіе японцевъ послѣ ихъ удачи подъ Мукденомъ въ теченіе 4¹/₂ мѣсяцевъ и лучшаго періода года, въ то время, когда наша армія была разстроена, не даетъ ли повода предполагать, что не все обстоитъ благополучно и въ лагерѣ непріятеля?

Если при предстоящихъ мирныхъ переговорахъ японцы не примутъ въ должное вниманіе всѣ эти соображенія и, опьяненные побѣдою, въ предположеніи, что Россія совершенно обезсилена, или подстре-

каемые другими, не согласится на изложенныя пріемлемыя нами условія, намъ не останется ничего другого, какъ продолжать войну до побѣдоноснаго конца, какихъ бы предѣловъ напряженности она ни достигла.

Говоря о продолженіи войны, я, понятно, въ настоящее время иду противъ общаго теченія. Но что до начала войны я не былъ ея сторонникомъ, можетъ убѣдиться всякій, прочитавши мою статью, помѣщенную въ № 1 газеты «Русская Земля» (передовая статья), въ которой я принималъ ближайшее участіе и которая, благодаря исключительнымъ условіямъ режима Плеве, насильственно принуждена была прекратить свое существованіе на четвертомъ номерѣ. Вотъ что я тогда, еще до начала войны, въ то время, когда мои теперешніе обвинители въ угожденіи «верху» покорно молчали, заявлялъ:

«И такъ съ экономической точки зрѣнія Манчурія не сулитъ Россіи никакихъ прямыхъ и значительныхъ выгодъ, а между тѣмъ она поглощаетъ и будетъ поглощать большія средства, собираемыя съ тѣхъ, у которыхъ не только не имѣется никакого избытка, но, наоборотъ, чувствуется нужда буквально въ каждомъ лишнемъ грошѣ.

Однако теченіемъ, увлекшимъ насъ на Дальній Востокъ, можетъ быть отчасти и управляла невидимая для глаза, умѣлая рука. И вотъ почему: нѣ то время, какъ мы приобрѣли и закрѣпили свое значеніе на Дальнемъ Востокѣ, другія державы не дремали. Съ одной стороны, Германія экономически утвердилась во всей Малой Азіи до самаго Персидскаго залива, съ другой—Англія забираетъ Тибетъ. А пѣды лѣтъ десять тому назадъ мы готовы были напасть на Англію за каждую пядь земли въ Тибетѣ. Австрія доминируетъ въ македонскомъ вопросѣ, являясь піонеромъ тевтонскаго *Drang nach Osten*. Вовлеченная въ свою очередь въ китайскія дѣла, Россія волей-неволей не могла удержать того положенія, которое она занимала на ближнемъ Востокѣ, куда наша политика стремилась много вѣковъ кряду, гдѣ мы пролили столько русской крови и принесли такіа громадныя жертвы.

Невольно, ради восточной политики мы сдѣлали рядъ уступокъ и трудно сейчасъ предугадать, до какихъ еще предѣловъ можетъ дойти эта уступчивость? Особенно, если, сверхъ ожиданія, мы будемъ вовлечены въ новую, тяжелую войну.

Таковы ближайшія послѣдствія нашей восточной политики. Въ далекомъ будущемъ перспектива еще менѣе утѣшительна.

Далѣе говорится:

«Оккупировавъ Манчжурію, мы дали обѣщаніе освободить ее отъ нашихъ войскъ, какъ только водворимъ тамъ порядокъ и получимъ возможность при нормальныхъ условіяхъ использовать данныя намъ концессіи. Былъ даже опредѣленъ срокъ. Но обстоятельства измѣнились, и къ этому сроку мы не смогли выполнить того, что было для насъ не только обязательно, но и необходимо.

И, вотъ намъ объ этомъ напоминають. Если это напоминаніе сдѣлано въ приличной формѣ, то въ немъ нельзя усматривать національнаго оскорбленія.

Мы обѣщали очистить Манчжурію. А Россія всегда держала свои обѣщанія. Тѣмъ болѣе это умѣстно въ данномъ случаѣ, когда удержаніе Манчжуріи не сулитъ намъ не только никакихъ благъ, а безусловно вредить во всѣхъ отношеніяхъ!»

Статья оканчивалась:

Не страхъ передъ невозможнымъ пораженіемъ Россіи, а благоразуміе и истинное пониманіе всенародныхъ экономическихъ и политическихъ интересовъ призываютъ насъ къ миролюбію, тѣмъ болѣе, что національной вражды къ японцамъ русскіе не питають и не питали».

Но въ настоящее время условія измѣнились. Война и событія внутренней жизни настолько осложнили наше экономическое и политическое положеніе, что тотъ или иной исходъ мирныхъ переговоровъ имѣетъ громадное значеніе въ дальнѣйшемъ существованіи Россіи. И теперь, не входя въ разборъ того, кто виноватъ, что мы вовлечены въ войну съ Японіей, необходимо найти способъ, при которомъ съ наименьшими жертвами страна могла бы выйти изъ этого ужаснаго положенія. Этихъ виновниковъ при спокойномъ разборѣ, можетъ быть, обвинить не одинъ

судъ исторіи. И какъ тогда я громко, не стѣсняясь, говорилъ объ оккупации Манчжуріи, такъ и теперь говорю, что, если Японія не согласится на пріемлемыя для насъ условія, войну нужно продолжать, и мое глубокое убѣжденіе, что она окончится въ нашу пользу. Такое убѣжденіе я вынесъ, бывши свидѣтелемъ пораженія, что сильнѣе, чѣмъ если бы присутствовалъ при побѣдѣ.

Довольно часто какъ въ обществѣ, такъ и въ печати можно встрѣтить мнѣніе, что Россіи нуженъ не только миръ, но и союзъ съ Японіей. Я, правду говоря, никакъ не могу понять, въ чемъ долженъ заключаться этотъ союзъ, что должно быть предметомъ этого союза. Оборона, наступленіе, или то и другое. Вѣдь для заключенія союза нуженъ предметъ, одинаково интересующій обѣ стороны. Оборонительный союзъ съ Японіей намъ не нуженъ, такъ какъ на Дальнемъ Востокѣ обороняться мы можемъ только противъ одной Японіи, о наступательной здѣсь дѣятельности Россіи можно и не говорить,—достаточно одного примѣра. Одно лишь могло бы слу-

жить предметомъ договора—это разграниченіе сферы вліянія въ Китаѣ, по заключеніе съ этою цѣлью союза съ Японіей равносильно призыву всѣхъ другихъ державъ къ коалиціи противъ такого союза. Могла бы идти рѣчь о томъ, что на почвѣ нашего соглашенія съ Японіей къ намъ могли бы присоединиться Германія и Франція. Но разумѣется, что ни въ какомъ случаѣ на это не пойдетъ Японія. Сколько бы ни говорили, что въ политикѣ нѣтъ мѣста благодарности, Японія въ настоящее время не можетъ дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Англіи и Америки. Вѣдь она прекрасно сознаетъ, что, безъ поддержки этихъ двухъ государствъ, наши представители не отправились бы для переговоровъ о мирѣ въ Вашингтонъ.

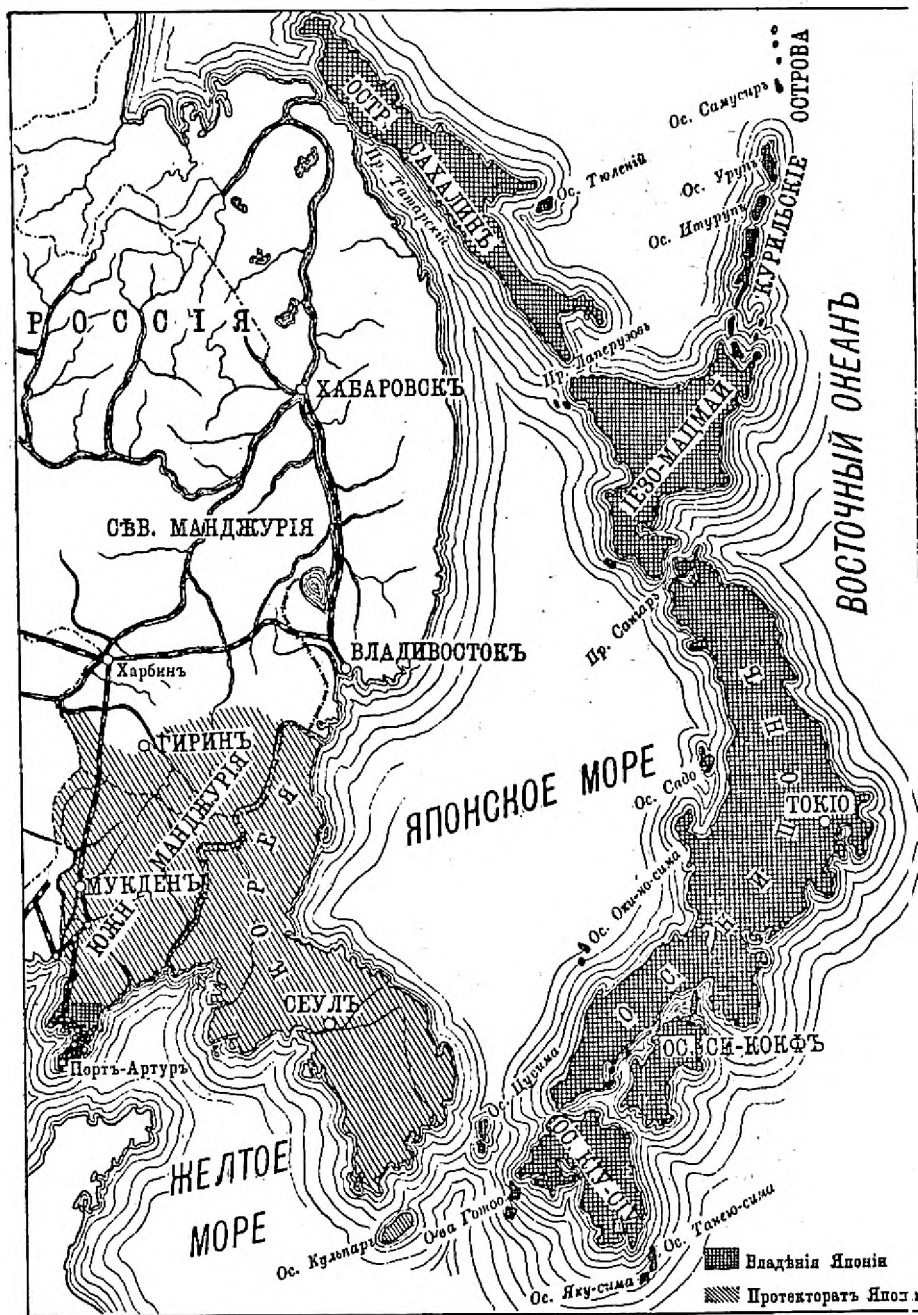
Вмѣсто того, чтобы обсуждать, что можетъ быть предметомъ заключенія союза, посмотримъ, въ какомъ положеніи окажется Россія послѣ заключенія мира «во что бы то ни стало». Японія уже заняла Сахалинъ и даже официально переименовала его въ «Кабафуту»—старое названіе, которое онъ имѣлъ, когда имъ владѣли япон-

цы. Этимъ они какъ бы хотятъ показать, что считаютъ теперь Сахалинъ своимъ и не отдадутъ обратно.

Для наглядности привожу здѣсь схематическій эскизъ нашего географическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ (См. слѣд. стр.).

Картина ясна. Никакихъ комментріевъ не требуется.

Еще одно закрытое для насъ море. Цусимскій бой показалъ, что значитъ владѣть проливами. Мы всегда стремились къ открытому морю, къ выходу на просторъ, насъ всегда душила замкнутость, намъ нужно было не окно въ Европу, изъ котораго можно лишь смотрѣть, а открытые ворота, чрезъ которыя мы могли бы свободно выходить на бѣлый свѣтъ—и намъ казалось, что эти ворота мы открыли. Но они оказались такими же, какъ и константинопольскія, съ той лишь разницей, что къ послѣднимъ мы могли подойти черезъ братскую намъ страну и имѣть дѣло со старымъ, слабымъ, отжившимъ свой вѣкъ стражникомъ, тогда какъ на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ мы предполагали имѣть руки

развязанными, намъ пришлось столкнуться съ сильнымъ и энергичнымъ соперникомъ. И сколько жертвъ, сколько трудовъ пропадаетъ теперь даромъ, какія надежды рушатся, и всего обиднѣе — что это при сознаніи, что Россія по существу должна была побѣдить?

Вотъ почему и упомянулъ, что однимъ изъ условій почетнаго мира для Россіи должно быть запрещеніе укрѣплять корейскіе порты.

На устахъ народовъ, присоединенныхъ къ Россіи, мы видимъ довольную улыбку. Они радуются русскимъ неудачамъ. Удивляться этому нельзя. Развѣ можно скрывать, что русскіе ничего не сдѣлали для того, чтобы нравственно привязать къ себѣ эти присоединенные народы, чтобы поставить ихъ въ положеніе полноправныхъ членовъ одной и той же семьи, которые могли бы одинаково чувствовать и раздѣлять ея радость и горе. И плоды такой политики теперь для всѣхъ ясны. Понятно, отъ людей, лишенныхъ возможности быть гражданами своей страны, нельзя было ждать сочувствія къ ея настоящему бѣдственному

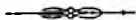
положенію. Но теперь, когда въ душу русскаго народа проникло сознаніе единства съ другими народностями и необходимости для пользы Россіи совмѣстной культурной работы, хорошо ли дѣлають тѣ, которые желаютъ ослабленія и разстройства своей метрополіи? Лучше ли имъ будетъ, принадлежа къ слабому государству? Или они мечтають освободиться отъ Россіи и стать самостоятельными государствами? Не утопія ли это? Въ настоящее время нѣтъ мѣста маленькимъ державамъ. Онѣ только могутъ перейти въ подданство къ другому крупному государству. Выиграють ли онѣ этимъ что либо? Матеріальное ихъ положеніе ухудшится. Такъ не лучше ли быть членами могущественной семьи, съ которой тѣсно связаны ихъ матеріальные интересы? Тамъ, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ насущные интересы,—а такъ должно быть у всѣхъ народовъ,—нѣтъ мѣста сантиментальностямъ и проявленіямъ злобы.

Вы же, русскіе люди, поймите, что ваша нравственная сила состоитъ не въ томъ, что вы, въ качествѣ побѣжденныхъ, сознавали справедливость принципа равноправ-

ности,—ваша нравственная мощь въ томъ положеніи, что вы, въ качествѣ побѣдителей, прониклись гуманными и справедливыми началами равноправія и свободы.

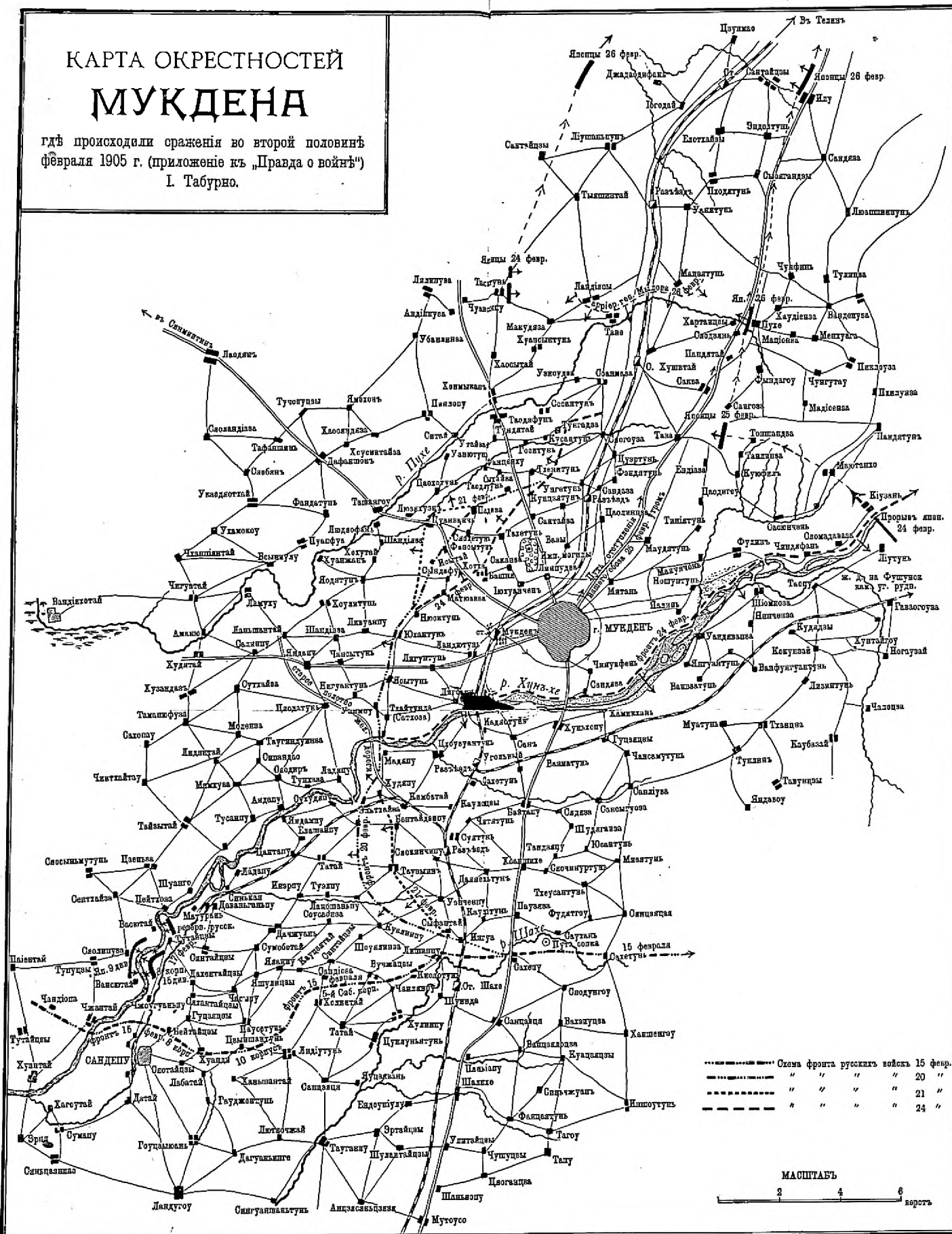
Въ настоящее время главнѣйшая забота должна заключаться въ миротвореніи и успокоеніи внутренней смуты, въ мирномъ разрѣшеніи всѣхъ назрѣвшихъ задачъ при взаимныхъ уступкахъ, безъ злобы и репрессивныхъ мѣръ. Только этимъ путемъ можно придти къ благополучному и желаемому концу какъ въ смыслѣ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ насущныхъ интересовъ, сплотившись искренно и сердечно въ одно общее, одно сплывное цѣлое.

Июль 1905 г.

КАРТА ОКРЕСТНОСТЕЙ МУКДЕНА

гдѣ происходили сраженія во второй половинѣ
февраля 1905 г. (приложение къ „Правда о войнѣ“)
I. Табурно.

ГДЪ ПРОИСХОДИЛИ ОПЕРАЦИИ
12—15 ЯНВАРЯ 1905 Г.

1. ТАБУРНО.

Масштабъ

